БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

туманитарная коллекция **БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ**

АНРИ М.

ШАШИН П.В.

шерток л.

АСМОЛОВ А.Г.

СИМОНОВ П.В.

ЗИНЧЕНКО В.П.

МАМАРДАШВИЛИ М.К.

ЦАПКИН В.Н.

ФИНКЕЛЬШТЕЙН Э.Б.

ГАМКРЕЛИДЗЕ Т.В.

НАЛИМОВ В.В.

ДРОГАЛИНА Ж.А.

ФАЙВИШЕВСКИЙ В.А.

РОТЕНБЕРГ В.С.

МЕЛЕТИНСКИЙ Е.М.

ИВАНОВ В.В.

добрович а.в.

БЕРЕЗИН Ф.В.

ЗЕНКОВ Л.Р.

элисон э.

вышеславцев в.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

**

*

*

многообразие видения

УДК 159.964 Б-536 ББК 88.6

ISBN 5-7593-0196-9 (серия) ISBN 5-7593-0197-7

© Агентство САГУНА 1994 Составление, оформление предисловие, указатели.

Агентство "САГУНА" в 1994 году начинает выпуск ряда серий книг, объединенных общим названием "ГУМАНИТАРНАЯ КОЛЛЕКПИЯ"

Основная цель данной акции - заполнение смысловых и информационных лакун, образоваемыхся в отечественной культуре в результате семидеелятьетего госнодства декаративной моноидеалогии и варварызации книгоиздательской практики в условиях "диклого" вынак пользаних этом.

Книги, входящие в "Гуманитарную коллекцию", соответствуют следующим параметрам:

- широта охвата гуманитарной тематики, многообразие жанровой стилистики сочетаются с высокой смысловой нагрузкой:
- каждое отдельное издание, имея самостоятельную ценность, органически вписывается в конкретную серию и направление в иелом:
- серии, тематически не дублируя друг друга, сохраняют генетическую и смысловую комплементарность (гармонично взаимодополнительны);
- выходящие в свет издания максимально свободны от идеологических наслоений, излишней полемичности и саморекламы авторов;
- состав и тематика серий обладают высокой культурной, праематической и дидактической ценностью для ищрокого круга специалистов гуманитариев и всех, кто в своей профессиональной и учебной деятельности сталкивается с проблемами человеческой природы и духовности. К разряду заинтересованных читателей "Гуманитарной коллекции" можно с уверенностью отнести искусствоведов, медиков, историков, педагогов, политологов, психологов, социологов, филологов, философов, пориств.
- книги, бходящие в состав серий, полезны для специалистов всех уровней, независимо от стадии формирования их профессионального мастерства (студентам и преподавателям, начинающим свою карефу и опытным профессионалам), работающим как в сфере теофетических исследований, так и в области практической деятельности.

Демиургом и Демоном общечеловеческой Истории и индивидуальных Судеб является Бессознательное.

Оно - полновластный деятельный субъект всех форм человеческого существования - сна и яби, грез и реальности, тошноты обыденности и экстаза катастроф. Любовь и бизнес, одиночество и стадные инстинкты, забвение и творчество, смерть и рождение - одинаково подвержены влиянию Бессознательного.

Оно - Бессознательное - является предметом и объектом многих направлений и отраслей исихологии: психоанализа, глубинной, аналитической, трансперсональной и онто-психологии, нейролингвистического программирования и т.п.

С проблемами и откровениями Бессознательного сталкиваотся педагоги и менеджеры, политики и врачи, гористы, психиатры и люди искусства. Немое и скрытое, Оно говорит на бсех языках - слов, жестов, поз, образов и видений. Объявляемое убежищем Диавола, Оно скрывает в своих бездих и Лик Господа.

Бессознательное вынуждает нас собершать мелкие промахи и трагические ошибки, Оно же одаривает нас интуштивными догадками и гениальными озарениями. Выручая 6 безвыходных ситуациях, Бессознательное походя может сгубить жизнь челобека мелкой оговоркой.

Именно Бессознательное - всеобщий и индивидуальный Ад и Рай, возвышенное и низменное, горнее и дольнее.

Оно - это Мы как Реальность мифа и Миф реальности.

Настоящее издание открывает серию "Бессознательное". В книге размещены статьи по методологическим и общетеоретическим вопросам исследования бессознательных аспектов психики человека. Данный акцент на методологические вопросы представляется составителям обоснованным.

- В носледнее время на отечественном книжном рынке стало появляться все больше публикаций классиков психоанализа и их последователей. Эти работы несомненно полезны и нужны, но всегда требуют от читателя введения смысловых поправок, учитывающих два обстоятельства. Во-первых, основатели психоанализа выстраивали свои теории на солидном эмперическом основании, но без учета требований методологии, голосологии науковедения. Во-бторых с момента написания классиками своих работ проило от двадцати лет до почти полного века, так что некоторые представления и теоретические модели классиков стали некоторые представления и теоретические модели классиков стали некотуальны либо фактические опибочны
- С другой стороны, в периодике, кристоматийных сборниках и отдельных изданиях сейчас появляется много статей и работ, авторы которых рассматривают узкопрофессиональные вопросы, исходя при этом из совершенно различных теоретических представлений.
- Многообразие и вариантность подходов, кроме расширения кругозора и углубленного бидения проблемы, породили и возникновение методологического загора между фундаментальным психоанализом и частными (теоретическими и практическими) решениями. Настоящий сборник статей может, по мнению составителей, способствовать заполнению этого загора.

* * *

Структурно книга разделена на три части. В первую часть вошло семь статей (авторы - М.Анри, Л. Шерток, П.Б. Шошин, А.Г. Асмолов, П.В. Симопов, В.П. Зинченко и М.К. Мазвадашбили), посбященных в основном принципам построения концепций о бессознательном.

Вторая часть, состоящая из двенадцати статей (авторы Ф.В. Березин, В.В. Иванов, Ав. Добробич, В.С. Ротенбере, Е.М. Мелетниский, В.А. Файвишевский, А. Шерток, В.Н. Цапкин, Л.Р. Зенков, Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина) дает представление о конкретных реализациях разнообразия теоретических концепций с привлечением фактического материала.

Третья часть состоит всего из двух статей (авторы Эли Элисон и В. Вышеславцев). Они отражают нетрадиционную точку зрения на сферу бессознательного. Кроме того, эти статьи имеют ценность и как исторические документы интеллектуальной жизни российского зарубежья (впервые они были опубликованы в журнале русской эмиграции "Путь").

* * *

Составители приносят сердечную благодарность А.Н. Гальпериной, С.П. Пешкову и С.Л. Ульяницкому за помощь и поддержку при работе над сборником.

СЕРДЦЕ И РАЗУМ ПСИХОАНАЛИЗА

м анри

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО АЛЯ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Вопрос познания человека специфичен; он и сливается с вопросом познания вообще, и отличается от него. Чаще всего познание ммеет своим объектом нечто такое, что отношению к самому познанию, нечто непрозрачное и слепое, нечто такое, что будет вырвано из своей природной среды, чтобы быть вынесенным на свет в познании и с его помощью. Так происходит с природой, камнем, атомом, молекулой, которые купаются в первозданной космической ночи, едва мыслимой, откуда познание и выкватывает их, чтобы представить перед взором сознания, чтобы вручить их ему.

Напротив, не нуждается во вмешательстве иного принципа, нежели он сам, для того, чтобы достичь света феноменальности, принципа, который задним числом отделил бы его от прежнего состояния темноты; он сам является этим светом, сам есть это познание, он есть "сознание".

Как известно, такое резкое выявление человечности (bumanitas) человека посредством феноменальности, феноменализации чистой феноменальности с его радикальным противопоставлением тому, что, напротив, оказывается лишенным способности осуществить задачу проявления человека, было введено Декартом в двух первых "Размышлениях". Это противопоставление у Декарта проявляется в оппозиции уши и тела.

Но мало противопоставлять свет феноменальности тьме, присущей непрозрачной и слепой вещи; нужно точнее выразить, в чем заключается эта феноменальность или собственно сознание. Этот вопрос решающий, если бессознательное психоанализа мыслится как противоположность картезианскому сознанию и если мы желаем показать, как еще до появления психоанализа, и будучи его несомненным предшественником, понятие бессознательного окрепло в умах и выдвинулось во всей классической западной философии как отрицание или следствее содію Декарта.

Как же понимал сознание Фрейд? Первое его высказывание на эту тему может показаться обманчивым и вводящим в замешательство. "Нет нужды объяс-

HETT, SACCE UTO MEE HESTERN COSUSTALLIUM IS BURN SOFANDISETCE COMO COSUSUMA философов и широкой публики". Второй ответ, наоборот, поражает своей четтостью Возражая против традиционного философского отождествления "психического" и "сознательного". Фрейл в работе 1912 г. "Замечание о бессозна-TRALLION B HOUVOUNDAMOR" POTEFORMERON SORBARET " ML USCLIBSEM "COSUSTRALным" то представление, которое существует в нашем сознании, и которое мы воспринимаем как таковое, и утверждаем, что именно в этом заключается единственный смыса термина "сознательный"2

Отметим что полобное определение сознания путем кажущегося неизбежным аорического закаючения приводит к оппозиции бессознательного, и именно из него опирался Фрейл, стремясь доказать что бессознательное существует и все попытки его оспаривать несерьезны. Если сущность сознания фактически заключается в представлении, т.е. утверждении перед собой, совершаемом в форме уавоения или разавоения, то все представленное, т.е. поставленное перед тем, что было увилено и познано, - говоря словами Фрейда, "представление, которое существует в нашем сознании, и которое мы воспринимаем как таковое"3. - оказывается пол возлействием конечности (finitude) которая свойственна всякому представлению как таковому и которая является предельностью пространства света, открытого им. Другими словами: я могу представить себе за один только раз только одну какую-то вешь, конечно, с какой-то одновременно данной зоной окольных сопутствующих представлений, но эта зона узка и уже находится в тени. Следовательно, если быть - значит сознавать и если сознавать - значит быть представленным, то в таком случае это бытие почти во всей своей полноте исключается из сферы действительного или наличного представления. Эту радикальную онтологическую предельность можно также объяснить таким образом, что из представления исключается почти все его содержание. Тогла остается лишь утверждать наличие представляемого, т.е. осознать его за прелелами лействительного представления, однако сохраняя за ним структуру и формы, взятые им от представления, структуру пред-положенного бытия (etrebose-devant), существующего как таковое, независимо от акта, поставившего его перед познанием. Таким и является в своем первичном состоянии фрейдовское бессознательное; совокупностью неосознанных представлений, рассматриваемых как самолостаточные образования, существующие вне сознания, за пределами представления, от которого они, однако, сохраняют в себе прежнюю структуру экс-позиции (ex-bosition).

Вот текст, в котором сформулированы: во-первых, это "доказательство" сушествования бессознательного и, во-вторых, его инобытие в пра-мире (arrieremonde), сохраняющем форму мира, "В обоснование тезиса о бессознательном психическом состоянии можно выдвинуть положение о том, что сознание содержит в себе в каждый момент лишь минимальное содержание, так что помимо него большая часть того, что мы называем сознательным познанием, по необходимости, в течение весьма длительных периодов находится в состоянии латентности, а значит, в состоянии психической бессознательности. Если принять во внимание существование всех наших скрытых воспоминаний. становится со-

Freud S. Abrege de psychanalyse. P., 1985. P. 12. Freud S. Gesammelte Werke. Bd. 8. S. 431.

³ Ibid

вершенно немыслимым отвергать наличие бессознательного". Доказательство бессознательного проводится на примере классической проблемы памяти. Фрейд ставит вопрос что становиться с воспоминаниями, о которых мы больше не думаем? Ответ - не только Фрейда, но и Бергсона, а также всей психологии того времени - гласит: они сохраняются в бессознательном. Но память понимается Фрейдом и всей гогодашней философией и психологией как свойство, идущее от представления. Отсюда следует, что данное доказательство вместе с вытекающим из него следствием относится не только к воспоминаниям, но и к всем представлениям, выходящим за рамки ограниченной сферы актуального сознания; следствие же это заключается в их инобытии в форме фактических представлений, содержащихся в грубо реалистическом бессознательном, сформулированном ради того, чтобы принять их в свое лоно.

Интерпретация сознания как представления не относится лишь к данной эпоже и является абсолютно общезначимой. Она связана с cogito Декарта и со всей последующей философией. Для того, чтобы отметить важнейшие истолкования cogito, приведем имя Геру во Франции, а в Германии имена Гуссердя и Хайдеггера. Для Гуссерля сознание определяется интенциональностью, оно всегда является сознанием чего-то. Интенциональность есть само сознание и пролемонстрировать ее как таковую - значит вывести ее за рамки того, что является подобным образом данным, и в этой трансцендентности и посредством ее найти трансцендентный коррелят - познаваемое, когитат (cogitatum). О первых "Размышлениях" Декарта Гуссерль в своей работе "Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология" говорит, что в них надо "выделить наиболее значимый момент, хотя он и не был до конца разработан, а именно интенциональность, которая составляет суть эго-логической жизни. Можно применить для этого другой термин - cogitatio, осознание чего-то такого, что я испытываю, мыслю, чувствую или хочу. Ибо всякая когитация обладает своим когитатом. В более широком смысле она всегда обладает элементом "веры" в объекте познания и содержит в той или иной форме элемент уверенности - собственно уверенность, предположение, основанное на вероятности, признание чего-либо правдоподобным, сомнение и т.д."5.

У Хайдеггера редукция сущности картезианского сознания к представлению носит еще более явственный характер. "В важнейших местах трактата Декарт вместо cogitare (мыслить) пользуется словом регсіреге (рег-саріо) - овладавать чем-либо, в данном случае в смысле "расположить перед собой", так как нечто кладут перед собой, чтобы его себе "пред-ставить" (re-presenter). Вот почему немецким эквивалентом cogitatio является Vorstellung (представлять) и Vorstellung в значении vorstellen (представлять) и Vorstellung в значении Vorgestelles (нечто представленное). Это то же двойное значение, которое содержится в слове perceptio в смысле регсіреге и регсертит поставить перед собой и то, что поставлено перед собоб, а также в широком смысле - то-что-стало-видимым".

Вследствие решающей роли cogito в развитии современной мысли, именно это положение истолковывается как "метафизика представления", достигающая

⁴ Freud S. Gesammelte Werke. 1967. Bd. 10. S. 265-266.

⁵ Husserl E. La crise des sciences europeennes et la phenomenologie transcendentale. P., 1976.

⁶ Heidegger M. Nietzsche, P., 1971, P. 122.

своей кульминационной точки в учении Канта, где структура любого возможного опыта сводится к отношению субъекта к объекту. Внутренний смыса данного "отношения к..." требует, чтобы последнее воспринималось как собственно сознание, как феноменальность, опыт, понимаемый как чистое экспериментирование и испытание, рассматриваемое внутри себя и как таковое. Тем самым субъект не есть нечто, противопоставленное объекту, но, по сути, идентичен с ним и не означает в конечном счете ничего иного, кроме структуры объективности вее чистом виде, то, в чем и посредством чего всякое бытие, непознаваемое в самом себе (ноумен), достигает состояния объекта (объект), те. пред-ставленного, а также феномена для нас. В этом заключается причина, по которой в кантианстве анализ субъекта есть не что иное, как анализ структуры объективности и ее основных форм.

С этой концепцией сознания-представления связана своеобразная трактовка проблемы, с которой мы сталкиваемся у Канта: с одной стороны, данное сознание в самом себе пусто, всякое опытное содержание оказывается направленым в другую сторону (de-porte) и искаженным (de-jete) перед ним и в его присутствии, как раз в форме обы-екта; с другой стороны, само сознание находится в состоянии своего рода бессознательности, поскольку то, что проявляется, что находит свое выражение как действительный феномен, - это именно то, что вступает в состояние объекта, бытия представленного и бытия увиденного, бытия познанного.

Таков парадокс, пронизывающий до самых глубин эту необычную философию: вместо строгого феноменологического статуса, отведенного "я мыслю" чистого сознания, сущности феноменальности, - его подразумеваемое отрицание, а в предельном случае - тезис о бессознательности самого сознания; "бессознательность трансцендентального сознания".

Но, поскольку такая трактовка проистекает из самого характера феноменальности, все время допускаемой как пред-положение (position-devant), объективация объ-ективированного, первоначальная экстериоризация трансцендентальной экстериорности и, наконец, эк-стаз (Ek-stase) Бытия, данное положение господствует не только в кантианстве; сразу же после Канта оно вновь появляется повсюду в немецком идеализме у Шеллинга, который сыграл решающую роль во введении понятия бессознательного в современную мысль: оно всецело доминирует в его первом великом труде - "Системе трансцендентального идеализма". Из установки, согласно которой сознание понимается как объективация, т.е. как про-дуцирование (production) следует, что самосознание и самопродуцирование происходят только в про-дукте (pro-duit), и объ-екте, следовательно, в форме последнего и никак не в самом сознании, постольку поскольку самопознание про-дуцируется, а сознание дано от природы. Так философия сознания, будучи неспособной к обоснованию принципа, на котором она основана, превращается в свою противоположность, которая, в сущности, представляет собой Тождественность, в философию природы, т.е. бессознательного. "Истина" сознания-представления - это его судьба как теории познания, в завершении которой остается лишь объект, о который разбилась и в котором сосредоточилась вся совокупность реальности и феноменологической действительности - бытия в смысле объективности. И ничего кроме этого: Бытие и Ничто.

Психология XIX столетия дает этим предположениям и всему, что касается бессознательного, двойную особенность, которую оно унаследовало от самой философии сознания: во-первых, всякое возможное присутствие обозначается как присутствие обозначе со всех сторон темного горизонта; во-вторых, что еще более важно, само сознание остается в тенц в ходе данного. процесса горизонт орошается светом, имеет место пред-иозиция, про-дуцирование или акт пред-ставления как таковой. С этим двойным бессознательным (маргинальным и трансцендентальным), мысль XIX в. готовилась к восприятию рождающегося психоанализа или скорее произвела его как побочную ветвь. Целью первой крупной французской работы о Фрейде - "Психоаналитический метод и учение Фрейда" Р. Дальбъе - являлось продемонстрировать историческое родство между философией сознания, философией природы, психологией той эпохи и самим пс

Психоанализ является системой, в которой все психично: как же в подобной системе объяснить факторы, в силу которых всякое психическое содержание (представления), например, как бы навязывается нам как отличное от нас и тем самым как реальность? С той же проблемой сталкивался молодой Шеллинг если сознание творит мир, как же может оно открывать его и жить в нем как нечто отличное от него, как "нешняя реальность"? Ответ в обоих случаях один и тот же: это объясняется тем, что процесс, который про-дуцирует, который представляет, делает это независимо от самого себя, сознание не отдает себе отчета в своем продукте, как будто он есть нечто чуждое ему, т.е. является реальностью, которая без ведома сознания представляет собой его результат. Так происходит во время снов, при ассоциации идей, при образовании психоневротических симптомов и т.д.

Даля того, чтобы ввести в научный обиход и узаконить метод психоанализа, Дальбье выдвигает теорию сознания, которая в различных формах утверждаете опервичную бессознательность. Так, например, когда мы видим дерево, "мы нисколько не постигаем то, что мы видим, мы воспринимаем его лишь задним числом, вторым актом". И это относится не только к внешнему ощущению, т.е. к зреникь, но и ко всей психической жизни вообще. Восприятие цвета демонстрирует перед нами только этот цвет восприятие, бессознательное в самом сее, становится сознательным лишь в результате нового отдельного акта осознавания, совершающего на базе восприятия, но только в данный момент, это дело "по-знания". Тетерогенность второго акта по отношению к первому объяслется его случайностью, тем, что первый акт нисколько не подразумевает, что он будет осознан, хотя и в дальнейшем качестве: "Вполне мыслимо, что ощущение и процесс мышления находят в нас свое проявление, но остаются в бессознательном состоянии".

В этом случае метод психоанализа представляется иллюстрацией указанного тезиса о вторичности сознания по отношению к непосредственному познанию объекта (перцепции дерева, восприятию цвета). Ассоциация идей и есть тот самый беспрерывный рост любого представленческого содержания в условиях,

⁷ Dalbiez R. La methode psychanalytique et la doctrine freudienme. P., 1936.

⁸ Ibid. P. 34.

⁹ Ibid. P. 12.

присущих этому процессу, таким образом, что этот рост как про-дуцирование всякий раз безотчетен и скрыт в своем продукте. Поэтому последний, отрезанный от своего кория, вдруг возникает как нечто непонятное, неожиданное, застающее врасплох, невразумительное - и в этом отмеченном пробелами и загадочном в самом себе характере и заключена, по Фрейду, привычная черта того, что заложено в сознании. Это означает, что для понимания того, что в нем заложено, требуется привести в лействие породившие это содержание ассоциативные процессы. Ассоциацией въджется собственно про-дуцирование, а бессознательность продуцирования представляет собой бессознательность ассоциации. Отсюда постоянные (и определяющие этот метод) усилия, прилагаемые в психоанализе, чтобы оторвать ассоциативные процессы от бессознательного, которому они присущи принципиально с тем, чтобы на их основе провести интерпретацию очевидного (но не подлающегося разумному объяснению) содержания психической жизни.

В психоанализе, рассматриваемом в своем идеологическом, философском или психологическом контексте, выражается своего рода сутубый объективизм, то, что в метафизике представления само психическое воспринимается только как представление с ако своего рода копитат, объект. Фрейд признавал за психоанализом необходимость брать сознательное в качестве материала и основы своих анализов: "...сознательное остояние... есть отправная точка всех наших исследований: "... ообъект состояние... есть отправная точка всех наших исследований: "... но состояние сознательноет и означает состояние представленности и тем савым объект точно так же, как и любой другой объект науки. Наконец, и сознательное, которым оно объясняется, находятся в одном и том же кругу и являются его составлыми звеньями, связанными друг сдругом запутанными отношениями Субъекта и Объекта. Это также означает, что этим кругом определяется Ниманийз человека, что сфера человеческого охватывается - самым традиционным и самым классическим образом - мыслыю как мыслью о чем-то. В данном отношении фрейдизм представляет собой лишь последнее перевоплощение этой метафизитки.

Для нас пришла пора деконструировать эту метафизику представления, а также понятие или понятия бессознательного, связанные с ним в качестве его непосредственного результата. Деконструировать в данном случае не значит просто-напросто отвергнуть, недооценить мир представления, т.е. мир вообще, деконструировать - значит поздать воле углудаельный фундамент, на котором основывается представление, и без которого оно не могло бы существобать. Однако оказывается, что именно задачу такого деконструирования, немыслимого даже в наши мин, разумеется, в силу своей беспреценлентной раджальности, выполняет содію декарта. Подобная радикальность происходит от того, что предельный фундамент представления, а также мысли в том ее понимании, которое обычно имеют в виду, говоря "я мыслю, следовательно, существую", достигается лишь путем отвлечения от предсталения, а тем самым и от самой мысли, и, в сущности, их сключения.

Данное абстрагирование есть сомнение или "феноменологическая редукция". Сомнение ставит крест на мире независимо от того, является ли он вещественным или невещественным, на любом возможном мире, потому что оно затра-

¹⁰ Freud S. Gesammelte Werke, Bd. 10, S. 271,

гивает не содержание этого мира (вещественные объекты или невещественные реальности, рациональные, например, математические, истины), но его форму, мирское, т.е. свою собственную феноменальность. Под вопросом стоит именно она. Иными словами, первичная экстериоризация трансцендентальной экстериорности, в которой заключается весь мир, это первозданное пространство света, это первое отстранение от чего-либо, на котором зиждется всякое "отношение к...", в сякая интенциональность, всякое осознание в смысле осознания чего-либо, мысли о чем-то, в смысле какого-то представления.

Если внимательно рассмотреть объект, на котором сомнению предстоит совершить свою аналитическую работу, а именно феноменологическое содержание, воспринимаемое под знаменитой рубрикой "ego-cogito-cogitatum", мы увидим, что сомнение или редукция просто-напросто устраняют "cogitatum". Устраняется не то, что мыслится, что пред-полагается (est pose-devant), что представлено, но сам факт пред-ставленности, рассматриваемый в себе или как таковой, не объект, но условие, в силу которого бытие предстает как объ-ективированное и как объ-ект, условие, объективное, в своей чистой феноменологической очевидности, либо собственно объективность. Под сомнение в первую очередь ставится не вещественное или математическое бытие, а то условие, благодаря которому они бывают даны нам как объекты и, таким образом, сам процесс "представления" постольку, поскольку он заключается в этом пред-нахождении (venue-devant) и переднем плане освещенной области, в этом состоянии экстатической феноменальности, где коренится всякая объективность и любой возможный "объект", а тем самым и любое пред-ставление. Поскольку когитация cogito никак не может состоять только из представления или сводиться к нему, к феноменологической экс-позиции, она бесповоротно исключает его из себя и может быть осознана постольку, поскольку она ускользает от сомнения, лишь посредством этого исключения. В тезисе "я мыслю, следовательно, я существую" мысль данного "я мыслю" может означать все что угодно, кроме мысли о том понимании, которое мы придаем ей сегодня, а именно мысли о чем-то, ее представлении, ее концепции, ее интерпретации.

Это становится хорошо видно, если мы присмотримся к наиболее краткой и решающей характеристике, которая дается процессу сомнения в § 26 "Страстей души". Для того, чтобы вновы подвергнуть сомнению и испытатию вес то, в чем мы уверены и во что верим, Декарт приводит пример спящего. Все то, что по мнению последнего, он видит во сне, что он воображает или ощущает в своем теле, все, что он представляет самому себе, если только речь идет действительно о сне, ложно. Но если все в том же сне спящий почувствует какую-то страсть, испут, то они являются такими, каковы они есть, какими он их испытывает. Они совершенно подлины, цельны и стабильны в своем бытии благодаря тому, что речь идет о сне, и что мир представлений больше не существует.

"Точно так же часто во сне, а иногла даже и наяву, некоторые вещи представляются так ясно, как будто они действительно стоят перед глазами или чувствуются в теле, когда этого на самом деле нет, между тем, засъпая или замечтавшись, нельзя испытывать печали или быть охваченным какой-нибудь страстью, когда душа ее не испытывает". В том же параграфе Декарт заявляет: "... нас могут обмануть предметы, находящиеся вие нас или связанные с некоторыми

¹¹ Декарт Р. Избр. произведения. М., 1950. С. 609.

частями нашего тела; однако никак нельзя ошибиться в появлении страстей, поскольку они так близки и так родственны... нашей душе: невозможно, чтобы она их чувствовала, а они не были действительно такими, какими она их чувствовтерче" ¹² И это происходит потому, что - если воспользоваться на этот раз § 1 - "страсти переживаются каждым, и поэтому, чтобы определить природу страстей, нет не-обходимости заимствовать наблюжения из какой-аибо дупуской области. ¹¹³

Следует найти действительный ответ на вопрост почему же страсть в своем поле остается абсолютно уверенной в том, что она есть даже в тот момент, когда With The Act and Action of the Toras Forms are the Corner of the Control of the Corner уже утратила свою претензию на то, что она заключает в самой себе способность показа и демонстрации, иными словами, когда она дисквалифицируется в самой своей феноменальности. - почему же иногла страсть остается безусловно пелостной? Потому что то, что открывает ее для нее самой, ее феноменальность отанчна от феноменальности представления, от экстатической феноменальности вообще и никак с ней не соотносится. Поэтому она безпазамина к потписениям и лисквалификации первой, не затронутой ею, пелостной. Какова же феноменальность страсти в ее безразличии, в ее онтологической чужеролности по отношению к экстатической феноменальности мира? Это ее аффективность, феноменологический способ, впрочем неоспоримый и непредожный, с помощью которого любая страсть испытывает самое себя, причем аффективность и есть эта немедленная проверка, то, что делает страсть такой, как она есть, аффектом. TVRCTROM

Подобная аффективность трансцендентальна. Она не "психическое состояние" в понимании психологии, и не эмпирическое содержание внутреннего опыта в понимании Канта в классической философии. То, что характеризует подобное содержание, - ощущение, чувство, желание и т.п. - это то, что оно нуждается в способности раскрытия иной, чем оно само, в силе, которая его проявит, саелает из него феномен, сознательное состояние - "сознательное представление", говоря словами Фрейда. Эта сила, способная проявить, показать, и есть сознание-представление, сознание, которое совершает акт сознания в пред-на-хождении в форме объ-екта, которое пред-ставляет в интупции и с помощью того, что служит ему изначальной основой: первого эк-стаза времени, который как раз и представляет собой "внутреннее понимание" Канта.

Так понимавшаяся философией прошлого и так понимаемая психологией будущего аффективность является объектом двойного пренебрежения:

- она носит уже не онтологический, но онтический характер; вместо того, чтобы совершать в себе и через себя первичное и основополагающее раскрытие, она отныне представляет собой всего лишь непроницаемое и мертвое содержимое, требующее вмешательства данной способности к проявлению, иному, чем оно само;
- поскольку данная способность представляет собой способность экстатческой экс-позиции, бытие аффективности вторично искажается, оно становится трансцендентным содержанием, объектом опыта, пред-ставленным, чем оно никогда не является, и никогда в самом себе.

¹² Там же. 13 Там же. С. 595.

Бытие аффективности, будучи разбитым о себя самое и прижатым к самому себе в непреодолимой пассивности чистого самоиспытания и собственной страсти, раскрывается в своем полном бессилии по отношению к себе и не может никогла расчленить себя самое миром, отступить на такое расстояние, под защитой которого ему было бы дозволено убежать от самого себя и избежать самого себя, не быть более тем, чем оно есть. Будучи трансцендентальной, аффективность - это не то, что мы называем аффектом, чувством, страданием, тоской или радостью, а то, что делает возможным нечто такое, как аффективность вообще - и позволяет ему развертывать свою сущность повсюду, где совершается перед экс-тазом (ex-tase) мира изначальная вспышка опыта в самом себе, первичный пафос бытия, а также всего, что есть и будет. То, что психологи именуют аффектом, чувством и т.д., всегда является лишь объективацией задним числом того, что выкристаллизовалось внутри себя, как кристаллизируется первое появление, первоначальная сушность психического, т.е. неэкстатическое самоиспытание, находящее свое феноменологическое осуществление, а также феноменологическую субстациональность в аффективности, о которой мы говорим.

Вот почему аффективность составляет не вызывающую большие или меньшие подозрения отдельную область опыта, а его универсальную основу, а значит, и основу самого представления, что блестяще доказывает анализ проблематики сомнения в первых двух "Размышлениях". Поколебав любую мыслимую истину. сомнение на деле поставило под вопрос диапазон видимости, в котором эта истина открывается нам, экстатический горизонт, перед которым раскрывается все, что сознание способно видеть, причем рассудок или интеллект, роль которого подорвана, является отныне не средством показа и демонстрации, а средством искажения и введения в заблуждение. Но что же тогда остается, говорит Декарт¹⁴: по крайней мере мне кажется, что я вижу. Разве то, что остается, не есть, исходя из этого, субъективный опыт видения? Но зрение ошибочно, скажем мы, и не только то, что оно видит, ложно, но это так именно потому, что видение само в себе уже является не демонстрацией того, что есть, но его изменением и искажением. Неважно, ложно оно или нет, видение тем не менее существует, поскольку испытывает, проведяет себя на каждом этапе своего бытия в своей аффективности и при ее посредстве. Sentimus nos videre (мы чувствуем то, что мы видим), говорил Декарт 15. Следует сказать, что то, что истинно в отношении испуга, целостного в своем, ему присущем, бытии, во плоти своей аффективности, если бы даже мир представления рассеядся в иддюзии сня, истинно и в отношении самого видения, стоит только рассматривать его лишь в самом себе, в имманентности его самоощущения и аффективности, создавая в нем абстракцию всего, что оно видит, и самой способности видеть как возможности экстатической соотнесенности с миром.

Так обнажается первое измерение опыта, в котором то, что следует понимать как Основу Психического, подвергает себя самоиспытанию в радикальной непосредственности еще прежде, чем появилось какое-либо "отношение к" "объекту", до возникновения мира и независимо от него. Это первое архаическое измерение опыта было обозначено Декартом под названием идеи. "Под идеей я понимаю ту форму каждой из наших мыслей, благодаря непосредственному востоимают уформу каждой из наших мыслей, благодаря непосредственному востоим восто

¹⁴ Descartes. Oeuvres /Ed. Ch. Adam, P. Tannery. P., 1904. Vol. 7. P. 29. 15 Ibid. 1897. Vol. 1. P. 413.

приятию которой мы сознаем те же самые мысли" Изначальная сущность осознания заключается не в интенциональности или представлении, снятии покрова в первичной экстериорности и посредством е с чего-то другого, с некоей чужеродности, с осознаваемого, с объ-екта, но в раскрытии самого осознания, его самоощущения, предшествующего ощущению или пред-ставлению себе объ-екта, в создании самой возможности для такого осознания. Тогда, если перейти от этого важнейшего тезиса Декарта к вышеописанным концепциям Дальбье, американских неореалистов, психологии и философии их времени, согласно которым видение и понимание являются бессознательными в то время, как лишь их объект "показывает себя", "осознает", мы увидим не только как они противоречат друг другу в своих положениях, но и каким образом следует полностью переосмыслить понятие бессознательного.

Бессознательное скрытых представлений, воспоминаний, о которых мы больше не думаем, затрагивает только мир представлений. Лишь реальность, осознаваемая в этом мире и производная от предельности, свойственной любой экстатической экс-позиции, несет на себе его неотвратимый след. Если изначальной судьбой психики было возникнуть в мире и быть данной нам благодаря ему, то следовало бы в самом деле сказать, что от психической реальности, определяемой таким образом, почти все ускользает в сферу действительного и актуального, представленного бытия, находящегося, таким образом, вне реальности, и, как говорил Фрейд, в "бессознательном". Но если психическое изначально раскрывается перед самим собой в непосредственности аффекта и его эмоционального смысла (pathos), независимо от состояния объектности и прежде всего представления, то вся эта проблематика рушится. С одной стороны, поскольку психическое не заключено в самом себе, онтологически, как представленное бытие, оно тем более не нуждается в сохранении этой структуры, ему не принадлежащей, когда оно оказывается вынесенным за рамки феноменологической актуальности сознания, т.е. за рамки представленного бытия. Концепция бессознательного представления решительно абсурдна. С другой стороны, именно эта внутренняя и первоначальная сущность психического должна в итоге мыслиться для самой себя, если мы хотим достичь нового и более глубокого познания человека, которое не редуцирует его, как это имеет место в традиционной философии сознания и производных от нее позитивистских направлениях, к бессодержатеьному (vide) субъекту или к мертвому содержанию представления.

Уже Декарт отверт возражение, согласно которому все идеи, составляющие содержание души, не могут присутствовать в ней одновременно . То, чем всегда обладает душа, - это не репрезентативное содержание идей, а способность к их образованию. Поэтому мы в своем анализе должны покинуть недостаточный и поверхностный слой представления и обратиться к сущностным детерминантам психического, какими валяются Сила и Способность.

Углубленный анализ сущности способности к образованию идей показывает, что она является таковой - способностью саморасточаться в любой момент - лишь при условии непосредственного самообладания, в радикальной имманетности самоощущения и самоиспытания. Наш организм, например, представляет собой совокупность наших способностей к освоению мира, причем организм

¹⁶ Ibid. 1904. Vol. 9. P. 124. 17 Ibid. 1905. Vol. 8. P. 366.

этот открывает перед нами мир всеми органами своих чувств и своей двигательной способностью. Но это удается ему постольку, поскольку он способен овладеть каждой из своих способностей так, чтобы слиться с ними и ввести их в действие. Подобное слияние есть не что иное, как изначальная и сущностная субъективность, она осуществляет непосредственную проверку этих способностей, умение владеть ими, но такое умение, которое вместо того, чтобы их представлять, отождествляется с ними и с принципиальной возможностью их развертывания, тем самым эта возможность представляет собой навык. Так открывается перед нами совершенон оновая субъективность, которая не исчерпывает себя в мысли, представляющей нечто внешнее, но определяет это погружение в себя всего того, что осуществляет самоиспытание и тем самым проявляет свою жизненность.

Лишь данное понятие жизни позводяет нам осмысдять тедо как наше тедо. Вель если бы знание, которое мы имеем о нашем теле, которое имеет само по себе данное тело, было сформировано предсталением извне, то эти способности организма предстали бы перед нами как нечто отделенное дистанцией от объектности, с которой мы не могли бы соединиться и применить ее в действии. Не случайно классической мысли не удавалось объяснить себе взаимоотношение "души" и тела до тех пор, пока оно мыслилось ею как представленческое, как взаимосвязь осознания и осознаваемого (cog-ito cog-itatum). Речь тогда шла о том, каким образом робкие поползновения сознания оказываются способными вызвать объективную модификацию в теле, рассматриваемом именно как объект. Возможно, подобное действие духа на тело непознаваемо и является делом магии? Но то, что в действительности происходит, имеет совсем иной характер. Мы обладаем опытом действия силы, с которой мы сливаемся и которую по этой причине мы можем пустить в ход. Тело, которым я изначально владею, его способность могут быть выражены словами "я могу, следовательно, я существую" - это способность к действию, непосредственно испытанная и подверженная жизнью в субъективном телесном праксисе. Оказывается только, что тот же праксис может быть представлен в форме объективного процесса в мире. Тем самым не существует перехода, и притом таинственного, от субъективного к объективному, но лишь одно движение, которое дано нам дважды: первый раз в его реальности в форме житейской практики, второй раз - в объективности представления о мире.

Фрейдистская концепция бессознательного - это не только следствие и перевоплощение метафизики представления. В сущности, она подразумевает отказ от нее. И здесь раскрывается е глубочайшая значимость, которая заключается в том, чтобы вести нас за пределы представления в область жизни, которая не может быть представлена. Первую характерную особенность этой сферы мы только что выявили, говоря о феномене тела: действие, сила, практика. Этот уклон фрейдистской концепции бессознательного в направлении первичных и фундаментальных слоев нашего опыта можно обнаружить в "Замечании обессознательном" 1912 г. Доказательство, "обоснование" бессознательного латентностью большей части компонентов психики уступает место совершенно другому соображению. Речь идет теперь уже не о внезапном выявлении этих компонентов, например воспоминаний, по истечении некоторого промежутка времени (что подразумевает гипотезу о том, что состояние психической бессознательного соответствует этому периоду лагентности); главным аргументом в

споре становиться активность как активность бессознательная, т.е. происходящая и развертывающаяся свободно от сознания как представления и до него. Более того, отбрасывая классическую аргументацию, согласно которой латентность или виртуальность представлений должны быть синовимами слабости, утверждая, что бессознательные мысли являются намного более сильными, говоря об "эффективном бессознательном" в Фрейд находится на пути к радикальному тезису, который можно сформулировать так: мало того, что действие (асtion) возможно только в состоянии бессознательного; оно осуществляется только как бессознательное, только за пределавления, поскольку действующая сила сливается с самой собой в радикальной имманентности и в Ночи изначальной субьективности, те нет ни отсояния, ни дистанции от самой себя, ни интенциональности, ни объекта, где никогда не зажигается свет объективности и репрезентативного сознания, и куда его лучи никогда не проникают.

Однако эта изначальная Ночь не является ночью ослепления или Хаоса, вместилищем иррациональных инстинктов, угрозу которых, вечно нависшую над сияющим миром людей, нужно отвести от этого мира. Скорее напротив - в бессознательном содержатся в грубых и основных чертах житейские навыки: умение двигать руками, шевелить губами, передвигать зрачками, что предшествует, например, всякому чтению, создавая также возможность для приобретения научных знаний; тем самым эти навыки предшествуют научному познанию и закладывают для него надлежащую основу. Подобное знание, благодаря которому мы встаем и движемся, сопутствует человечеству с самых его истоков, оно позволяет ему жить. Это умение есть умение делать, действовать и заключается в этом действии. Поэтому мы называем его практикой (praxis) и понимаем его не так, как если бы речь шла о редукции и постепенной ликвидации бессознательного как не поддающегося осознанию и представлению элемента психики, в который мало-помалу проникает свет сознания. Именно непредставимое в самом себе, несводимое к знанию, которым владеет научное познание, предпослано этому познанию во всех его шагах, как безотчетное, но непреложное условие его доступа ко всему, что оно знает, и в первую очередь ко всему, что оно творит.

Следует уточнить, что это непредставимое - которое в метафизике представления именуется бессознательным - не может служить аргументом в пользу какого бы то ни было иррационализма, что оно скорее составляет основу и первоочередное условие всякого знания, включая научное, Действительно, нельзя забывать об исторической ситуации, в которой возникла концепция бессознательного; это произошло в тот момент, когда Шопентауэр внее решительное ограничение в господствующий постулат об объективности, систематическую разработку которого он нашел в кантовской метафизике. Бездейственному миру представления (который Шопенгауэр изображает лишь во внешнем и преходящем его аспекте), неспособному вместить в себя сущность подлинного бытия, он противопоставляет под именем Воли (и воли к жизин) те сущностыве, онтологические определения силы и действия, которые предшествуют объективному познанию, являющемуся лишь их запоздалым представлением. Но, поскольку для Шопенгауэра, Канта и классической философии вообще, феноме-

нальность смешивается с объективностью представления, прорыв за ее пределы выводит философа в сферу, феноменологический статус которой остается неопределенным с достаточной ясностью, - к бессознательному, чей смутный и непонятный характер будет еще долго господствовать над судьбой современной мысли. Тем более что у Шопенгауэра в тесной связи с этим отсутствием какого-либо феноменологического статуса непредставимого, которое определяет жизнь, возникает глубоко песстимистическая концепция этой жизни, связанная с Желанием без объекта и бесконечным страданием. Эти же пессимистические воззрения на жизнь вновь обнаруживаются во фрейдизме, где они переплетаются с научными концепциями тогдашней эпохи, и, в частности, с теорией энтропии.

Что для нас важно, если бы мы, по крайней мере, хотели установить, в чем заключается положительное значение концепции бессознательного для познания человека. - это показать, что основой психики человека не может являться абсолютное бессознательное, которое ничем не отличалось бы от объектов, сушествующих в природе, таких, как, скажем, камень: что это бессознательное, напротив, связано с первичной сферой опыта, а точнее, с самим опытом в его первичной форме. - то, что по-своему признавал Фрейл в своей "Психопатологии обыденной жизни", когда он, выдвигая общую теорию мифологических, редигиозных и метафизических воззрений на мир. объясняет их как внешнюю проекцию психической реальности, а также как обнаруживание вытесненных элементов психики репрезентативным сознанием. В этом саучае, в сущности, представляется, что эта проекция предполагает неведение создания относительно того, что оно проедирует. "Безотчетное осознавание факторов и фактов бессознательного (иначе - эндопсихическое восприятие этих факторов и этих фактов) отражается... в конструировании сверхчувственной реальности, которую наука ретрансформирует в психологию бессознательного"19.

Но утверждение бессознательного, которое отсыдает обратно сознанию свое "эндопсихическое восприятие" (т.е. свое самораскрытие в рамках первоначальной феноменальности), не может осуществляться лишь на спекулятивной основе: оно должно быть обосновано именно феноменологически. Надо суметь указать форму или разновидность опыта, которая, будучи чуждой эк-стазу объективности, тем не менее является действительным опытом. Существует ли феноменальность неэкстатическая в самом себе несводимая к феноменальности мира (реального, воображаемого или идеального), и в чем она заключается? По правде говоря, ответ на вопрос, не заключается ди основа бессознательного в аффекте, отчасти содержится в самом фрейдовском бессознателном. Ибо, как говорит Фрейд в одном из своих решающих положений. "сущность чувства состоит в том, чтобы быть воспринятым, следовательно, быть известным сознанию"20. И еще: "Представление может существовать, даже если оно не воспринято. Напротив, чувство нуждается в восприятии"21. Поэтому следует сказать, даже если это утверждение покажется парадоксальным по отношению к общепринятым идеям, что основа бессознательного, являясь аффектом, не содержит в себе ничего бессознательного.

¹⁹ Ibid. 1969. Bd. 4. S. 287-288.

²⁰ Ibid. Bd. 10. S. 276.

²¹ Обращаем внимание читателя на диссертацию де Соссюра "Психоаналитический метод", в которой критиковалось это положение Фрейда.

Это не случайные утверждения, значение которых необоснованно выделено. Речь илет о коренном смысле доктрины, а также терапии, созданной на ее основе. Возьмем, например, кардинальный тезис о вытеснении. Не относится ли это последнее к чувствам так же, как и к представлениям, не отбрасывает ли оно также и их в истинно-бессознательное? Тщательный анализ процесса вытеснения показывает: нисколько. Вытеснение всегла касается ассоциации представления и чувства, которую оно в конце концов разрывает. Именно предсталение, с которым чувство было феноменолгически ассоциировано, вытесняется и таким образом отбрасывается в бессознательное. Находясь в отрыве от представления, чувство вступает в связь с другим преставлением, и сознание с этих пор принимает его за проявление этого последнего: его называют бессознательным как раз тогда, когда этот термин относится дишь к тому представлению, с которым оно было первоначально связано. Как мы видим, в этом процессе деструктурирования и реструктурирования, каким является вытеснение, чувство, как и прежде, "осознается" лишь его смысл, в данном случае представление, с которым оно ранее ассоциировалось, оказывается "неосознанным". "Вначале может случиться так, что импульс (motion) аффекта или чувства будут восприняты (регсие), но восприняты в искаженном виде (тесоппие). Так как его собственное представление оказалось вытесненным, оно было вынуждено соединиться с другим представлением, и теперь принимается сознанием за проявление этого последнего. Когда мы восстановим точную связь, мы станем называть "бессознателным" первоначальное движение аффекта, хотя его аффект никогда не был бессознательным и хотя одно лишь представление подверглось вытеснению"22.

Сохранение аффекта в своем феноменологическом состоянии - сохранение вие рамок представления, так что аффекту в действительности и е нужно исчезать одновременно с представлением, с которым оп был ранее связан, из данного мира представлений, к которому он никогда не принадлежал, - это сохранение не означает, что аффект сам по себе остается без изменений. Самая примечательная сосбенность фрейдовского анализа работы побуждений (du destun des pulsions) состоит в показе действительной истории аффективности, истории, в которой аффект завязывает последовательные значащие связи с миром представления прежде, чем в опредленном смысле вновь быть прераращенным в свою собственную сущность, в то, что происходит при возникновении тревоги - не страха перед объектом (Realangst), но чистого страха (или, если хотите, страха перед объектом (Realangst), но чистого страха (или, если хотите, страха перед побуждением).

Здесь возникает мысль о сущностной связи между Силой и Аффектом, которая составляет Основу Психического и наряду с этим основу психоанализа, если вернуть ему его истинное философское значение. В сущности, Основа Психического - Влечение, но оно является собственно психическим только в качетие аффекта, который как раз и является "представителем" биоэнергетической системы организма в психике. Эта биоэнергетическая система - мы можем рассматривать ее как причину психического или, напротив, как простую фигуру последнего, фигуру, построенную по его подобию и раскрывающую его надлежащий характер, - включает в себя два вида нейронов, от которых соотвественно зависит реакция живущего индивида на внешнее раздражение или его внутреняя эмоция. Суть дела состоит в том, что в противоположность внешнему разначающих суть дела состоит в том, что в противоположность внешнему разначающей.

аражению, которое человек имеет возможность избежать, благодаря соотвествующей двигательной реакции, например, бегству (которое к тому же позволяет избавиться от наплыва энергии, вызванного раздражением), в случае эндогенного или внутреннего раздражения уже нельзя избавиться от возбуждения, а тем самым и от избытка энергии. Но внутреннее возбуждение или раздражение есть не что иное, как побуждение: "импульсивное раздражение... идет изнутри самого организма"23 - таким образом, что это раздражение нашего "Я" им самим или самораздражение, с одной стороны, является постоянным - "побуждение никогда не выступает как единовременная сила воздействия, не всегда как постоянная сила"²⁴, - а с другой стороны, не оставляет нашему "Я" никакой возможности избежать раздражения или избавиться от возбуждения - "Я" остается без защиты перед импульсивными раздражениями"25. Ускользнуть от раздражения, от возбуждения, от впечатления значило бы поставить их на расстояние, развернуть между нашим "Я" и отягощающим впечатлением своего рода экран, за которым можно было бы его больше не чувствовать, избавиться от его воздействия и таким образом выскользнуть и убежать от него. Но наше "Я" оказывается в принципе на это неспособным, поскольку собственные ошущения "Я" представляют собой именно это самораздражение, побуждения которого лишь номинальны: "В случае влечений, - говорит Фрейд, - бегство ни к чему не приводит, так как "Я" не может убежать от самого себя"26.

Влечение обозначает, по Фрейду, не особое движение, а внутреннюю самовпечатляемость, при которой невозможно уйти от себя и постольку, поскольку эта самовпечатляемость эффективна, неизбежно создается состояние тяжести и нагрузки на наш внутренний мир. Только это самовпечатление или саморазаражение составляет сущность аффективности, т.е. силу и коренное условие, при котором для нее создается возможность. Наше "Я", ошущая себя в той непосредственности, из которой нет никакого выхода, стращась быть самим собой, испытывая нагрузку, страдая от этой тяжести до крайних пределов страдания, желает в первую очередь убежать от себя, от своего страдания - хочет преобразиться в самом себе, изменить себя, чтобы стать чем-то более выносимым. "Я" хочет действовать, и действовать для того, чтобы снять с себя эту слишком тяжкую ношу - нагрузку на самого себя. В этом смысле и таким путем действует побуждение. Побуждение является таким, каково оно есть, на базе находящихся внутри него аффекта и сущности аффективности - сущности жизни. На основе этой сущности жизни, какой является побуждение, легко понять совокупность феноменов психического, но, безусловно, также и феноменов культуры и цивилизации вообще, поскольку различные культуры и цивилизации, существовавшие на Земле, представляют собой различные пути, проложенные и открытые потребностью, жаущей своего удовлетворения.

Значение концепции бессознательного для познания человека состоит в проникновении в его бытие на большую глубину, чем классическое сознание, т.е. мысль, понимаемая как объективное познание и как представление. Ибо наш мир представлений, как и каждый из его элементов, доступен для восприятия лишь посредством инстанции, несводимой к нему, - сферы побуждений, желаний, по-

²³ Ibid. S. 226.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid S 248

требности, действия, труда, придающих ему форму: эта форма предшествует формам мысли, и мысль может воспринять ее лишь заданим числом. Поэтому результаты наших размышлений об аффекте, побуждениях и т.д. нисколько не ведут нас к отрыву от мира, где живут люди, но напротив, заставляют нас вернуться к его корням, чтобы выявить действительно движущую силу природы, подлинный разум.

п.б. шошин

ПУТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Среди многочисленных трактовок термина "бессознательное" можно выделить три концептуальных кластера:

- бессознательное-1 (или сокращенно Б1) антитезис сознания;
- бессознательное-2 (Б2) совокупность процессов, протекающих вне сознания, помимо его контроля:
- бессознательное З (БЗ) один из специфических функциональных компонентов психики. по своей семантической модальности гомологичный сознанию.

В первом качестве бессознательное выступает как философская категория, образованная путем отрицания: *бессознательное-1* есть то, что не есть Соянание. В таком смысле концепция бессознательного вводится в древних и классических философских трудах (вспомним хотя бы Платона, Гербарта, Лейбница). Многое из подобной трактовки Бессознательного сохранилось в ряде современных работ.

{Б1} 1 представляет собой, напоминаем, целый кластер понятий, внутри которого имеется большое количество различных модификаций. Эта множественность проистекает из неоднозначности категории (феномена), определяемого вышеприведенной формулировки. Чтобы эта неоднозначность стала предельно доступной восприятию и анализу, переведем данное выше определение в символьную форму.

$$Б1 = U/C;$$

здесь/- знак логического вычитания, а U- некий концептуальный универсум, содержащий концепцию сознания (С). Это может быть идеальный мир, система бытия, человеческое существо как логическое объединение материального и идеального начала, наконец, психика человека. Какое именно содержание вло-

1 Здесь и далее в этой главе символ, заключенный в фигурные скобки, представляет некоторое множество (в математическом смысле слова). Тот же символ, но без фигурных скобок обозначает гиличный элемент соответствующего множества. жено в универсум, почти никогда не оговаривается. Концептуальное наполнение U может быть (с немалой степенью субъективного произвола) реконструировано читателем на основании контекста, комментариев, спорадических замечаний и обмолью к автора.

Недостаточное внимание, которое уделилось эксплицитному заданию универсума в большинстве источников, свидетельствуег о распространенности недооценки содержательных пререквизитов отрицания. А между тем отрицание логически корректно, только если очерчено также и то, в пределах чего оно прозводится. Подобная недооценка, в частности, находит свое выражение в общепринятой трактовке отрицания как одноместной операции, что закреплено и в учебниках по математической логике. Последнее же есть очевидное следтвие предподатаемой константности универсума в традиционных построениях.

Не менее существенным источником неоднозначности Б1 является полисемия другого компонента определяющей формулы - С. Упомянем в этой связи лишь некоторые, наиболее распространенные категории значений, обозначенным словом "сознание":

- (1) способность идеального воспроизведения действительности;
- (2) инстанция деятельного отражения материального мира в идеальном:
- (3) совокупность знаний, эталонов, целей, мотивов, осознаваемых субъектом и формирующим его деятельность;
- (4) те же категории на уровне группы, общества;
- (5) функциональный компонент человеческой психики, определяемый рядом признаков;
- (6) в узком смысле часть психики, оперирующая исключительно вербальными и иными коммуникативными знаковыми средствами.

Внутри каждой из этих категорий можно проследить практически неисчерпаемое многообразие значений, причем в отдельных статьях и в монографиях может сосуществовать несколько модально несовместимых трактовок термина "сознавие". Концептуализация того, что автор вкладывает в этот термин, затрудняется отсутствием определений и целенаправленных пояснений, что, как и в случае универсума, заставляет читателя искать необходимую информацию кообенными путями.

Таким образом, что Бессознательное-1 определяется через две неопределенти, и это является источником отмечаемых многими трудностей, на которые наталкивается концептуалызация бессознательного, когда опо вводится путем отрицания. Если мы ограничимся рассмотрением лишь собственно психологической литературы, то заметная часть отмеченной неопределенности снимается, т.к. в роли универсума U здесь почти всегда фигурирует человеческая психика, а в роли отрицаемого феномена С - пусть не один и тот же, но тем не менее компонент индивидуальной психики, выполняющий определенные функцию псмяки, выполняющий определенные функцию

Для того, чтобы подчеркнуть именно психологическую принадлежность Бессознательному-1, некоторые авторы прибегают к предложенному А.Е. Шерозией термину "бессознательное психическое". Однако чаще употребляется обозначение "неосознаваемая психическая деятельность" [2], по отношению к которому слово "бессознательное" выступает как бы в роли краткого, броского синонима, лишенного, однако, семантической четкости вюего более развернутого эквивалента. Следует сразу же оговориться: синонимизация обоих терминов наталкивается на трудности формального свойства, так как область психики, каковой является Вессознательное-1, не подлежит, строго говоря, отождествлению с разворачивающейся в ее пределах деятельностью. Однако тенденция языковой стихии узаконивает такое отождествление, а это в свою очередь служит размыванию семантической модальности того и другого термина, каждый из которых сейчас почти в одинаковой мере служит для обозначения как домена, так и действия.

Хотя Бессознательное-1 в понимании большинства авторов не выходит за концептуальные границы психики, логика определения через отрицание неизвежно подглаживает исследователя к распространению этого понятия на нейрофизиологический домен. В комбинации с отрицанием психического вне сознания эта логика становится пунктом для обоснования физиологической редукции бессовнательного.

Разнообразные когнитивные и исполнительные автоматизмы, независимо от того, обслуживают они работу сознания или бессознательного, образуют остнову Бессознательного-2, определение которого выглядело бы примерно так: Б2 есть бес тю, чтю (в пределах психики) имеет место бие контроля со стороны сознания. Сюда относятся также неосознаваемые процессы целеобразования, формирования и перестройки мотивов, ценностей, решений, неосознаваемые психолнгвистические феномены и т.д.

Главное различие между Бессознательным-1 и Бессознательным-2 коренится в сфере семантической модальности: в первом случае мы имеем дело с концептуальной категорией, во втором - с процессуально-феноменальной. Это находит свое отражение в критериях определения принадлежности к Бессознательному-1 и к Бессознательному-2: для первого - это непринадлежность к домену сознания, а для второго - неосведомленность субъекта, т.е. отсутствие контроля со стороны сознания. Важное различие между сравниваемыми типами понятий имеет место в соотношении частей и целого: Бессознательное-1 есть концепт 2⁻², первичный по отношению к своим компонентам, которые могут быть образованы лишь в результате структурирования исходного целого, гогда как понтрие из кластера {Б2}, наоборот, образуется как конструкт на базе первично определенных процессуально-феноменальных компонентов, к которым добавляется неконкретезированное множество "других подобных процессов или феноменов".

При всех отмеченных принципиальных различиях между Бессознательным-1 и Бессознательным-2, когда структурирование Б1 производится по процессу-

альному признаку (что на самом деле некорректно ввиду концептувльного характера Б1), их объединение по логике вещей приобретает черты Б2, и различение обеих категорий становится затруднительным, поскольку структурирование и объединение формально представляют собой взаимно-обратные операции и их совместное применение должно оставлять операла неизменным.

Соотношение между Бессознательным-2 и часто встречающимся развернутым обозначением "неосознаваемая психическая деятельность" складывается по-иному, межел в случае Б. Поскольку в Б. Часто вкладывается значение с грамматической ролью субстантивированного прилагательного (бессознательным-2 является все то психическое, что не контролируется сознанием), а не полного существительного (как это было в случае БІ: Бессознательноей случаем сознания), то слово "бессознательное" в смысле Б2 легко воспринимается как усеченный вариант термина "неосознаваемая психическая деятельность". что вполано оправлывает их взаимозаменяемость.

Несмотря на то, что в данное выше определение *Бессознательного-2* включено указание на его психологическую принадлежность, фактически в кластер [Б2] входят конструкты, которые охватывают также (а иногда только) нейрофизиологическую инфраструктуру психической деятельности.

Третий из перечисленных ранее кластеров значений, которыми может обладать термин "бессознательное", восходит к психоаналитической традиции. Вессознательное-3 представляет собой функциональный компонент писикки, "локализованный" вне сознания субъекта, оказывающий постоянное, иногда детерминирующее влияние на сознание и поведение субъекта, но тщательно и изощренно скрытый как от вторжения внешнего исследователя, так и от внутреннего аналитического взора самого субъекта.

Бессознательное-3 является гипотетической категорией: его существование доказывается косвенно, а именно тем, что без обращения к нему не удается дать разумного, непротиворечивого объяснения многочисленным "парадоксальным" феноменам сознания и поведения. Точно так же существование многих небесных тел, до их видуального открытия гигоготемровалось по характерным аномалиям траекторий видимых объектов. В ірочем, у этой аналогии есть серьезный изъян: Бессознательное-3 вряд ли кс да-либо будет об аружено "визуальными" средствами.

Существенным модально-сем: гическим свойств м концепций, принадлежащих к кластеру {БЗ}, является . о, что оти фиксир этся путем выделения специфической области смыслового универсума (в этой роли здесь неизменно выступает психика в целом), а не, как в случае {Б1}, путем от-сечения от универсума (в этой роли здесь неизменно выступает психика в целом), а не, как в случае {Б1}, путем от-сечения от универсума означает, что при аккуратной экспликации понятия ти а БЗ нетрудно получить его определение, содержащее одни лишь или преимущественно положительные дефинирующие признаки (как это мы видим на примере только что приведенного определения Бессознательному нельзя дать иного определения, кроме как состоящего из одних отрицаний. Конечно, такое утверждение в его категорической форме легко опровертается ссылкой на соответствующие дефиниции. Но игнорировать его нельзя. Вероятно, его следует считать признаком недокстаточной зифореленированности Б1 и БЗ в милациитном сознании некоторых авторов.

Аругое модальное свойство концепций, образующих кластер {Б3}, состоит в том, что все они первично фиксируются как целое, а не, как в случае Б2, синтезируются из количественно не ограниченного множества ранее зафиксированных составляющих, задаваемых с помощью небольшого элемента, обозначаемых также емким "и т.д.". Иными словами, в отличие от конструкта Б2, Б3 есть концепт

Напомним, что концептом является также и Б1. С некоторыми оговорками можно считать, что Б3 вкодит в состав Б1, является его специфическим, четко очерченным субдоменом. Оговорки же проистехают, в частности, из оттенка антропоморфности или зооморфности, которым, в отличие от аморфного Б1, наделено Бессознательное: В Спомним в этой связи почти синонимическую взамляеменемость терминов "бессознательное" и "Оно" в пяра тпулов 3, отрейла.

Подобное ситуационное отождествление следует расценивать лишь как попытку образного представления одной из функций Бессознательного-3. В действительности же "Оно" не является единственным обитателем бессознательного-3 как психического домена. Там же, например, базируется своим установочным ядром и "Сверх-Я". Похоже на то, что подлинных синонимов у БЗ нет. Во всиком случае таковым никак не может считаться термин "неосознаваемая психическая леятельность".

Возникает вопрос: можно ли объединить все три рассматриваемых кластера концепций бессознательного, заменить их некоей интегральной, компромисстию концепций, в биравощей в себя если не все, тохотя бы найоблее ценные свойства каждого из компонентов? Создание подобной эклектической концепции сумило бы очевидный выигрыш: усилия, вложенные раннее в исследование тото, что каждый из нас по-своему называет "бессознательным", воспринималось бы тогда как некая координированная акция, а в будущем ни от кого не потребовалось бы колько-нибудь существенного переосмысления этого ключевого понятия. Казалось бы, кластеры {Б1}, {Б2} и {Б3} при всей их взаимной неоднородности отнюдь не изолированы друг от друга. Волее того, нетрудно обнаружить опревлененые пресечения между ними, о чем уже говорилось выше.

Увы, эклектический синтез в нашем случае просто невозможен из-за принципиальных, модальных различий между тремя кластерами. Размытость, конщептуальная открытость Б1 несовместима с относительной четкостью Б2 и Б3. Процессуально-феноменальная ориентация Б2 не поддается согласованию с концептуальной направленностью Б1 и Б3. Обособление специфического функционального звена психики, являющееся определяющей чертой Б3, находится в противоречии с функциональной неспецифичностью Б1 и Б2. Нужно выбирать что-то одно. При этом выбор должен быть средан в пользу альтернативы, которая первенствует по наибольшему числу критериев как инструмент научного познания. С этой точки зрения выбор должен пасть на Бессознательное-3. Вот вкратце несколько доводов в пользу такого решения.

- В отличие от Б1 и Б2, Бессознательное-3 есть положительно-определенные концепт, т.е. в данном плане обладает наилучшими свойствами как средство научного исследования.
- (2) Границы Бессознательного-3 более четко очерчены, чем у его конкурентов.
- (3) Концепция Бессознательного-3 позволяет многое объяснить в функционировании других доменов психики (в первую очеред-

- (сознания), а также в поведении индивида. С этой точки зрения концепции {Б1} практически бесплодны, а обращение к Б2 каждый раз дает дишь сутубо докальные результаты.
- (4) Прикладное значение Б3 намного превосходит практические результаты применения Б2. Роль Б1 в этом плане ничтожна.
- (5) Для Б3 разработаны схемы его функционирования и взаимодействия с сознанием, чего недьзя сказать ни о Б1, ни о Б2.

К этим пяти соображениям можно добавить еще одно, несколько лирического свойства. Употребление термина "бессознательное" в смысле Б2 явилось бы данью уважения к Зигмунду Фрейду, чьи исследования в этом области произвели такое воздействие на умы его современников и последующих поколений, с которым мог соперничать только фурор теории относительности Альберта Эйнштейна

Учитывая приведенные соображения, условимся на протяжении оставшейся части этой статьи употреблять слово "бессознательное" преимущественно в смысле Б3. Для того чтобы графически выделить терминологическую специфичность этого слова, будем, следуя опыту ряда зарубежных авторов, писать его с большой буквы. То же слово, написанное с малой буквы, закрепим за концепциями типа Б1, а выражение "неосознаваемая психическая деятельность" - за конструктами типа Б2.

Выбрав один из трех кластеров концепций бессознательного, мы существенно сократили неопределенность относительно значения ключевого термина. Однако это лишь первый шаг на пути уточнения понятия. Следующим шагом должна стать фокусировка понятия внутри кластера. Для этого также можно было бы идти по пути выбора. Ассортимент, из которого мы могли бы теперь выбирать, был бы почти столь же велик, как и число авторов, пишущих на тему о Берать, был бы почти столь же велик, как и число авторов, пишущих на тему о Берать, об тольнение к уже существующим) концепцию Бессознательного, в основу которой мы положим эвристический ход, слелающий ее, как можно надеяться, приемлемой и для сторонников психоландиза и датси репотитвикоко

Предлагаемый способ концептуализации направлен на преодоление определенных принципиальных трудностей, с которыми сталкивается глубинно-психологическая трактовка бессознательного как автономного функционального звена человеческой психики, существующего и действующего одновременно с сознанием. Постулирование отдельной бессознательной психики со всем необходимым аппаратом познавательной деятельности, мотивации, целеобразования, принятия решений, их реализации, контроля их выполнения, с собственным языком представляется нереалистичным, особенно если вслед за В.В.Ивановым полагать, что Бессознательное должно к тому же иметь отдельный нейрофизиологический субстрат. Но даже оставив в стороне проблему "материального базирования" Сознания и Бессознательного, мы вынуждены признать принципиальную неоптимальность психоаналитической модели с "экономической" точки зрения, ибо она допускает широкое взаимное дублирование и деятельности обоих модулей и их содержимого. Дополнительный вклад в неэкономичность традиционной психоаналичитеской схемы вносит постулирование существования предсознательного как еще одного автономного функционального модуля. обладающего своим сервисным аппаратом. С этой проблемой "трех автономных психик" мы попытаемся справиться, предложив наличие у них общей психической инфраструктуры, которая постоянно динамически перераспределяется между ними.

Арутая проблема, сопряженная с применением традиционной схемы Бессознательно - Предсознательное - Сознание, состоит в том, что данная триада нередко трактуется как линейная вертикальная структура: Предсознательное как бы расположено поверх глубин Бессознательного, а Сознание непосредственно "покоится" на предсознательном и, главным образом, через него связано с Бессознательным. В такой схеме не остается места для более примитивных психических образований, составляющих содержательную и динамическую инфраструктуру как самих компонентов рассматриваемой триады, так и их взаимодействия. Поскольку подобные психические феномены и процессы не осознаотся субъектом, возникает непреодолимый соблазн относить их к области Бессознательного. В том - одна из важнейших причин понятийной неурядицы, о которой говориодсе выше.

Избавляться от такого соблазна и его последствий будем следующим путем.
"Повернем" привычно "вертикальную" триаду Бессознательное - Предсознательное - Сознание "на 90 град.". Следуя семантике латеральности; указанный
"поворот" мы произведем "по часовой стрелке", т.е. так, чтобы Бессознательное
в итоге очугилось "слева", а Сознание - "справа". Впрочем, осуществия этот "поворот", мы уже не будем считать себя в дальнейшем связанными "линейностью"
исходной структуры. Предсознательное перестанет быть для нас "буфером"
между Бессознательным и Сознанем. Тем самым вся триада получит нечто
вроде второго измерения, в итоге превращаясь из вертикальной линии в горизонтальный слой.

Пространство под этим слоем мы заполним горизонтальными же слоями, составленными из последовательно все более примитивных психических образований - тех, что не вписывались в первоначальную линейно- вертикальную схему. Каждый из этих слоев будет рассматриваться, с одной стороны, как психическая инфраструктура слоя, расположенного непосредственно над ним, а с другой стороны - как интегративное надобразование низлежащего слоя. Компоненты каждого слоя в нашей схеме являются продуктами интеграции - или, как мы их будем для краткости инменовать, интегратами - тех или иных совокупностей элементов низлежащего слоя. При этом под интеграцией какой-либо совокупности элементов подразумевается формирование такого их единства, которое соотносится с исходными заментами, как целостный образ с отдельными его чертами, компонентами, качествами. Предполагается, что на ином уровне анализа элементы интеграта сами могут выступать в роли интегратов по отношению к замементам боле низкого уровня.

Несколько дополнительных замечаний по поводу только что введенного неологизма unmerpam. Его соотношение с глаголом "интегрировать" то же, что и между словами "конденсат" и "конденсировать". Иначе говоря, суффикс -ат призван указывать на то, что образованное с его помощью существительное обозначает продукт соответствующего действия.

Интеграция может осуществляться как субъектом, так и его внешнии исследователем. В первом случае ее продукт мы будем называть субъективным, а во втором - экстрасубъективным интегратом. Например, субъективным интегратом совокупности звуковых ощущений, вызванных предъявленным на слух словом, является воспринятое осмысленное слово. Примером экстрасубъектного интег-

рата может служить любая психологическая концепция, скажем, концепция мотива. Очевидно, что субъективный интеграт, идентифицируемый как таковой также внешним исследователем, является одновременно и экстрасубъектным интегратом.

Перейдем к экспозиции предлагаемой модели. В начальном приближении психика человека может быть представлена в виде горизонтальной трехслойной структуры, относительно которой "вертикальный вектор", произывающий все три слоя снизу вверх, символизирует направление от служебных психических функций к более сложным, интетрированным образованиям. Самый нижний сервисный слой этой структуры охватывает психические процессы, обеспечивающие формирование и существование внутренние объектов, из которых состоит средний объектный слой. В свою очередь внутренние объекты (называемые так для того, чтобы отлачать их от внешних объектов, принадлежащих к окружению индивида) представляют собой операциональные единицы процессов, разворачивающихся в верхнем экзистенциальном слое психики. Все три слоя функционируют как единое целое, ни один из них не может существовать в отрыве от остальных. Их следует рассматривать как различные уровни концептуализации психических явлений в аналитической деятельности внешнего (по отношенню к субъекту) наблюдателя (исследователь-психолога).

Центральную роль в гипотезируемой структуре играет объектный слой, интегрирующий определенные процессы (элементы) сервисного слоя в виде смыстонесущих единиц и согавляющий содержательную инфраструктуру якистенциального слоя. Внутренние объекты разнородны по своему происхождению, функциям, структурным характеристикам, возможностям их синтеза, деления, модификации. Единственное, что их объединдет - это свойство каждого из них выступать в качестве внутренне целостной (хотя и не обязательно неделимой) и вместе с тем достаточно обособленной единицы. Отсюда, вытекает возможность ислость ислодованных композиций, наподобие построения предложения из слов, и возможность их индетификации (что является необходимой предпосылкой анализа готовых композиций,

Рассмотрим подробнее гипотезируемое устройство каждого из трех выделенных выше слоев. Начием с объектного слоя, среди компонентов которого на зовем когнитявно-эффекторный, мотиващионный и аффективный модули. Объекты, принадлежащие к когнитивно-эффекторному модулю, играют доминирующую роль в содержательном информативном обмене индивида с его окружением. В их число входят имплекты, а тажже ментальные репрезентации внешних объектов, двигательных и прочих (за исключением знаковых) поведенческих актов и, наконец, знаков (образов слоя, графических символов, жестов и прочих интенциальном коммуникативных средств). В соответствии с этим в пределах когнитивно-эффекторного модуля следует различать имплицитный, предметнообразный, двигательный и знаковый подмодули. Операциональными единидами мотивационного модуля вляются мотивации - влечения и фобии. Аффективный же модуль ввялется "вместилищем" атомарных и сложных эмоций (удовольствия, дискомфорта, презрения, страка, эмпатии и др.). К перечисленным модулям объектного слоя следует добавить оценочный, операциональными едилим объектного слоя следует добавить оценочный, операциональными едилим

ницами которого являются абстрактные "величины", образующие в совокупности квазиконтинуум.

Все содержимое объективного слоя покрыто густой, постоянно модифицирующейся сетью ассоциаций. В результате каждый или почти каждый имплект связан содним или несколькими мотивами, окрашен сложной, иногда внутрение противоречивой радутой эмоций, может быть спроецирован на шкалу оценок как сам по себе, так и через ассоциированные с ним эмоции. Многие имплекты сопряжены с образами предметов, которые при необходимости могут вывступать в роли знаков, а порой и с репрезентациями коммуникативных символов. С другой стороны, каждая эмоция на уровне ментальных репрезентаций "воплощена" в разнообразные двигательные акты, предметы, имплекты. Имеются определенные предметные ассоциаты (образцы) величин, например, предметный эталон "большого" (в разных планах, отнодь не только в смысле геометрического размера) и т.д.

Перейдем теперь к анализу экзистенциального слоя, который и образует псижику в наиболее рафинированном смысле этого слоясь Этот слой образуется из Сознания, Предсознания и Бессознательного. Наиболее доступный изучению компонент экзистенциального слоя - это Сознание. Оно рассматривается как елинство трех феномечеров, совместно иналиционщих наличие Сознаниче

- (1) чувства собственного существования:
- (2) чувства присутствия в данном месте и в настоящий момент:
- (3) идентификации себя в мире (различие себя и мира).

Выпадение любого из этих компонентов означает деструкцию целого, т.е. иссем, причем объекты, на которых оно сфокусировано, нередко могут выбираться по его произволу. Как внешняя, так и внутренняя среда субъекта подается структурированию, что обеспечивает восприятие отдельных объектов не только в составе, но и в отрыве от всего остального. Сознание наделено собственной волей, оно может формировать цели, принимать решения, действовать сообразно намеченному плану, контролировать и корректировать собственные действия, произволить оценки; испытывать голод, удовлетворентые, страх, радость, негодование и прочие чувства. Сознание в данной трактовке представляет собой автономный антропоморфный компонент верхнего, экзистенциального слоя психики, являющейся интегратом осознаваемых элементов объектного слоя.

Следующий компонент экзистенциального слоя - Предсознание. 3³ Оно предсставляет собой аитономный модуль, структурно изомофный сознанию, но предсознание обращий к концептуальной области бессознательного (в смысле В1). Предсознание оперирует теми же объектами, что и сознание. Прямое обращение к предсознание возможно лишь тогда, когда сознание тем или иным способом выключено или отвлечено. Когда же сознание активно, предсознание уступает поле деятельности, территорию объектной инфраструктуры своему более напористому, более зрячему партнеру, окотно и кооперативно обмениваяесь с ним

3 Созвучность (при отсутствии идентичности) этого слова фрейдовскому термину "предсознание" призвана указывать на известную общность обоих концептов и в то же время на наличе определенных различий между ними. неморбидными внутренними объектами. То, что уходит из "фовеальной зоны" сознания, автоматически поступает в распоряжение предсознания. По существу психические автоматизмы (автоматическое писком, автоматическая речь), исследовавшиеся еще Пьером Жанэ, в рамках нашей схемы суть проявления активности предсознания. Перцепция на уровне Предсознания возможна, например, в сеансах спиртизма или гипнопедии. Наличие предсознательного восприятия обнаруживается также в известных опытах по посттипнотическому внушению. Предсознательными являются также сновидения. Предполагается, что предсознание имеет более широкий доступ к внутрениим объектам, нежели сознание. Ему, в частности, могут оказаться доступными некоторые морбидные имплекты. Однако впрямую седеать их достоянием сознания предсознание объектам, нежели своей объектов.

Наконец, третий экзистенциальный модуль - Бессознательное мыслится как экстрасубъектный интеграт совокупностей недоступных по разным причинам внутренних объектов, среди которых следует выделить, с одной стороны, сочетания молбилных объектов, ставших таковыми в результате болезненной конфликтности попыток реализовать те или иные внутренние объекты (в первую OVEDEAN SAUDEMENHAIE, OAMOSHME MOTURAUMU) R HOREACHMU MAN XOTS ON TOANGO R сознании индивида, а с другой стороны - мотивы и эмошии, которые еще не обпели прочных и обильных ассопиативных полей в имплицитном или предметно-образном субмолуле. Пополнение Бессознательного новыми объектами. превращение отдельных ассоциатов объектов, ранее доступных сознанию, в источники морбидного напряжения, распространение, консодидация, метастазирование морбилных полей или, наоборот, снятие болезненности с каких-то внутренних объектов (спонтанное или как результат терапевтического вмешательства) - все это созлает неповторимую инливиамальную картину Бессознательного, формирующего в каком-то смысле, полобно фотогенативу, и Предсознание, и Сознание, и поведение субъекта.

Отметим одиу существенную черту содержательного наполнения Сознания и Предсознания, с одной стороны, и Вессознательного, с другой. В первом случае - это сами внутренние объекты, во втором - сложные комплекты внутренних объектов, запрещенных ассоциативных связей, имеющие, следовательно, иную информационную структуру, чем операциональные единицы сознания и предсознания. Однако представителями суперобъектных образований Бессознательного в сознании и предсознании являются часто объекты конитивно-эфекторного модуля. Истолкование их экспликаций, добытых из сновидений, из рисунка свободных ассоциаций, из характерных подстановок одних объектов на место других в коммуникативном поведении индивида составляет основу техники классической подисхонаньная акак терапевтической подосачовы.

Краткое рассмотрение предлагаемой модели психики завершим несколькими замечаниями, касающимися сербисного слоя. Собственно говоря, это не столько слой, сколько "объемное образование", пронизывающее какой-то своей частью объектный и экзистенциальный слои. Его содержимое составляют элементарные неосознаваемые психические процессы, обеспечивающие функционирование высших слоев психики, а также их взаимодействие с окружением индивида. В сервисном слое ограничимся выделением двух наиболее важных компонентов. Во-пербых, назовем сербисный когнитивно-эффекторный модуль. Его операциональными единицами являются не представленные в сознании составляющие воспринимаемых объектов не контролируемые сознанием репрезентации элементарных исполнительных актов, образующих то или иное поведенческое действие. Во-вторых, отметим психодинамический модуль, охватывающий ставидарнные операции объектного и эксистенциального слоев. В качестве примера таких операций сошлемся на рассматриваемые А.Б. Добровичем динамизмы, экстрасубъектным интегратом которых является фрейдовская категория "Сверх-Я".

Но репертуар данного модуля отнюдь не исчерпывается динамизмами из области психоаналитической клиники. К числу психических динамизмов следует отнести уже обсуждавшуюся выше интеграцию. Другим примером может служить непроизвольная антропоморфизация или зооморфизация готового интеграта. Оба динамизма реализуются не только в познавательной деятельностробьекта, но и в начном исследовании. Так, дегко подвержена антропоморфизации категория сознания. Фрейдовская концепция "Оно" есть не что иное, как продукт зооморфизации эктрасубъектного интеграта компонентов Бессознательного, ответственных за реализацию первичных, биологических мотивации субъекта. "Сверх-Я" может рассматриваться как результат антропоморфизации интегратов этических хинамизмов Бессознательного.

В заключение продемонстрируем некоторые динамические свойства экспонированной выше модели в воображаемом взаимодействии с окружением. Псикику новорожденного характеризует с овокупность встроенных, унаследованных объектных структур, еще весьма примитивных как по количеству и ассортименту внутренних объектов, так и по составу ассоциативной сети. Подмодульзнаков еще пуст, хотя имеются все предпосылки для его наполнения; предметно-образный модуль содержит лишь отдельные недифференцированные праобразы; есть лишь начальные двигательные репрезентации; имплекты малочисленны и крайне одсплывуаты.

На этом фоне наиболее мощными и дееспособными оказываются первичные мотивации и эмоции. Они ищут и скоро находят себе определенные предметные ассоциаты, которые, формируясь, приобретают все большую четкость. Внешние объекты через их ментальные репрезентации, помимо своего прямого содержания, приобретают функции знака. Из этих репрезентаций начинает формирозаться энаковый подмодль. Здесь особенно велико значение акустических и визуальных объектов. Формируются, получают предметное и символьное обозначение имплекты, нераздельно связанные с вызвавшими их появление эмоциями, мотивациями. Первичными, доминирующими в имплектах являются именно эмоциональные и мотивационные составляющие. Предметное, качественное, действенное содержание имплектов еще длигальное время остается подлиненным компонентом. Роль последнего становится заметной лишь с развитием субъективной знаковой системы, достаточно изоморфной той, которая утвердилась в данной субкультуре.

Потребность в точном инструктировании окружающими и, правильном выполнении их инструкций приводит к формированию, совершенствованию, повышению четкости и дифференцированности эксплицитного подмодуля когнитивно-эффекторной системы. Наиболее высокого уровня развитие этого подмодуля достигает в субкультурах, широко пользующихся предельно четкими коммуникатичными средствами, например, в математической среде.

На экзистенциальном уровне онтогенез представляет следующим образом. Сознание (в том виде, в каком оно было представлено выше), поначалу отсутствует. Его витальные функции берет на себя предсознание. Бессознательное в основном неморбидно. На него отображается весь объектный слой. Морбидные образования Бессознательного могут иметь лишь конгенитальное, пренатальное и перинатальное наполнение. Действия новорожденного, приводящие его в конфликт с окружением, или агрессия самого этого окружения (а вместе с тем и растущая дифференцированность объектной инфраструктуры) приводит к качественному и количественному пополнению морбидного компонента Бессоз-

Тем временем созревание объектной инфраструктуры, выражающееся в экстенсивном и интенсивном росте как множества внутренних объектов, так и сети ассопиаций между ними приводит к устойчивой дифференциации себя и мира. Это знамениет пождение сознания котопое тепепь все чаше и пешительнее берет на себя функции управления психикой в целом. Поле доступной ему объектной инфраструктуры растет, но вместе с тем множатся и препятствуют этому росту морбидные наслоения от нескончаемых болезненных конфликтов. Рост морбилного компонента Бессознательного и размер занятой им объектной инфраструктуры зависят от индивидуальных стартовых (врожденных) свойств субъекта, от степени субъективной болезненности конфликтов, от страха встречи с болезнетворным объектом, от способности спонтанно находить пути к внутреннему примирению, от структуры и поведения среды по отношению к субъекту. При неблагоприятном сочетании внешних обстоятельств и инаивидуальных свойств субъекта могут возникнуть спонтанно необратимые изменения. преодолеть которые субъект сам не в состоянии, и тогла он нуждается в терапевтической помощи извне.

Если оставить в стороне невротическое развитие субъекта и сосредоточиться на сигуациях, благоприятствующих формированию здоровой психики, то в этом случае Бессовнательное с его достаточно многочисленными и разветвленными отпугивающими, запрещающими, предостерегающими вехами оказывает благотворное влияние на функционирование субъекта в его среде, позволяет ему избегать сигуаций и внешених объектов, которые представляют опасность для его психического благополучия. Сознание и в этой ситуации не свободно в своей деятельности. Но отраничения в свободе не приводят к образованием и Бессознательным. В этих условиях сознание способно играть конструктивную роль в духовном развитии индивида и оказаться весьма продуктивным в творческом плане, особенно если речь идет о научно-техническом творчестве.

Описанная концептуальная схема психики позволяет анализировать поведение человека в самых различных аспектах, особенно когда целью анализа является получение собственно психологической характеристики индивида (с выделением глубинных инвариантов и их взаимодействий. Именно такие компоненты содержат в себе причины специфических черт индивидуального поведения, именно в вих часто содержится ключ к пониманию аномалий поведения, невротических проявлений. трумностей общения и т.п.) Представленная здесь модель может послужить почвой для примирения между сторонниками традиционного психоанализа и теми, кто его яростно отверлеат. Однако предлагаемая точка компромисса не "среднее эклектическое" противоборствующих позиций. Имплицитный центроид модели тяготеет к глубинной психологии. В ней (модели) лишь устранены наиболее навязчивые экстремизмы фрейдовского учения, навлекающие на него идиосинкратическую реакшию его противников.

Крайняя позиция отрицания концепции Бессознательного или замещение его содержания концепциями типа Б1 или Б2, нередко объясняется вытеснением данной проблемы из сознания исследователя. Надо думать, чем скорее будет осознано наличие самой невротической установки избегания Бессознательного, чем скорее будут выведены в наше эксплицитное сознание причины, ее сформировавшие, пути ее иллементации, тем больше надежд на то, что следующий штурм действительно позволит нам выйти на новые рубежи в исследовании одной из самых таниствечных и интритующих проблем современной начки.

A HIEPTOK

СЕРДЦЕ И РАЗУМ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

(ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Психоанализ возник почти сто лет назад, если считать актом его рождения публикацию в 1895 г. книги "Исследования истерии" і, на которой стояли два имени: Зигмунд, Фрейд и Иозаеф Брейер. Сотрудничество Фрейда и Брейера, впрочем, на том и закончилось. В этой книге были изложены основные идеи нового психотерапевтического метода, которые Фрейд в дальнейшем развивал и обогашал.

Поначалу психоанализ подвергался ожесточенной критике по причинам правственного и научного порядка, но после многих перипетий, о которых я не буду здесь говорить, мало-помалу завоевал прочные позиции - даже за пределами того исследовательского поля, в котором он первоначально появился. Он представляет собой одно из тех течений мысли, которые оказали наибольшее влияние на западную культуру XX в. Сама широта распространения психоанализа делает нелегкой задачу охвата всех форм, в которых он существетну. Важно зассъ разграничить две существенных момента: поначалу психоанализ представлял собой совершенно новый и даже, можно сказать, революционный метод психотерапии; впоследствии, оставаясь, в сущности, психотерапиертическим методом, он преращается в общее учение о дуже, становится единой основой различных гуманитарных наук. В дальнейшем изложении мы прежде всего обратим внимание именно на первый момент.

ПРАКТИКА ГИПНОЗА У ФРЕЙЛА

Существуют различные подходы к проблеме возникновения психоанализа. Для многих исследователей эта проблема вообще не стоит: для них Фрейд - это

1 Breuer I., Freud S. Etudes sur l'hysterie, P., 1956.

отец-основатель психоанализа, а сам психоанализ - нечто такое, что позникает из ничего, на пустом месте. Яркий пример такого подхода дает Граноф с его броской формулировкой: "Можно сказать, что, несмотря на Брюкке, Шарко, Флисса, у Фрейда никогда не было учителей "Granoff W. Filiations. P., 1975. Р. 245. Итак, Фрейда никогда не было учителей "Granoff W. Filiations. P., 1975. Р. 245. Итак, Фрейда это начало начах до него была тыма, в которой тщетно было бы пытаться вообще что-либо различить. Сама мысль о том, что психоанализ - это творение ех nibilo, вряд ли может нас удивить. Но история наук свидетельствует отом, что и наиболее крупные открытия всегда опираются на ранее полученные результаты, что и самый смелый ум коть чем-то да обязан своим предшественникам в науке, даже если он отверт их наследие.

Таким образом, с историей психоанализа дело обстоит не так просто, тем более что сам Фрейд, которого ученики считали абсолютным первооткрывателем, недвусмысленно признавал, что его метод возник на основе уже существовавших терапевтических приемов, а именно из гипноза. Но почему же ученики Фрейда склонны были отвергать наследие, которое признавал сам мэтр? Об этом речь впереди. Прежде всего нам нужно понять, как собственно практика гипноза привела Фрейда, по его собственному признанию, к открытию психоанализа.

Интерес к гипнозу возник у Фрейда под влиянием его друга Брейера. Здесь имеется в виду в первую очередь хорошо известный случай с пациенткой Брей-ера Анной О. - молодой женщиной, страдавшей истерией и раздвоением личности. Переход от одной личности к другой сопровождался у нее стадией автогипноза. На этой стадии раскрывались многочисленные подробности ее поседневной жизни. Именно в этом состоянии она однажды рассказала, как именно появился одии из ее симптомов; когда типнотическое состояние прошло, симптом тоже исчез. Тогда у Брейера, который вовсе не был сторонником гипноза, и зародилась мысль, что во время сеанса гипноза можно заставить больного говорить. Так был впервые применен катартический метод.

Две проблемы, которые встали перед Фрейдом в 1882 г., - это истерия и гипноз; они возникли во время его пребывания с октября 1885 по февраль 1886 г. В Париже, в госпитале Сальпетриер. Здесь он присутствовал на знаменитых демонстрациях больных у Шарко; эти сеансы убедили Фрейда в том, что истерию вызывают не физические причины, а психический шок. Посредством гипнотического внушения Шарко вызвал у больных истерией искусственные параличи, а затем снимал их - тоже под гипнозом. Это зрелище несло в себе большой эротический заряд, и Фрейд поначалу был так им потрясен, что подумывал даже о возиращении на родину. Оланако он остался в Париже, успокоенный тем истолкованием истерии, которое давал Шарко, а Шарко видел в истерии одно из заболеваний нервной системы и тем самым лишал ее особого сексуального оттенка.

Поэтому, вернувшись в Вену, Фрейд, мог дечить больных истерией посредтом гипноза, что не было для него проблемой; поначалу он практиковал прамое внушение, а с мая 1889 г. - катартический метод. В июле этото же года он отправился в Наиси, где наблюдал опыты Бернхейма, связанные с посттипнотическим внушением, т.е. с выполнением после пробуждения действий, внушенных пациентам под гипнозом. Эти опыты произвели на него глубокое впечатление, много поэже он так описывал это впечатление: "Впервые бессознательные гипнотические вядения стали чем-то реальным, ослзавмым, доступным опытной проверке". Ранее, в статье "Бессознательное", он писал: "Опыты с гипнозом, и в особенности с постгипнотическим внушением, наглядно показали существа вание бессознательного психического и способ его функционирования". Из этого понятия динамического бессознательного Фрейд вывел известные нам терерь следствия - влечения, вытеснения, игры сопротивления и пр. Отсюда фрейдовкое признание "долга перед гипнозом": "Значение гипноза в развитии психоанализа невозможно переоценивать. С теоретической и практической точек звения пихоанадия опирается на наследие гипнотизма"!

Занимая ту или другую из обозначенных позиций, можно констатировать, что отношение Фрейда к гипнозу стало совсем иным с того момента, когда он встал на току зрения психоанализа. С одной стороны, он не переставал интересоваться проблематикой гипноза, о чем свидетельствует, в частности, "Психология масс" 1921 г. В этой работе Фрейд трактует гипноз как фундаментальную модель отношений человека к человеку, настанвая, однако, на том, что "и в гипнозе пока еще, нужно признать, остается много непонятного, таинственного". С другой стороны, Фрейд исключает гипноз из своей практики, а затем утверждает, что сам этот отказ есть акт учреждения психоанализа. В 19-м очерке "Введения в психоанализ" он заявляет: "У меня есть основания ститать, что психоанализ возник в тот самый момент, когда мы отказались от применения гипноза"

Отказ от гипноза не был внезапным, он происходил постепенно. Уже в 1892 г. Фрейд ограничивает применение гипноза, а с 1896 г. использует гипноз лишь в некоторых особых саучаях. Такое решение Фрейа обосновывает причинами двоякого рода. Во-первых, гипноз скрывает сопротивление больного и мешает врачу заметить "игру психических сил"; во-вторых, гипноз может иметь лишь ограниченное применение, поскольку многие пациенты не поддаются гипнозу. Эти соображения, возможно, и сыгради свою родь, но главная причина, по которой Фрейд отказался от гипноза, иная. Дело в том, что гипноз, открывающий в папиенте существование вытесненных влечений, не дает врачу возможности управлять этими влечениями. Тем самым и врач рискует оказаться вовлеченным в игру "диких" аффектов. По сути именно это и понял Фрейд в той знаменитой сцене, когда пациентка, проснувшись после гипнотического сеанса, бросилась ему на шею. Мои исследования показывают, что этот инцидент мог произойти в 1891 или 1892 г. Заслуживает внимания рассказ об этом событии и его осмыслении - больше четверти века спустя - в устах того, кто его пережил: "Мне хватило трезвости ума, чтобы не отнести это событие на счет моей личной привлекательности; теперь, как я думаю, мне удалось схватить природу того таинственного элемента, который есть в гипнозе. Чтобы избежать его или хотя бы както от него отстраниться, мне пришлось отказаться и от самого гипноза".

Значение этого случая невозможно переоценить. Он воочию показал Фрейду то, о чем он, по собственному признанию, уже давно догадывался, хотя и оставался без внимания, а именно сексуальную природу истерии. Вместе с тем понимание того, что чувства пациентки относились не к нему самому, а к кому-то

² Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt a. M., 1968. Bd. 13. S. 407.

³ Lbid. 1967. Bd. 10. S. 267.

⁴ Ibid. 1968. Bd. 13. S.407.

⁵ Freud S. Essais de psychanalyse. P., 1981. P. 180.

⁶ Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt a. M., 1969. Bd. 11. S. 302.

третьему, направило его размышления по пути, на котором и был открыт трансфер. Что же касается отказа от гипноза, то он представляет собой своего рода "исторический урок". Дело в том, что миенно применение гипноза заставило Фрейда пережить столь нелегкий эпизод, и вместе с тем именно желание обезопасить себя от подобных ситуаций вызвало решение Фрейда навсегда отказаться от гипноза в своей практика.

ОТКРЫТИЕ НАУЧНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Основав психоанализ, Фрейд поставил на место современных видов психотерапии, в той или иной мере включавших аффективные, не подлающиеся контроло элементы, рациональный научный метол. В этой перспективе психоанализ вписывается в позитивистское течение второй половины XIX в. Он позволил врачу понять подлинную природу его отношений с пациентом и объяснить ее больному. Наиболее существенными факторами лечения были, по суги, истолкование и осознание. Пациент должен был в конечном счете прийти к тому же мнению, что и врач: с этого момента он становился искателем истины, а его повеление должно было соответствовать "принципу реальности".

Конечно, и в этом виде терапии, полчиненном знанию, недьзя быдо подностью уничтожить аффективные моменты. Но они были сведены к минимуму и поставлены под контродь врача. Уже Фрейд отказадся от прямого внушения и перешел к катартическому методу. Однако оставался нерешенным вопрос о непрямом внушении: в своем докладе "О психотерации" (Вена, 1904 г.) Фрейд оппеледил его как "Фактоп, связанный с психическим состоянием пациента, без нашего велома оказывает влияние на весь терапевтический процесс, осуществаяемый врачом. Обычно этот фактор способствует лечению, но иногла преятствует ему". Фрейд добавляет, что оно не может быть ни дозировано, ни усилено". Правда, все эти сложности не существуют для тех практикующих врачей, которые, как говорится в работе Фрейла "По поволу так называемого "ликого" психоанализа", обладают неким неуловимым качеством, неким особым даром -"врачебным тактом". Эти врачи инстинктивно находят меру в аффективных контактах с больными. Однако дар этот слишком редко встречается, чтобы на него можно было положиться, и потому психоанализ как научная дисциплина ставит на место инстинктивного "лара" строгие правила, которые сможет применить каждый. Аля психоаналитиков речь идет прежде всего о том, чтобы обращаться с больными нейтрально и несколько отчужденно. Таково правило слержанности (abstinence). В условиях трансфера те аффекты, которые остаются в отношениях врача и пациента, доджны быть использованы, но поставлены пол строгий контроль. Трансфер позволяет заменить сопротивление больного и преодолеть его. В конце лечения трансфер разрешается, и тогда достигнутые результаты дечения закрепляются надолго, находя поддержку в убежденности пациента. Поэтому Фрейд стремится строго разграничить бесконтрольное внушение, которое используется при гипнозе, и внушение психоаналитическое, которое полчинено знанию.

Во всех текстах, написанных Фрейдом между 1904 и 1918 гг., заметно стремление подчеркнуть особый характер психоанализа, его научность, объектив-

ность. В этих текстах мы встречаем постоянные напоминания о самой большой опасности, которой подвержен психоанализ и которая мещает ему воплотить в жизнь мечту его основателя и стать образцом психотерапии. Эта опасность заключается в нарушении главного правила нейтральности, в возврате к практике гипносуггестии. В этом смысле интересно обратиться к материалам Будапештского конгресса 1918 г., на котором собрались вместе члены Международной психоаналитической организации, рассеянные по разным странам войной. Открывая конгресс, Фрейд сказал, что собирается по-новому взглянуть на терапевтические данные. Позже в своем докладе Фрейд выдвинул мысль о том, что иногда во время курса лечения стоит особо побуждать "активность" аналитика. О чем идет речь? Прежде всего о том, чтобы не позволять больному делать то, что препятствует его выздоровлению, а при случае помогать ему в принятии таких способствующих выздоровлению решений, на которые в одиночку он не был бы способен. Или вот еще одна форма "активности" врача, за которую ратовал Фрейд в отношении больных, страдающих тяжелыми фобиями: этих больных предлагалось ставить в такие условия, которые их как раз и страшили, например, за ставлять их выходить из дому одних. Кроме того, аналитикам предписывалось при лечении больных, страдающих навязчивым неврозом, когда курс лечения обычно очень растягивается, устанавливать своей волей и властью предел таким лечебным курсам. При этом нужно иметь в виду, что эти рекомендации ни в коей мере не противоречили правилу сдержанности и что практика гипносуггестии была запрещена.

Правда, в конце своего выступления, говоря о массовом применении психоаналитических приемов в будущем, Фрейд сказал, что тогда необходимо будет
смешать чистое золото анализа со значительным количеством меди прямого
внушения, когя иногда, как, например, в случае больных военных неврозом, надо
будет прибегать и к гипнотическому воздействию. Это добавление вполне понятно, если учесть, что один из его учеников, Зиммель, успешно применял катартический метод при лечении немецких солдат во время войны. Так на Будапештском конгрессе наметилась своего рода реабилитация гипноза, правда весьма незначительная. Гипноз при этом допускается лишь как гипотеза, со многими
оговорками. В заключение Фрейд сказал: "Каковы бы ни были форма и составные элементы этой весьма широко распространенной психотерапии, наиболее
важными и действенными ее частями независимо будут те, что заимствованы из
психоанализа в стротом смысле слова, из психоанализа без всех предвзятых
мнений".

Можно заметить, что общий тон сочинений этого периода, в котором Фрейд разрабатывал приемы психоанализа, свидетельствует об уверенности победителя. Психоанализ подвергался потда яростным нападкам, причем нередко на основе совершенно ложной аргументации: психоанализ-де опровергает устоявшисся представления, разрушает иллюзии. Однако основатель психоанализа был непоколебимо уверен в его будущем. Так заявил Фрейд на Нюрнбергском конгрессе в 1910 г.: "истина - даже та, что сильнее всего ранит нас, - рано или поздно пробьет путь к умам людей и сыграет свою роль" Конечно, результаты, достигнутые психоанализом, пока невелики. Но такая ситуация, полагает Фрейд, временна. Психоанализ, как и любая другая зарождающаяся наука, со-держит в себе много непознанного. Более широкое развертывание исследований в этой области постепенно, но с неизбежностью приведет к суждению этой сфе-

ры непознанного, а эффективность практики психоанализа будет увеличиваться по мере того, как будет угочняться его теория. Такое убеждение лежит в основе фрейдовского оптимизма в эту героическую эпоху развития психоанализа.

РАЗРЫВ МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ПРАКТИКОЙ

Однако этот оптимизм рассеялся в период после первой мировой войны. Фактически уже в 1922 г. мы видим призгаки трудностей, возникших из-за отсутствия согласованности между теорией и практикой психоанализа. Доказательство этому мы видим на Берлинском контрессе, где Фрейд объявил о проведении конкурса на тему "Отношения между приемами психоанализа и его теорией". Этот факт малоизвестен; у Джонса, например, он вообще не упоминается. Впрочем, награда так и не была присуждена, поскольку не оказалось претендентов на победу. Фрейду заранее было известно, что дов его ученика - Ференчи и Ранк - сообща работают над этой темой. Фрейд одобрил и текст в целом, и позицию Ференчи и Ранка, хотя и сделал ряд критических замечаний, сразу же учтенных авторами. Однако Ференчи и Ранк не сочли свой труд достойным участия в конкурсе. Он появился в 1924 г. под заглавием "Перспективы психоанализа. О взаимозависимости теории и практики".

После публикации этой работы Фрейд высказал серьезные замечания, которых авторы, очевидно, не ожидали. Эти замечания коснулись прежде всего Ференчи. С этого момента между Ференчи и Фрейдом начались споры, которые длились много лет, приобретали все более и более резкий характер и закончились разрывом. Я не буду здесь описывать историю этого конфликта. Я бы хотел лишь подчеркнуть, что этот конфликт вполне показательный: в нем мы находим все те моменты, которые и теперы присутствуют в спорах по данной поблеме.

О чем же, собственно, шла речь? Ференчи и Ранк были озабочены прежде всего поиском эффективности лечения. Они стремились избежать некоторых недостатков, обнаружившихся в психоаналитической практике, и прежде всего удлинение лечебного курса. Они подвергли сомнению чрезмерное количество истолкований и объяснений, даваемых врачем пациенту - с тем, чтобы помочь ему вспомнить то или иное вытесненное событие. "Выть может, перерывыв в обычном курсе анализа и погружение в формальные разъяснения удовлетворяют и врача и больного. Однако они не способны как-либо изменить либидинальную установку пациента", - писса и Ференчи и Ранк.

Аналитик не должен делать ставку только на значение, считают Ференчи и Ранк, он должен обращаться к переживанию пациента и его выражению в действии. А это значит, что поощрение в пациенте тенденции к повороту тех или иных действий в конечном счете облегчит для него и процесс воспоминания вытесненных событий. Тем самым, несмотря на все стилистические предосторожности, Ференчи и Ранк вводят в процедуру лечения весьма существенные изменения. Фрейд не мог не заметить этого. Ведь он утверждал в работе "Воспоминание, повтор и проработка" (1914 г.), что уставиовление трансфера станет препятствием для всех повторяющихся действий в поведении больного. Настаивая на необходимости повторов, Ференчи и Ранк, как казалось Фрейду, подвергатотся риску очутиться за предедами психоанализа, а заничит, и за предедами того

поля рациональности, в которое Фрейд поместил психоанализ, они могут оказаться в той области, где свободно обнаруживаются аффекты, уже более не контромируемые самой ситуацией трансфера или контрансфера.

Что касается Ференчи, то он вплоть до самой своей смерти в 1933 г. все дальше отходил от психоаналитической ортодоксии. Я упомяну заесь без подробностей о новых формах лечения, которые Ференчи назвал релаксацией, материнскими приемами, неокатарсисом, взаимным анализом. Используя эти приемы, Ференчи не исключал и возможности обращения к гипнозу. Ведь именно он выдвинул в 1924 г. мысль о том, что лишь благодаря гипнозу и другим методам внушения психоаналитические приемы смогут пазвиться до своего "крайнего предела".

Общей чертой всех практических нововведений, преддоженных Ференчи, был акцент на аффективном в ушербе когнитивному, нарушение правила слержанности, введенного Фрейдом. Фрейд неоднократно высказывал в адрес автора этих нований разного рода предостережения, которые не возымеди действия: это приведо в 1931 г. к разрыву Фрейда с его издавна дюбимым учеником. Это не помещало мэтру лва гола спустя, уже после смерти Ференчи, возлать ему лолжное, предсказывая, что он навсегда останется в истории психоанадиза, а значит, и полводя положительный в пелом итог его теоретической деятельности. Именно Ференчи принадлежит наряду со многими другими заслуга ясной и корректной формулировки позиции в споре, который, как признад Фрейд в 1937 г., еще далек от завершения. В данном случае имеется в виду работа "Анадиз законченный и анализ бесконечный". В отличие от других работ, где рисуются блестящие перспективы психоанализа, здесь формулируются весьма неутешительные выводы относительно результатов деятельности психоаналитика. Фрейд повторяет, что услех лечения зависит от осознания, но признает, что такого успеха зачастую очень трудно добиться из-за сопротивления "я" пациента. Он добавляет: "Получается, что мы занимаемся истолкованиями не для них (папиентов), а для самих себя". Правда, котя Фрейд и констатирует, что познание зачастую бессильно справится с аффектами, он не доводит своей мысли до осознания необходимости перемен в предписанных им правилах анализа. Несколько месяцев спустя он публикует работу "Конструкция в анализе": в ней заново повторяются все те правила, которые он сформулировал 40 лет назал.

ВОЗВРАШЕНИЕ К АФФЕКТУ

Изменения произошли лишь в самое последнее время, причем они были вызваны не теоретическими новшествами, а применением психоанализа в некоторых пограничных случаях и при лечении психотиков. Инициатива подобного расширения сферы психоанализа после Второй мировой войны принадлежала, в частности, таким психоанализа после Второй мировой войны принадлежала, в частности, таким психоаналитикам, как Балинт, Баулби, Котух, Сиерлес, Уинникот. Они считают, что психические расстройства у подобных пациентов вызываются переживаниями раннего летства в доздиповский, ловербальный период, что эти расстройства возникают т не вследствие конфликтов, но из-за недостатка аффективности в отношениях матери и ребенка. Акцент здесь делается на изначальном, архаическом взаимодействии, связанном с понятием эмпатии. В этих случаях речь идет о том, чтобы восполнить нехватку эмоциональных от-

ношений, например, практикой "поддержки", предложенной Уинникотом и затем нашедшей весьма широкое распространение.

Хотя все эти только что названные мной психоаналитики (за исключением Балинта) и не ссылались на Ференчи, они, несомненно, идут его путем. Вслед за Ференчи они отдают преимущество переживанию над истолкованием. Как и Ференчи, они нарушают правило сдержанности, так что можно легко представить себе, что в иные времена они были бы отлучены психоаналитическим сообществом от практической работы. Так почему же теперь сообщество психоаналитиков относится к ним с такой терпимостью? Прежде всего потому, что теперь считается допустимым при лечении новых групп больных (подобных тем, что упоминались выше) пользоваться новыми приемами. Отметим, что у вышеназванных авторов эти новые приемы не изменяют ни общей структуры лечения, ни его продолжительности. Продолжительность лечения у них скорее увеличивается, тогда как Ференчи всегда ратовал за ее уменьшение. Наконец, хотя эти авторы и опираются, полобно Ференчи, на аффекты, они - уже в противоположность Ференчи - гипнозом не пользуются. Они даже не упоминают о гипнозе, за исключением разве только Котуха, который проводит различие между гипнотезером доаналитического типа и гипнотезером-аналитиком: первый заставляет пациента избавиться от своих симптомов, второй требует от пациента таких данных, которые могли бы объяснить причину этих симптомов. Это различие заставляет вспомнить о Фрейде, который проводил границу между гипнотическим и аналитическим внушениями. Кроме того, именно Котух, который ввел понятие "эмпатическое истолкование", попытался соединить аффективное взаимодействие с принципом истолкования, который и у него, и у других вышеназванных аналитиков не подвергается сомнению. Нельзя, однако, сказать, что он много сделал для постановки нашей проблемы; сердце или разум в психоанализе?

Приходится признать, что ныне не существует такой теории психоаналитической практики, которая могла бы учесть различные участвующие в ней факторы и определить их роль. Твердо установлено лишь то, что когнитивные факторы сами по себе не способны вылечить больного. Кстати сказать, проведенные в США исследования показали, что эффективность различных видов психотерапии, независимо от их теоретических основ, примерно одинакова. Существует некий общий знаменатель, который и лежит в основе излечения. Вплоть до сетодившнего дия вычленить этот элемент не удалось, однако все свидетельствует отом, что его следует искать где-то в области аффектов. Имея дело с аффектами, мы имеем дело, как говорит Фрейд в начале своей работы "По ту сторону принципа удовольствия", с наименее ясной и наименее доступной областью психической жизни, выразив впоследствии надежду на создание "философской или психологической теории, способной объяснить значение ощущений удовольствия или неудовольствия, столь властно распоряжающихся нами".

Однако такой теории нет и поныне. На симпозиуме Американской психоаналитической ассоциации (1973 г.), посвященном проблеме аффекта, Рангель сказал в заключение следующее: "Ныне мы по-прежнему не располагаем целостной психоаналитической теорией в том, что относится к области аффекта; более того, такую теорию вообще невозможно построить, если не учесть одновременно как физиологические, так и психологические изменения нашего опыта".

С тех пор попытки создать такую теорию предпринимались и другими известными психоаналитиками, например Грином, автором "Живой речи" (эта работа подводит итог исследований данной проблемы). Однако эти попытки не привели к успеху. Дело, по-видимому, в том, что решение этой проблемы требует выхода за узкие рамки психоанализа. Оно лежит где-то в точке возможного пересечения исследований, проводимых в различных науках. Если считать, что аффективная связь - это некая изначальная данность, лежащая в основе бытия, то. значит, для ее познания нужны различные средства, разнообразные подходы. За последние годы вклад в исследование этой области был сдедан учеными, наблюдавшими отношения матери и младенца, работами Шпица о последствиях эмоционального дефицита для детей, лишенных матери. Впрочем, этологи описали под именем "связь" (Лоренц) или "аффективность" (Гарлоу) те элементы поведения, которые у некоторых психоаналитиков (например, Баулби) связываются с понятием "привязанность": в области человеческой психологии "привязанность" преобразуется в глубинную биоаффективную связь, независимую от сексуальности. Наконец, в социологии Серж Московиси в своей недавно вышедшей работе "Век толпы" выдвигает на первый план гипносуггестию как "главную модель социальных действий и ответов".

ГИПНОЗ КАК ПЕРЕКРЕСТОК ПСИХОЛОГИИ, СОЦИОЛОГИИ, БИОЛОГИИ

Можно ли надеяться узнать здесь что-то новое? Мы утверждаем, что в области психотерапии существует такая форма отношений - причем единственная, которая позволяет воочию увидеть воздействия аффекта: это отношения гипносуттестии. Типноз - наиболее аркое обнаружение этих отношений; гипноз проясняет аффект, поскольку он порождает явления, ярко иллюстрирующие отношения между физиологическим и психологическим, также, как и хирургические операции в условиях гипнотического обезболивания или же внушенные ожоги (волдыри и чувство жжения). Иначе говоря, гипноз находится в точке перессечния внутреннего и внешнего, влечений и воздействий окружения, внутрипсихического и интерсобъективного.

Однако это исключительно важное средство познания было отброшено за бого ртодоксальными психоаналитиками. Они не только наложили запрет на гипноз в своей собственной практике, но, будули еще болое правоверными фрейдистами, чем сам Фрейл, изгнали гипноз из области своих размышлений. Права, в США в 40-е и 50-е годы некоторые видные психоаналитики, такие, как Гилл и Бренман, а также Кьюби, опубликовали работы одновременно и о теории и о практике гипноза. Однако эта линия исследований скоро прервалась, и с тех поог гипноз стал лишь областью якспериментальной психологии.

Есть, правда, страна, где мы ныне видим возрождение гипноза; это та же самая страна, где гипноза, багодаря Шарко, получил нечто вроле "свидетельства о благородном происхождении". Конечно, мы имеем в виду Францию, где психоаналитики издавна наотрез отказывались от гипноза. Эту установку, заметим, разделял и Ж. Лакан, который, предложив ряд новшеств в области фрейдизма, остался по отношению к гипнозу строгим конформистом. В его глазаях гипноз

полностью скомпрометировал себя; в сочинениях Лакана мы находим лишь три места, где говорится о гипнозе, да и то очень бегло, как о чем-то давно установленном. Аффекты вообще занимают очень мало места в лакановском учении. Известно, например, сколь большое значение Лакан придавал языку. При этом язык всегда рассматривался Лаканом в интеллектуальном аспекте, тогда как аффективные моменты (звучание, голосовая интонация) вообще не принимались в расчет. Мы не собираемся здесь развертывать подробную критику лакановских идей. Мы хотим лишь заметить по поводу "речевого обмена", который стал у Лакана стержнем лечения, следующее: остается неясным, каким образом язык, сведенный с его означающей функции, чуть ли не лишенный плоти, может породить и стимулировать процес лечения. Ведь такой язык напоминает повозку, которая е дет порожияяком.

Есть, конечно, такие исследователи, которые ставят под сомнение догиу о наличии эпистемологического разрыва между гипнозом и психоанализом. Так, Октав Маннони выдвинул мысль о том, что трансфер, используемый в анализе, "есть то, что остается от одержимости". Между приемами шамана и приемами психоаналитика (учитывая и животный магнетизм, и процедуры изгнания бесов из одержимых) существует, как считает Маннони, преемственность. Она заключается в обращении к элементам транса, который меняет свою форму от одной эпохи к другой: например, жезл Месмера упразднил всевозможные священные предметы, использовавшиеся до него, и сам был упразднен гипнозом и межличностными отношениями между больным и врачом. "В итоге, - говорит Маннони, упраздняется гипноз, но остается трансфер". Другой психоаналитик, Франсуа Рустан, показал, что в ситуации трансфера аналитик не только не занимает нейтральную позицию, но чаще всего навизывает пациенту свои истолькования, так что анализ оказывается чем-то вносе "алительного купса внушения".

Возврат интереса к гипнозу наблюдается и в философии. Проблематика гипноза фактически обсуждалась во многих работах последних лет, прежде всего у М Борш-Якобсена, Эрика Мишо, Жан-Люка Нанси (все это ученики Жака Деррида). М Борш-Якобсен стремился прежде всего показать, что межличностная связь, устанавливающаяся при трансфере, никогда не может быть растворена. Утверждение о возможности растворения трансфера у Фрейда основывается на мысли о том, что бессознательное образовано представлениями, а не аффектами, и что эти вытесненные представления могут вновь всплыть в памяти. Трансфер, по Фрейду, представляет собой не что иное, как "фрагмент эдипова комплекса". Однако, как ныне признается, аффективная связь, возникающая при трансфере зарождается в доэдиповский период, еще до того, как субъект начинает строить самого себя в отношениях с другими людьми. Следовательно, эта связь не может стать объектом представления или воспоминания. Заметим, что совсем недавно фрейдовское понятие бессознательного было подвергнуто критике у другого философа, Мишеля Арни, С его точки зрения бессознательное также лишено представлений, а то, что Фрейд называет представлением, не есть собственно представление, но мгновенно промелькнувший образ, обладающий лишь структурой представления. Мишель Арни противопоставляет представлению жизнь как подлинную реальность, которая может быть схвачена только на уровне аффектов, в переживаниях "я".

Вряд ли можно удивляться тому, что гипноз стал таким образом объектом философских дискуссий. Уже в XIX в. он был темой исследований таких крупных французских и немецких мыслителей, как Фихте, Гегель, Шопенгауэр, Бергсон, Жане. Дело в том, что феномен гипноза связан с самыми главными философскими проблемами. Гипноз ярко и наглядно демонстрирует воздействие психического на физиологическое и тем самым дает важный материал для прояснения отношений между телом и душой. Гипноз дает также иллострацию к проблеме отношений к Другому как в межличностной (отношение людей друг к другу), так и в социальной форме (воздействие индивида на некое сообщество - семью, реаличовочку проили или нацию).

Хотя мы вправе многого ожидать от гипноза как средства научного познания, приходится признать, что сам гипноз остается очень мало изученным. Это отчасти объясняется ситуацией остракизма, в которой он так долго находился, и потому надо прежде всего рассеять предубеждения, связанные с гипнозом. При этом нужно отдавать себе отчет в том, что, поскольку гипноз - это изначальная, первозданная психическая реальность, на его изучение потребуется очень много времени. Но эти трудности не должны препятствовать его изучению. Все исследователи, интересующиеся гипнозом (будь то гуманитарии или "естественники"), должны внести свой вклад в изучение гипноза, работая в своей области и сотрудничая с коллегами из других областей научного познания.

Α.Γ. ΑСΜΟΛΟΒ

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПУТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Если бросить взгляд на историю становления представления о бессознательном, то мы увидим, что все аспекты проявлений бессознательного сводятся к четырем следующим проблемам:

- а) передачи опыта из поколения в поколение и функции этого опыта в социально-типическом поведении личности как члена той или иной обшности;
- б) мотивационной детерминации поведения личности;
- в) непроизвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов деятельности субъекта;
- г) поиска диапазона чувствительности органов чувств.

На основании анализа этих проблем можно выделить четыре особых класса проявлений бессознательного:

- а) надындивидуальные надсознательные явления;
- неосознаваемые побудители поведения личности (неосознаваемые мотивы и смысловые установки);
- в) неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операциональные установки и стереотипы);
- r) неосознаваемые резервы органов чувств (подпороговые субсенсорные раздражители).

Далее выделим направления, в которых шло исследование этих классов неосознаваемых явлений, дадим краткое описание основных особенностей каждого класса и покажем, как в каждом из этих классов проявляется основная черта бессознательного - слитность субъекта и мира в неосознаваемом психическом отражении.

І. НАДЫНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАЛСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Начнем с описания надындивидуальных подсознательных явлений, поскольку, во-первых, эти явления всегда были таинственны и служили почвой для мифологических построений; во-вторых, миенно на примере этих явлений наибонее реальефно открывается генезис сферы бессознательного в целом.

Реальный факт существования класса надсознательных надындивидуальных явлений предстает в разных ипостасях во всех направлениях, затрагивающих проблему передачи опыта человечества из поколения в поколение или пересекаюшуюся с ней проблему дискретности - непрерывности сознания.

Для решения этой фундаментальной проблемы привлекались такие понятия, как "врожденные идеи" (Р. Декарт), "архетипы коллективного бессознательного" (К. Юлн), "космическое бессознательное" (С. Одаухи), "космическое сознание" (Э. Фромм), "бессознательное как речь Другого" (Ж. Лакан), "коллективные представления" (Э. Дюргейм, Л. Леви-Брюль) и "бессознательные структуры" (К. Леви-Стросс, М. Фуко).

Иной ход для решения этой проблемы предлагается в исследованиях В.И. Вернадского. Если все указанные авторы в качестве точки отсчета избирают отдельного индивида, то В.И. Вернадский видит источник появления нового пласта
реальности в коллективной бессознательной работе человечества. Он называет
этот пласт реальности ноосферой. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние - в ноосферу, отмечает В.И. Верналский.

Вопросы о природе надындивидуальных надсознательных явлений остаются открытыми. Как проникнуть в эти надиндивидуальные бессознательные структуры? Каково их происхождение? В большинстве случаев ответ на эти вопросы близок к их сказочному решению в "Синей птице" Мориса Метерлинка. В этой волшебной сказке добрая фея дарит детям чудодейственный адмаз. Стоит динь повернуть этот алмаз, и люди начинают видеть скрытые души вещей. Как и в любой настоящей сказке, здесь есть большая правда. Окружающие людей предметы человеческой культуры лействительно имеют душу. Эта душа - поде значений. существующих в форме схем действия, ролей, понятий, ритуалов, перемоний, различных социальных символов, норм, социальных образцов поведения. Надсознательные явления представляют собой усвоенные субъектом образцы типичного для данной общности поведения и познания, влияние которых актуально не осознается субъектом и не контролируется им. Эти образцы (например. этнические стереотипы), усваиваясь через механизмы социализации (подражание и идентификация), определяют особенности поведения субъекта именно как представителя данной социальной общности, т.е. социально-типические особенности поведения, в проявлении которых субъект и группа выступают как одно неразрывное целое.

Таким образом, идеи о потоке сознания, об архетипах коллективного бессознательного ит л. имеют вполне земную основу. За всеми этими представлениями стоит реальный факт существования надындивидуального надсознательного, имеющего четко прослеживаемый социальный генезис.

II. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ПОБУДИТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ МОТИВЫ И СМЫСЛОВЫЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ)

Неосознаваемые побудители деятельности личности всегда были центральным предметом исследования в традиционном психоанализе. Они принимают
участие в регуляции деятельности, выступая в виде смысловых установок. Не пересказывая здесь представлений об иерархической природе установок как межанизмов стабилизации, "цементирования" деятельности личности, напомним,
что в соответствии со структурными единицами деятельности (деятельность,
действие, операция) выделяются уровни смысловых, целевых и операционных
установок, а также уровень психофизических механизмов установки (Асмолов,
1979). Общая функция установок любого уровня характеризуется тремя следукошими моментами:

- а) установка определяет устойчивый целенаправленный характер протекания деятельности и выступает как механизм стабилизации деятельности личности, позволяющий сохранить ее направленность в непрерывно изменяющихся ситуациях;
- установка освобождает субъекта от необходимости принимать решения и произвольно контролировать протекание деятельности в стандартных, ранее встречавшихся ситуациях;
- в) фиксированная установка может выступать в качестве фактора, обусловливающего инерционность, косность, затрудняющего приспособление к новым ситуациям.

Таковы основные особенности функции установок любого уровня в регуляции деятельности. Что же касается специфических проявлений смысловых, целевых и операционных установок, то они определяются тем, какое содержание - личностный смысл или значение - выражает установка в деятельности субъекта. И здесь еще раз хочется выделить одно положение, без которого мы будем постоянно путаться при рассмотрении в одной связке категорий "установка" и "бессознательное", "установка" и "сознание", "установка" и "деятельность". Для более явного выявления связи между этими категориями необходимо помнить введенное в лингвистике различение: план содержания и план выражения. Установка как готовность к реагированию есть своего рода носитель, форма выражения того или иного содержания в деятельности субъекта. Если фактор, приводящий к актуализации установки, осознается субъектом, то установка, соответственно, выражает в деятельности это осознаваемое содержание. В тех случаях, когда какой-либо объективный фактор деятельности, (например, мотив) не осознается, то актуализируемая им смысловая установка выражает в деятельности неосознаваемое содержание, в случае смысловой установки - вытесняемый субъектом личностный смысл происходящих событий.

Итак, ко второму классу проявлений бессознательного относятся неосознаваемые мотивы и смысловые установки - побуждения и нереализованные предрасположенности к действиям, детерминируемые тем желаемым булущим, ради которого осуществляется деятельность и в свете которого различные поступки и события приобретают личностный смысл. О существования этого класса явлений стало известно благодаря исследованиям отсроченного посттинитотичеСКОГО ВНУШЕНИЯ, ПРИВОЛЯЩЕГО К ВЫПОЛНЕНИЮ ЛЕЙСТВИЯ, ИМПУЛЬС КОТОРОГО НЕ ИЗвестен самому совершившему это действие после выхода из гипнотического со-CTORUME DE ADREVA HOADGULE EDANUM DICHADITO ADRIM OTHICLIPS ANCE VAN DAZавоение сознания, симптомы отчужаения частей собственного теля, выполняемых в сомнамбулическом состоянии лействий при истерии, определяемые "отшепленными" от сознания личности побужлениями. Эти явления были обозначены термином "полсознательное" (П. Жане). Впоследствии для объяснения TONDO ALL STAY GRACHING 2 STEWN AND HOLDING DESCRIPTION OF THE HOLDING DESC ных структур амчности в пелом основателем психоанализа З. Фрейлом было вве-A PHOLOGRAPH PROCESS AND A PRO ное бессознательное". Пол бессознательным понимались нереализованные влечения, которые из- за их конфаикта с социальными запросами общества не допускались в сознание или изгонялись, отчужлались из него с помошью такого зашитного мечанизма псичики как вытеснение. Вытесненные из сознания личности, влечения образуют сферу бессознательного - аффективные комплексы. активно возлействующие на жизнь личности и проявляющиеся порой в непрямых симводических формах (юморе, сновидениях, забывании имен и намерений. обмодвках и т.п.). Существенная черта динамических проявлений бессознательного состоит в том, что осознание личностью причинной связи нереализован-НЫХ ВУБЛЕНИЙ С ПРИВБУШИМИ К ИХ ВОЗНИКНОВЕНИИ В ПРОШУОМ ТРЭВМЭТИЛЕСКИМИ событиями не всегда приводит к исчезновению переживаний, обусловленных этими влечениями (например, страхов), так как узнанное субъектом воспринимается им как нечто безаичное, чужаое, происходящее "не с ним". Эффекты бессознательного в поведении устраняются только в том случае, если вызвавшие их события переживаются личностью совместно с другим человеком (например. в психоаналитическом сеансе) или с другими людьми (групповая психиатрия). а не только узнаются ею. Особо важное значение для понимания этого класса проявлений бессознательного и приемов его перестройки имеют феномены установления эмоциональной интеграции, психологического слияния взаимолействующих людей в одно целое. К этим феноменам относятся эмпатия, первичная идентификация (неосознанное эмоциональное отождествление с притягательным объектом, например, младенца с матерью), трансфер (возникающий в психоаналитическом сеансе перенос нереализованных стремлений пациента на психоаналитика. обеспечивающий их эмоциональное единение, некритическое принятие ими друг друга), проекция (неосознанное наделение другого человека присущими данной личности желаемыми или нежелаемыми свойствами).

Аичностные смыслы, "значения-для-меня" тех или иных событий мира составляет сердцевину описываемого класса неосознаваемых мотивов и смысловых установок.

Явления этого класса не могут быть преобразованы под влиянием тех или иных односторонних вербальных воздействий. Это положение, основанное на целом врас фактов, подводит нас к специфике смысловых образований, определяющей методические пути их исследования. Эта особенность состоит в том, что изменение смысловых образований всегда опосредствовано изменением самой деятельности субъекта. Учет этой особенности изчностных смыслов и смысловых установок позволяет пролить свет на метаморфозы в развитии психоанализа, объяснение которых выступает как своего рода проверка предлагаемой нами класской капии.

Во-первых, неэффективность психотерапии, ограничивающейся чисто вербальными односторонними воздействиями, т.е. той терапии, которую столь ядовито высмеял еще 3. Фрейд в своей работе "О "диком" психоанализе" (1923), как раз и объясняется тем, что по самой своей природе смысловые образования нечувствительны к вербальным воздействиям, несущим чисто информативную нагрузку. Не случайно поэтому Жак Лакан, выдвинувший лозунг "Назад к Фрейду", перекликается в этом пункте с основоположником психоанализа, замечая: "Функция языка заключается не в информации, а в побуждении. Именно ответа Другого я ищу в речи. Именно мой вопрос констатирует меня как субъекта" (Ж. Лакан). Иными словами, только общение, выражающее смыслообразующие мотивы и служащее основой для эмоциональной идентификации с Другим, может изменить личностные смыслы пациента. Во-вторых, в неэффективности влияния указанного типа вербальных воздействий на сферу смыслов - воздействий, которыми часто подменяется диалог между психоаналитиком и пациентом, следует искать причину явно наметившегося сдвига от индивидуальных к групповым методам психотерапии, как, например, психодрама, Т-группы и т.п., в которых реконструрируются личностные смыслы и смысловые установки.

Подытоживая представления о природе неосознаваемых побудителей деятельности, перечислим основные особенности динамических смысловых систем личности:

- 1) производность от деятельности субъекта и его социальных позиций;
- интенциональность (ориентированность на предмет или объект: смысл всегда кому-то или чему-то адресован, смысл всегда есть смысл чего-то);
- независимость от осознания (личностный смыса может быть осознан субъектом, но самого по себе осознания недостаточно для изменения дичностного смысаа);
- невозможность воплощения в значениях (Л.С. Выготский, М.М. Бахтин) и неформализуемость;
- феноменально смысловые образования проявляются в виде кажущихся случайными, немотивированными "отклонений" поведения от нимативного для данной ситуации (например, обмольки, лишние движения и т.п. (Асмолов, 1979).

III. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ СПОСОБОВ ВЫПОЛНЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И СТЕРЕОТИПЫ)

В основе регуляции непроизвольных и автоматизированных (актуально неконтролируемых) способов выполнения операций лежат неосознаваемые операциональные установки и стереотипы. Они возникают в процессе решения различных задач (перцептивных, мнемических, моторных, мыслительных) и детерминируются неосознанно предлосхищаемым образом событий и способов действий, опирающимся на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях. Ди-

намика возникновения этих актуально-неосознаваемых форм психического отражения красочно описывалась в психологии сознания как переход содержаний сознания из фокуса сознания на его периферию (В. Вунат). Аля обозначения различных стадий этих проявлений бессознательного в регуляции деятельности привлекались два круга терминов, фиксирующих либо неосознаваемую подготовку субъекта к действию, с опорой на прошлый опыт - "бессознательные умозаключения" (Г. Гельмгольц), "преперцепция" (В. Джемс), "предсознательное" (3. Фрейд), "гипотеза" (Дж. Брунер), "вероятностное прогнозирование" (И.М. Фейгенберг) и т.п.; либо непроизвольный контроль уже развертывающейся активности субъекта - "динамический стереотип" (И.П. Павлов), "схема" (Ф.Т. Бартлетт), "акцептор действия" (П.К. Анохин), и т.п. Функция этих проявлений бессознательного в том, что субъект может одновременно перерабатывать информацию о действительности на нескольких различных уровнях и сразу совершать целый ряд актов поведения (запоминать и отыскивать решения задач, не ставя осознанных целей решать и запоминать; обходить препятствия, не утруждая себя отчетом об их существовании; "делать семь дел сразу" и т.п.).

Одна из первых полыток вывести общий закон, которому подчиняются неосознаваемые явления этого класса, принадлежит Клапареау. Он сформулировал закон осознания, суть которого в следующем: чем больше мы пользуемся тем или иным действием, тем меньше мы его осознаем. Но стоят на пути привычного действия появиться препятствию, как возникает потребность в осознании. Однако закон Клапареда описывает лишь феноменальную динамику этого класса явлений.

В генетическом аспекте изучение "предсознательного" было неразрывно связано с анализом проблемы развития произвольной регуляции высших форм поведения человека. "Произвольность в деятельности какой-либо функции является всегда оборотной стороной ее осознания", - писал один из идейных вдохновителей и родоначальников этого направления Л.С. Выготский. В свете изложенного выше понимания бессознательного как формы психического отражения, в которой субъект и мир представляют одно нераздельное целое, особенно очевидной становится необходимость жесткого увязывания Л.С. Выготским между собой произвольности и осознанности деятельности человека. Ведь произвольность всегда предполагает контроль со стороны субъекта за своим поведением при наличии намерения осуществить желаемый им акт поведения, подчинить то или иное поведение, например, запоминание своей власти. Но для такого контроля как минимум необходимо бросить взгляд на свое собственное поведение со стороны, противопоставить себя окружающей действительности. Там, где нет произвольного контроля, нет противопоставления себя миру, а тем самым нет осознания.

В функциональном плане изучение неосознаваемых регуляторов деятельности вписывается в проблему автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности. В основе осознания, таким образом, лежит изменение места предметного содержания в структуре деятельности, являющееся следствием процесса автоматизации – деавтоматизации деятельности. Это положение отличается от представлений о динамике осознания в интроспективной психологии сознания. Если интроспективной психологии сознания. Если интроспективный психолог ищет причину изменения состояний сознания внутри самого сознания, то для представителей деятельного подлаги у причину образовати в састоя в том образовати с за састоя с за том образовати в састоя с за том образовати с за с за

мом движении деятельности, ее развитии, ее автоматизации и дезавтоматизации. В ходе процесса автоматизации происходит стирание грави между субъектом и объектом, растворение субъекта в деятельности. Н.А. Бернштейн приводит яркий пример такого слияния субъекта с миром, происходящего в проессе автоматизации деятельности, обращаясь к фрагменту из произведения Л.Н. Толстого "Анна Каренция": "Чем далее Левин косил, тем чаще и чаще чувствовал он минуты забытья, при котором уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой... полное жизни тело, и как бы по волшебству, без мысли о ней, работа, правильная и отчетливая, делалась сама собой".

В основе функционирования автоматизированных форм поведения лежат операциональные установки и стереотипы. Проведенные с позиции представлений об уровневой природе установки как механизма стабидизации деятельности исследования позволили экспериментально выявить две существенно отличающиеся неосознаваемые формы регуляции автоматизированного поведения так, было показано, что традиционно изучавшиеся классическим методом фиксации установки Д.Н. Узнадзе относятся к установкам на целевой признак, (т.е. признак сравниваемых установочных объектов, который с самого начала осознается субъектом). Установки на целевой признак лежат в основе "сознательных операций" (А.Н. Леонтьев), которые возникли вследствие автоматизации действия. Такого рода сознательные операции возникают в ходе неоднократных повторений действия, например, при обучении вождению автомобиля или письму. Содержание цели действия, вначале осознаваемое субъектом, занимает в строении другого более сложного действия место условия его выполнения. Вследствие изменения места цели в структуре деятельности, сдвига цели на условие, происшедшего при автоматизации действия, данное действие превращается в сознательную операцию. По своему происхождению сознательные операции появляются вследствие автоматизации действий: по способу регуляции сознательные операции - потенциально произвольно контролируемые; по уровню отражения - вторично неосознаваемые (при появлении затруднений в ходе их осуществления они могут сознаваться); по динамике протекания - гибки, лабильны. Таковы черты сознательных операций. Установки на целевой признак, (в терминологии Д.Н. Узнадзе) исходно принадлежат плану объективации. Иными словами, основной массив экспериментальных исследований школы А.Н. Узнадзе посвящен изучению особенностей именно этих лишь вторично неосознаваемых установок на целевой признак.

От вторично неосознаваемых установок на целевой признак принципиально отличаются операциональные установки на неосознаваемый признак (иногда поворят "иррелевантный признак"). Эти установки регулируют приспособительные операции. Приспособительные операции относятся к реактивному мерарически самому низкому уровню реагирования в структуре деятельности субъета. Они возникают в процессе непроизвольного подражания или прилаживания, подгонки к предметным условиям ситуации. Приспособительные операции зарактеризуются тремя следующими сообствами: по способу регуляции приспособительные операции - непроизвольны; по уровню отражения - изначально месознаваемы; по динамике протекания - косны, ригидны. В экспериментальном исследовании М.Б. Михалевской было выявлено, что установки, выработанные на побочный неосознаваемый признак, существенно отличаются от установки. Ока-

залось, что установочный эффект, обусловленный установкой на неосознаваемый признак, гораздо сильнее и потому дольше сохраняется, чем эффект установки на целевой признак. Полученные данные представляют троякий интерес. Во-первых, четко выявлена зависимость основных свойств установки от места установочного признака в структуре деятельности. Во-вторых, показано, что за установками на целевой признак, изучаемыми в школе Д.Н. Узнадзе, стоит иная психологическая реальность, чем за установками на операциональный иррелевантный признак. Эти факты подтверждают положение о существовании разных установок по параметру степени осознанности того признака, на который они фиксируются, и переводят в плоскость экспериментальных исследований старую дискуссию о неосознаваемых и осознаваемых установках. В-третьих, в будущем выделенные установочные эффекты могут быть использованы в качестве лакмусовой бумажки того, с каким уровнем деятельности в экспериментах мы имеем дело - с действием, автоматизировавшимся в сознательную операцию, т.е. с пластом активной регуляции в деятельности, или же с приспособительной операцией, выражающей пласт реактивной адаптации субъекта к действительности.

IV. НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ РЕЗЕРВЫ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

При анализе проблемы определения порогов ощущения, диапазона чувствительности человека к разным внешним раздражителям были обнаружены факты воздействия на поведение таких раздражителей, о которых он не мог дать отчета. (И.С. Сеченов, Г.Т. Фехнер). Для обозначения разных аспектов этих субъективно неосознаваемых подпороговых раздражителей предложены понятия "предвнимания" (У. Найс-сер) и "субсенсорная область" (Г.В. Гершуни). Процессы "предвнимания" связаны с переработкой информации за пределами произвольно контролируемой деятельности, которая, непосредственно не затрагивая цели и задачи субъекта, снабжает его полным неизбирательным отображением действительности, обеспечивая приспособительную реакцию на те или иные еще не распознанные изменения ситуации (например, так называемый феномен "шестого чувства" - что-то остановило, что-то заставило вздрогнуть и т.п.). Психофизиологической основой процессов предвнимания являются субсенсорные (подпороговые) раздражители. Изучение процессов предвнимания и субсенсорных раздражителей позволяет выявить резервные возможности органов чувств человека, зависящие от целей и смысла решаемых им задач. На примере анализа проявлений этого класса неосознаваемых психических процессов явно выступает адаптивная функция бессознательного.

* * *

Развитие представлений о природе бессознательного, специфике его проявлений, механизмах и функциях в регуляции поведения человека является необходимым условием создания целостной объективной картины психической жизни личности.

При анализе сферы бессознательного мы приходим к тому, что три пути к изучению психики человека вовсе не представляют собой трех параллельных прямых, которым не суждено пересечься в пространстве научного мышления современной психологической науки. Благодаря взаимопроникновению подходов, связанных с исследованием бессознательного, деятельности и установки, каждый из них в буквальном смысле слова обретает свое второе дыхание. Деятельностный подход, если он и дальше будет настороженно относиться к богатейшей феноменологии бессознательного, окажется не в состоянии объяснить многие факты, касающиеся закономерностей развития и функционирования мотивационно-смысловой сферы личности, познавательных процессов, различных автоматизированных видов поведения. Ведь старый образ, олицетворяющий сознание с верхушкой айсберга в процессе психической регуляции деятельности, - это не только красивая метафора. Он наглядно отражает реальное соотношение осознаваемого и неосознаваемого уровней психики в регуляции деятельности, в жизни человека. Вот поэтому исследования познания, личности, динамики межличностных отношений, оставляющие за бортом неосознаваемый уровень регуляции деятельности, являются однобокими. В свою очередь, только выявив функциональное значение бессознательного и установки в процессе регуляции деятельности, мы сможем глубже проникнуть в природу этих проявлений психической реальности. Именно анализируя бессознательное и его функцию в деятельности человека, мы приходим к позитивной характеристике бессознательного как уровня психического отражения, в котором субъект и мир представлены как одно неразделимое целое. Установка же выступает как форма выражения в деятельности человека того или иного содержания - личностного смысла или значения, которое может быть как осознанным, так и неосознанным. Функция установки в регуляции деятельности - это обеспечение целенаправленного и устойчивого характера протекания деятельности человека.

Анализ бессознательного позволяет, во-первых, наметить те проблемы и направления, в русле которых изучались явления выделенных нами классов (проблема передачи и усвоения опыта; проблема детерминации деятельности; проблемы произвольной регуляции высших форм поведения и автоматизации различных видов внешней и внутренней деятельности; проблема поиска диапазона чувствительности), во-вторых, выделить в пестром потоке этих явлений четыре качественно различных класса (надындивидуальные надсознательные явления, неосознаваемые мотивы и смысловые установки личности, неосознаваемые резервы органов чувств) и обозначить генезис и функцию явлений разных классов в деятельности субъекта. Необходимость содержательной характеристики бессознательного как формы психического, в которой субъект и мир представляют одно неразрывное целое, а также подобной классификации неосознаваемых явлений состоит в том, что часто встречающееся противопоставление всех трех разнородных явлений уживается с полной утратой их специфики, что очень затрудняет продвижение на пути их изучения. И только выявление общих черт и специфики этих утаенных планов психики позволит найти адекватные методы их исследования, раскрыть их функцию в регуляции деятельности, дополнить и изменить существующую картину представлений о сознании и личности.

п.в. симонов

О ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЯХ НЕОСОЗНАВАЕМОГО ПСИХИЧЕСКОГО: ПОД- И СВЕРХСОЗНАНИИ

Говорить о неосознаваемом психическом бессмысленно и непродуктивно без четкого определения термина "сознание". Из всех существующих определения наиболее строгим и непротиворечивым нам представляется мысль о сознании как знании, которое может быть передано, может стать достоянием других членов сообщества. Со-знание - это знание вместе с кем-то (ср. с со-чувствованием, со-переживанием, со-трудничеством и т.п.). Осознать - значит приобрести по тенциальную возможность научить, передать свои знания другому. Согласно современным данным, для осознания внешнего стимула необходима связь гностических зон новой коры большого мозта с моторной речевой областью в левом (у правшей) полушарии.

Такая дефиниция позволяет провести грань между осознаваемым и неосознаваемым в деятельности мозга. Если человек перечисляет детали предъявляемой ему сожетной картинки, а спустя определенное время называет фрагменты, отсутствовавшие в первом отчете, мы имеем все основания говорить о наличии неосознаваемого восприятия и непроизвольной памяти, то есть о следах, позднее проникших в сферу сознавия.

В обширной сфере неосознаваемого психического можно различать две группы явлений. К первой принадлежит все то, что было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях. К этой группе прежде всего относятся хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки. Схода же следует отнести и вытесненные из сферы сознавия мотивационные конфликты, суть которых становится ясна, например, благодаря специальным усилиям врача-психотерапевта. За этим классом явлений целесообразно сохранить традиционный термин "Подсознание".

В сферу Подсознания входят и глубоко усвоенные субъектом социальные нормы, регулирующая функция которых переживается как "голос совести", "зов

сердца", "веление долга". Важно подчеркнуть, что интериоризация внешних по происхождению социальных норм придает им трезивлайную императивность, которой они не обладала до момента интериоризации. Межличностное происхождение совести закреплено в самом названии феномена: со-весть, то есть весть, в которой незримо присутствует некто иной или иные, помимо меня, посященные в содержание данной "вести". Нетрудно видеть, что "Сверх-Я" зигмунда Фрейда, безусловно, отличное от биологических влечений, целиком принадлежит сфере подсознания и не может рассматриваться как аналог сверхсознания, о котором подробнее речь пойдет ниже.

К Подсознанию мы относим и те проявления интуиции, которые не связаны с порождением новой информации, но предполагают лишь использование ранее накопленного опыта. Когда знаментый клиницист, мельком взглянув на больного, ставит правильный диагноз, он часто сам не может объяснить, какие именно внешние признаки болеани побудили его примит именно к такому заключению. В данном случае он ничем не отличается от пианиста, давно забывшего, как именно следует действовать тем или иным пальцем. Заключением врача, как и действиями пианиста, руководит их подсознание.

Подчеркнем, что ранее осознававшийся жизненный опыт, будь то система двигательных навыков, знание симптомов тех или иных заболеваний, нормы поведения, присущие данной социальной среде и т.д., представляют отнюдь не единственный канал, наполняющий подсознание конкретным, внешним по своему происхождению содержанием. Имеется и прямой путь, минующий рациональный контроль сознания. Это - механизмы имитационного поведения. Именно прямое воздействие на подсознание приводит к тому, что пример вэрослых и сверстников из окружения ребенка нереако формирует его личность в большей мере, чем адресующиеся к интеллекту разъяснения полезности и социальной ценности того или иного поступка.

В процессе эволюции Подсознание возникло как средство защиты сознания от лишней работы и непереносимых нагрузок. Идет ли речь о двигательных навыках, которые с успехом могут реализоваться без вмешательства сознания, или о тягостном для субъекта мотивационном конфликте, подсознание освобождает сознание от психологических перегрузок.

Подсознание всегда стоит на страже добытого и хорошо усвоенного. Консерватизм Подсознания - одна из его наиболее характерных черт. Благодаря Подсознанию индивидуально усвоенное (условно рефлекторное) приобретает императивность и жесткость, присущие безусловным рефлексам. Отсюда возникает иллюзия врожденности инскоторых проявлений неосознаваемого, например, иллюзия врожденности инскоторых проявлений неосознаваемого, напритем имитации задолго до того, когда он осознает эти правила на школьных уроках родного языка. Сходство Подсознательного с врожденным получило отражение даже в житейском лексиконе, породив метаформ типа "классовый инстинкт", "голос крови" и тому подобные образные выражения.

Перейдем к анализу второй разновидности неосознаваемого психического, которую вслед за К.С. Станиславским можно назвать Сверхсознаниям но ин Надсознанием. В отличие от подсознания, деятельность Сверхсознания не сознается ни при каких условиях: на суд сознания подаются только результаты этой деятельности. К сферс Сверхсознания относятся первоначальные этапы всякого творчества - порождение гипотез, логадок, творческих озарений. Если Подсознание защищает сознание от излишней работы и психологических перегрузок, то неосознаваемость творческой интунции есть защита от преждевременного вмешательства сознания, от давления ранее накопленного опыта. Без этой защиты здравый смысь, очевидность непосредственно наблюдаемого и догматизм прочно усвоенных норм душили бы "падкого утенка" смедой гипотезы в момент его зарождения, не дав ему превратиться в прекрасного лебедя будущих открытий. Поэтому за дискурсивным мышлением оставлена функция вторичного отбора порождаемых сверхсознанием гипотез сперва путем их логической оценки, а затем в горинде экспериментальной практики.

Функции Сверхсознания и сознания в процессе творчества сопоставимы с функциями изменчивости и отбора в процессе "творчества природы" - биологической, а затем и культурной зволюции. Сразу же заметим, что Сверхсознание не сводится к одному липь порождению "психических мутаций", то есть к чисто случайному рекомбинированию храявщикся в памяти следов. По неведомым нам законам Сверхсознание производит первичный отбор возникающих рекомбинаций и предъявляет сознанию только те из них, которым присуща известная вероятность их соответствия реальной действительности. Вот почему даже самые "безумные идеи" ученого принципиально отличны от патологического безумив душевнобольных и фантасмогории сновидений.

Современная нейрофизиология располагает знанием ряда механизмов, способных привести к замыканию временных нервных связей между следами (энграммами) ранее полученных впечатлений, чье соответствие или несоответствие действительности выясняется лишь вторично путем сопоставления с объективной реальностью. Среди этих механизмов, особое место занимает принцип доминанты А.А. Ухтомского. Сейчас же можно считать установленным, что Сверхсознание (интуиция) всегда "работает" на удовлетворение потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данного субъекта. Так, карьерист, жаждущий социального успеха, может быть гениален в построении своей карьеры, но вряд ли подарит миру научные открытия и художественные шедевры. Здесь не следует впадать в дурную "одномерность". Великий художник (или ученый) может быть достаточно честолюбив, скуп, играть на бегах и в карты. Он - человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Важно лишь, чтобы в определенные моменты бескорыстия потребность познания истины и правды безраздельно овладевала всем его существом. Именно в эти моменты доминирующая потребность включит механизмы Сверхсознания и приведет к результатам, недостижимым никаким иным рациональным способом.

Подобно тому, как имитационное поведение способно адресоваться к Подсознанию, минуя контроль рационального мышления, важнейштим средством тренировки и обогащения Сверхсознания является детская игра. Будучи свободна от достижения утилитарных, а до определенного возраста и социально-престижных целей, игра обладает самоцельностью и самоценностью, которые направляют ее на решение бескорыстно-творческих задач. Детская игра мотивируется почти исключительно потребностями познания. Именно потребность познания питает деятельность детского Сверхсознания, делая каждого ребенка фантазером, первооткрывателем и творцом. По мере же взросления потребности познания все чаще приходится конкурировать с витальными и социальными потребностями, а сверхсознанию - отвлекаться на обслуживание широкого спектра самых разнообразных мотиваций. Не случайно подлинно великие умы характеризуются сохранением черт детскости, что было замечено давно и не один раз.

Е А. Фейнберг предложил различать интуицию-догадку (порождение гипотез) от интуиции - прямого усмотрения истины, не требующего формально-догических доказательств. Мы полагаем, что в генезе двух разновидностей интуиции есть нечто принципиально общее, а именно: дефицит информации, необходимой и достаточной для логически безупречного заключения. В первом случае (интуиция-догадка) этой информации еще нет, ее предстоит найти в ходе проверки возникшего предположения. В случае с интуицией - прямым усмотрением истины получить такую информации вообще неюзможно. Для нас важно, что пример с интуицией - усмотрение истины - еще раз оправдывает термин "Сверхсознание". В самом деле, дискурсивное мышление поставляет материал для принятия решения, предлагает сознанию реестр формализуемых доказательств, но окончательное решение принимается на уровне интуиции и формализовано быть не может.

Материал для своей рекомбинационной деятельности Сверхсознание черпает и в осознаваемом опыте, и в резервах Подсознания. Тем не менее в Сверх-сознания содержится нечто именно "Сверх", то есть нечто больше, чем сфера собственно сознания. Это "Сверх" - принципиально новая информация, не вытекающая из ранее по-лученных впечатлений. Силой, одновременно инициирующей подрельность Сверхсознания и канализирующей содержательную сторону этой деятельности, является доминирующая потребность. Экспериментально доказано, что при экспозиции субъекту неопределенных эрительных стимулов количество ассоциаций этих стимулов с ищией возрастает по мере усиления голода. Этот эксперимент может служить примером мотивационных ограничений, изначально наложенных на деятельность Сверхсознания. Подчеркием еще раз, что интуиция - отнюдь не калейдоскоп, не игра случайности, она ограничена качеством доминирующей потребности и объемом накопленных знаний. Никакое "тенерирование идей" не привело бы к открытию периодического закона без обширнейших знаний сбойств химических элементов.

Если позитивная функция Сверхсознания заключается в порождении нового, то его негативная функция состоит в преодолении существующих и общепринятых норм. Примером негативной функции Сверхсознания может служить чувство юмора и смеха. Смех возникает непроизвольно и не требует логического уяснения субъектом, почему смешное - смешно. Будучи положительной эмоцией, смех возникает по универсальной схеме рассогласования между прогнозом и вновь полученной информацией. Но в случае смеха поступившая информация не просто превосходит существовавший ранее прогноз, а отменяет, перечеркивает его. Классический пример тому - структура любого анекдота, всегда состоящего из двух частей: ложного прогноза и отменяющей его концовки. Мотивационную основу юмора составляют потребности познания и экономии сил. Остроумный ход ищущей мысли не только приближает к истине, но и ведет к решению логической задачи неожиданно коротким путем. В юморе всегда торжествует превосходство нового знания над несовершенством, громоздкостью и нелепостью устаревших норм. Присоединение к потребностям познания и экономии сил других побочных мотиваций - биологических и социальных - придает смеху множество доподнительных оттенков, делает его добродушным, здорадным, надменным, умным, глупым, беззаботным и т.д., превращая тем самым смех в "самую верную пробу луш" (Ф.М. Достоевский).

Частичное осознание человеком движущих им потребностей снимает мнимое противоречие между объективной детерминированностью человеческого поведения и субъективно ощущаемой свободой выбора. Эту диалектику поведения проницательно разглядел Борух Спиноза. "Аюди лишь по той причине считают себя свободными, - писал Спиноза, - что свои поступки они сознают, а причин, их вызаваших, не знают". Поведение человека детерминировано его наследственными задатками и условиями окружающей среды, в первую очередь - условиями социального воспитания. Науке не известен третий фактор, способный повлиять на выбор совершаемого поступка. Вместе с тем этика и принцип лучной ответственности базируются на безусловном признании абсолютно свободной воли. Отказ от признания свободы выбора означал бы крушение любой этической системы и навкственности.

Поэтому эволюция породила иддюзию свободы, упрятав от сознания человека авижущие им мотивы. Субъективно ошущаемая свобода и вытекающая из нее личная ответственность включают механизмы анализа последствий поступка, что ледает окончательный выбор более обоснованным. Ледо в том, что практическая мотивационная доминанта, непосредственно определяющая поступок ("вектор повеления", по А.А. Ухтомскому), представляет интеграл главенствующей потребности, устойчиво доминирующей в иерархии мотивов данной дичности (доминанта жизни, иди "Сверх-сверхзадача", по К.С. Станисдавскому), наряду с той или иной ситуативной доминантой, актуализированной экстренно сложившейся обстановкой. Например, реальная опасность для жизни актуализирует ситуативную доминанту - потребность самосохранения, удовлетворение которой нереако оказывается в конфанкте с аоминантой жизни, социально летерминированной потребностью соответствовать определенным этическим эталонам. Сознание (с участием Полсознания) извлечет из памяти и мысленно "проиграет" последствия тех или иных действий субъекта, скажем, последствия нарушения им своего долга, предательства и т.п. Кроме того, в борьбу мотивов окажутся вовлеченными механизмы воли-потребности преодоления преграды на пути к достижению главенствующей цели, причем преградой в данном случае окажется инстинкт самосохранения. Каждая из этих потребностей породит свой ряд эмоций, конкуренция которых будет переживаться субъектом как борьба между естественным для человека страхом и чувством долга, стыдом при мысли о возможном малодушии и т.п. Результатом полобной конкуренции мотивов и явится либо бегство, либо стойкость и мужество. В данном примере нам важно подчеркнуть, что мысль о дичной ответственности и дичной свободе выбора тормозит импульсивные действия под влиянием сиюминутно сложившейся обстановки, дает выигрыш во времени для оценки возможных последствий этого действия и тем самым ведет к усилению главенствующей потребности, которая оказывается способной противостоять ситуативной доминанте страха.

Таким образом, не Сознание само по себе и не воля сама по себе определяют тот или иной поступок, а их способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих потребностей. Это усиление реализуется через меканизмы эмоций, которые, зависят не только от величины потребности, но и от оценки вероятности (возможности) ее удовлетворения. Ставшая доминирующей потребность (практическая доминанта) направит деятельность интупции (Сверхсознания) на поиск оптимального творческого решения проблемы, на поиск такого выхода из сложившейся ситуации, который соответствовал бы удовлетворению этой доминирующей потребности. Тщательный анализ военных мемуаров выдающихся летчиков показывает, что виртуозное боевое мастерство с принятием митовенных и неожиданных для противника решений человек провялья при равной степени профессиональной квалификации (запасе навыков) не в состоянии страха (потребность самосохранения) и не в состоянии ярости (потребность сокрушить врага любой ценой), а в эмоционально положительном состоянии боевого азарта, своеобразной "игры с противником", то есть при наличии компонентов идеальной потребности творчески-познавательного характера, сколько бы странной она ни казалась в условиях борьбы не на жизнь, а на смерть.

Если главенствующая потребность (доминанта жизни) настолько сильна, что способна автоматически подавить ситуативные доминанты, то она сразу же момойлизует резервы подсознания и направляет деятельность Сверхсознания на свое удовлетворение. Борьба мотивов здесь фактически отсутствует, а главенствующая потребность трансформируется в практическую доминанту. Примерами подобной трансформации могут служить случаи самопожертвования, когда человек, не задумываясь, бросается на помощь другому. Мы встречаемся здесь с доминированием потребностей "для других", будь то "биологический" роди гельский инстинкт или альтруизм более сложного социального происхожления.

Формирование практической доминанты может оказаться тяжкой задачей для субъекта, когда главенствующая и ситуативная доминанты примерно равны по силе и находятся в конфликтных отношениях. С другой стороны, отсутствие практической доминанты (у безработного, пенсионера) переживается отдельными личностями исключителью отжижене печально отсутствие главенными личностями исключителью тижаний, когда человек становится игрушкой ситуативных доминант. "Отклоняющееся" поведение подростков, алкоголизм и наркомания дают много примеров такого рода. Подчеркнем, что человек, как правило, не осознает подлинной причивы тягостного для него состояния, давая самые разнообразные объяснения своему бесцельному и пустому времяпрепровождению.

Выше мы сравнили взаимодействие сознания и сверхсознания с ролью отбора и непредсказуемой изменчивости в процессе биологической волюции. Подчержием, что речь идет не об аналогии, но об универсальном принципе всякого развития, который проявляется и в "творчестве природы" (происхождении новых видов), и в творческой деятельности индивидуального субъекта, и в эволюции культуры. Здесь нелепо говорить о каком-то "перенесении" биологических законов на социально детерминированную психику или на историю человеческому цивилизации в целом. Наука не раз встречалась с подобного рода универсальными принципами. Достаточно вспомнить регуляторные функции обратной связи, которые обнаруживаются и в регуляции кровяного давления (даже в бискимческих процессах!), и в промышленном менеджменте. Это отнюдь не значит, что мы "перенесли" физиологические эксперименты на экономику или законы общественного развития на биологические объекты. Дело не в "переносе", а в универсальности фундаментальных правил теории управления.

То же самое мы встречаем и в динамике происхождения нового (где бы оно им возникало); в процессе филогенеза, в индивидуальном (научном, техническом, художественном) творчестве человека, в истории человеческой культуры. Возникновение нового с необходимостью предполагает наличие четырех обязательных компонентов:

- 1) эволюционирующую популяцию,
- 2) непредсказуемую изменчивость эволюционирующего материала,
- э) отоор
- 4) фиксацию (наследование в широком смысле) его результатов.
- В творчестве человека этим четырем компонентам соответствуют:
- Опыт субъекта, который включает присвоенный им опыт современников, равно как и опыт предшествующих поколений.
- Сверхсознание (интуиция), то есть трансформация и рекомбинация следов (энграмм) ранее полученных впечатлений.
- Сознание, подвергающее гипотезы (своеобразные "психические мутации") сначала логическому отбору, а затем экспериментальной, производственно-практической и общественно-практической проверке.
- 4. Закрепление результатов отбора в индивидуальной памяти субъекта и в культурном наследовании сменяющихся поколений.

В случае развития цивимазации вволюционирует культура в целом, однако новое (идея, открытие, изобретение, этическая норма и та.), первоначально возникает не в абстрактном межличностном и надличностном пространстве, а в мозге конкретного человека, первооткрывателя и творца. Это обстоятельство оместно сопоставить с тем фактом, что, хотя эволюционирующей единицей в биологии является популяция, отбор может действовать только через отдельных особей. Непредсказуемость открытия, его защищенность от вмешательства сознания и воли представляют необходимое условие развития, подобно тому, как непредсказуемость мутаций обязательна для биологической эволюции. Полная рациональность (формализуемость) и произвольность первоначальных этапов творчества сделали бы творчество невозможным и означали бы конец развития цивилизации.

Поясним сказанное примером. Допустим, что успеки генной инженерии и усовершенствованная система воспитания позволили нам формировать "идеальных людей". Но ведь они будут идеальны с точки зрения наших сегодняшних, исторически преходящих и неизбежно ограниченных представлений об этом идеале. Тем самым идеально запрограммированные люди могут оказаться крайне уязвимыми при встрече с будущим, которое потребует от них непредусмотренных нами качеств. К счастью, в области психофизиологии творчества мы встречаемся с одими из тех запретов природы, преодоление которых было бы нарушением законов этой природы, подобно скорости света в вакууме, закону сохранения энергии и принципу дополнительности. Поэтому все попытки формализации и моделирования творчества напоминают попытки создать вечный двигатель или одновременно определить импульс и положение электрона на орбите

Поскольку Сверхсознание питается материалом, накопленным Сознанием и частично зафиксированным в Подсознании, оно не может породить гипотезу,

совершенно "свободную" от этого опыта. В голове первобытного гения не могла родиться теория относительности или замысел Сикстинской мадонны. Гений нередко опережает свое время, но дистанция этого опережения ограничена. Человечество берется за решение только тех задач, к которым оно относительно подлотовлено. Здесь вновь мы встречаемся с непредсказуемой закономерностью "психических мутаций". Так, высшая нервная деятельность человека, ядром которой являются его витальные ("биологические"), социальные и идеальные (творчески-познавательные) потребности, становится, по выражению В И. Вернадского, великой планетарной и космической силой среди других природных сил.

Сверхсознание в гораздо большей мере, чем Сознание (не говоря уже о Подсознании), реагирует на сдвиги социального климата. В тот момент, когда сознанию все окружающее представляется незыблемым и устоявшимся на века, чувствительнейший сейсмограф сверхсознания уже регистрирует подземные толчки надвигающихся изменений. И появляются идеи, столь странные и неожиданные с точки зрения господствующих норм, что сознанию современников трудно примириться с их предсказующей правотой.

Мы закончим свой краткий очерк формулировкой нескольких итоговых положений:

1. Психика человека имеет трехуровневую структуру, включая в себя Сознание, Подсознание и Сверхсознание.

Сознание оперирует знанием, которое потенциально может быть передано другому, может стать достоянием других членов сообщества. Для осознания внешних стимулов или событий внутренней жизви субъекта необходимо участие речевых зон больших полушарий, как это показали многочисленные исследования функциональной асимметрии голояного мозга.

К сфере Подсознания относится все то, что было осознаваемым или может стать осознаваемым в определенных условиях. Это - хорошо автоматизированные навыки, глубоко усвоенные (интериоризованные) социальные нормы и мотивационные конфликты, тягостные для субъекта. Подсознание защищает Сознание от излишней работы и психологических перегрузок.

Деятельность Сверхсознання (творческой интуиции) обнаруживается 6 виде первоначальных этапов творчества, которые не контролируются Сознанием ни при каких условиях. Неосознаваемость этих этапов представляет защиту рождающихся гипотез ("психических мутаций") от консерватизма сознания, от двавсния ранее накопленного опыта. За сознанием остается функция отбора этих гипотез путем их догического анадиза и с помощью критерия практики в широком смысле слова. Нейрофизиологическую основу сверхсознания представляет трансформация и рекомбинация следов (энграмм), хранящихся в памяти субъекта, первичное замыкание новых временных связей, чье соответствие или несоответствие действительности выясивется лишь в далыейшем.

Сверхсознание всегда ориентировано на удовлетворение доминирующей потребности, конкретное содержание которой канализирует направление "психического мутагенеза". Таким образом, "психические мутации" изначально носят непредсказуемый, но неслучайный характер. Вторым канализирующим фактором является ранее на-

- копленный опыт субъекта, зафиксированный в его сознании и под-
- 3. Неполное осознание субъектом движущих им потребностей снимает мнимое противоречие между объективной детерминированностью поведения человека наследственными задатками, условиями воспитания, окружающей средой и субъективно ощущаемой им свободой выбора. Эта Идлозия Свободы является ценным приобретением, поскольку обеспечивает чувство личной ответственности, побуждающее всестороние анализировать и прогнозировать возможные последствия того или иного поступка. Мобилизация из регервов памати такого рода информации ведет к усилению потребности, устойчиво главенствующей в иерархии мотивов личности, благодаря чему обретается способность противостоять ситуативным доминантам (потребностим, экстренно актуализированным сложившейся обстановкой).
- 4. Взаимодействие Сверхсознания с Сознанием есть проявление на уровне творческой деятельности человека универсального принципа возникновения нового в процессе биологической и культурной эволюции. Функции Сверхсознания и Сознания соответствуют взаимодействию непредсказуемой изменчивости и отбора в происхождении новых видов живых существ. Подобно тому, как эволюционирующая популяция рождает новое через отбор отдельных особей, эволюция культуры наследует в ряду сменяющихся поколений идеи, открытия и социальные нормы, первоначально возникающие в голове конкретных первооткрывателей и творпов.
- 5. Сведение психики человека к одному лишь Сознанию не в состоянии объяснить ни диалектику детерминизма и свободы выбора, ни механизмы творчества, ни подлинную историю культуры. Только признание функций неосознаваемого психического с выделением в нем принципиально различных феноменов Под- и Сверхсознания дает возможность получить ответ на многие актуальные вопросы человководения.

В.П. ЗИНЧЕНКО М.К. МАМАРДАШВИЛИ ИЗУЧЕНИЕ ВЫСШИХ ПСИХИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ И КАТЕГОРИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

На ранних этапах исследования высших психических функций, из которых наиболее сложной для анализа является творческое мышление, привлечение категории бессознательного было обязательным условием размышлений о природе творчества. Если исключить категорию бессознательного из рассуждений о творчестве у Ф. Гальтона, А. Пуанкаре, Г. фон Гельмгольца и других, то в них останется очень немногое. Бессознательное онтологизировалось и трактовалось как субъективное пространство ("вестибюль сознания"), в котором проискодит сцепление образов, мыслей, подобно тому, как происходит сцепление атомов, движущихся в пространстве. Часто использовался термин "игра": игра образов, мыслей, для осуществления которой создаются наиболее благоприятные условия при измененных состояниях сознания, или когда она осуществляется без произвольного управления и планирования успеха. Бессознательное рассматривалось как источник, средство, даже средоточие озарений, открытий, решений, установок, мотивов и пр. При такой трактовке функций бессознательного происходило обеднение характеристик высших психических функций. Часто они получали бессодержательные характеристики: "инсайт происходит в короткие интервалы времени"; "нужна бессознательная подготовка интуитивных решений"; "интуитивные решения сопровождаются осознанным чувством полной уверенности в правильности результата". Такие характеристики ведут к противоречивым рекомендациям относительно путей активизации творчества: хорошо бы уменьшить внешние помехи (решение может прийти во сне); хорошо бы организовать подсказку (решение может прийти в самом неожиданном месте, например, перед клеткой с обезьянами или перед горящим камином). Бессознательное бралось вполне натуралистически, искались наиболее благоприятные условия, обеспечивающие созревание и культивирование бессознательного.

Кажущийся успех использования категории бессознательного для описания и интерпретации творческого процесса послужил одним из оснований для дальнейшей генерализации этой категории и использования ее для описания и интерпретации практически всех явлений душевной жизни. Характерно, что несмотря на конструктивный в целом характер концепции З. Фрейда, он также в значительной степени сохранял натуралистическую трактовку бессознательного. Это служило резонным и чаще всего несознаваемым основанием для ее критики. Более того. Фрейд так же натуралистически трактовал и сознание, например, процессы вытеснения. Суть дела заключается в том, чтобы понять вытеснение не как автоматический процесс (а именно на такое понимание толкал этот термин) а как особую психическую деятельность, пусть даже бессознательную. Ведь вытеснение - это не погружение тяжелых содержаний в некоторый более глубокий слой ("физикальный низ"), а особая зашифровка этих содержаний, т.е. особый деятельно-семиотический процесс. В результате перед сознанием и его феноменами остаются только зашифрованные "сообщения", ключ от которых может быть найден дишь в ходе психоанализа, поскольку сознание переозначивает явление так, что не узнает его действительного содержания.

Если, в ходе развития теории и практики психоанализа, категории бессознательного и сознания все более и более операционализировались, "окультуривались", то в контексте исследования познавательных процессов они продолжали трактоваться натуралистически, как и сами познавательные процессы. Это способствовало тому, что категория бессознательного постепенно стала вытесняться из описаний творческого процесса. Ее место стали занимать другие психические (и не психические) функции и процессы: воображение, интуиция. По мере развития экспериментальной психологии значение категорий бессознательного в описании высших психических функций неуклонно уменьшалось. Категория бессознательного стала испытывать обшую судьбу с категорией сознания. Реактология, рефлексология, бихевиоризм пытались изгнать эти категории из научной психологии вместе с категориями души и психики. Были попытки подменить психику (сознательную и бессознательную) динамикой нервных процессов. Процессы решения сменили адрес, они стали совершаться не в пространстве бессознательного, а в пространстве мозга, или в пространстве проб и ошибок. Эта волна антипсихологизма характерна для-психологии бихевиоризма и кибернетических концепций мозга на сломе XIX и XX веков. Однако категория бессознательного продолжала существовать, и не только в психоанализе. Несмотря на очевидную теперь недостаточность натуралистической трактовки сознательного и бессознательного, равно как и психики вообще, категория бессознательного играла и продолжает играть положительную роль в развитии психологии. Оставаясь terra incognita, существуя в подсознании современной научной психологии, она выступала как оппозиция антипсихологизму и длительное время поставляла строительный материал для возведения здания психологической науки. Более того, наличие категории и феноменов бессознательного служило и продолжает служить надежной защитой не только от всех форм редукционизма в психологии, но и от его облегченных форм. Категория бессознательного представляет собой непреодолимую преграду для дюбых форм редукции психического. Но речь идет не только о "защитных" функциях категории бессознательного.

Безусловно, психологические идеи фрейдизма и неофрейдизма оказали влияние на развитие исследований высших психических функций. Не давая общую оценку этих идей, отметим некоторые положения в интересующем нас аспекте. Они заключаются в том, что 3. Фрейд в попытках объяснить поведение и деятельность индивида как нечто целостное пришел к тезису о трехуровневом строении психики. Отсюда следовало, что деятельность и психика не могут быть представлены линейно, в одной плоскости. В соответствии с идеей сложного, уровневого строения психики в психоанализе происходит отказ от универсальной единицы исследования и предлагается строить определенную таксономию специальных единиц, адекватных каждому из уровней.

Эти идеи можно обнаружить в любом современном направлении исследований высших психических функций. Но их обнаружение представляет собой нелегкую задачу. Чтобы ее разрешить, необходимо провести сюего рода курс психоанализа самой психологической науки, в ходе которого, возможно, удастся расшифровать эти вытесненные зашифрованные идеи. Результаты подобной аналитико-семнотической проработки проблемы будут существенно выше, если в ее осуществлении примут участие специалисты как в области исследования высших психических функций, так и в области бессознательного.

Во фрейдовском различении сознательного и бессознательного проявился, таким образом, важнейший архетип психологического мышления, согласно которому психика имеет уровневое строение. Хотя впервые этот архетип был отчетливо артикулирован уже Аристотелем, его именно фрейдовское понятийное наполнение сказалось на развитии всей психологической начки.

Следы дихотомии "сознательное-бессознательное" обнаруживаются в широко используемых в современной психологии оппозициях; "внешнее-внутреннее", "непроизвольное-произвольное", "нерефлексивное-рефлексивное". Идея интериоризации и иерархические модели когнитивных процессов связана с фрейдовскими идеями об уровневом строении душевной жизни. Разумеется, предметное содержавие и понятийное наполнение этих концептуальных схем различно. Но эти различия не абсолютны, а сходство, не ограничивается лишь формальными чертами.

Современные представления о психической деятельности, ее природе, общем уровневом строении, операционном составе со времен Фрейда стали богате и полнее. Тем не менее о гношения не только ранних, но и современных исследовательно высших психических функций к проблеме бессознательного можно определить как стремление к активному ее вытеснению. О бессознательном не принято упоминать в респектабельном обществе психофизиков, психофизиков психологов, математически, физиологически и лингвистически ориентированных психологов. Специалисты в области когнитивной психологи и также используют термин "бессознательное" лишь в историко-теоретическом контексте. Но проблема бессознательного (как и "Оно" самое) живуча и мстительна. Ее стъдливое умолчание приводит либо к антипсихологизму (а соответственно, и к многообразным формам редукционизма) либо возвращает к ранним попыткам онтологизации и натуралистической трактовки бессознательного, разумеется, при соответствующей зашифровке терминов. Последнее обнаруживается в современной когнитивной психологии, в которой строение высших психических функций опи-

сывается в терминах блоковых моделей. Пока речь шла об анализе и работе потенциально возможных блоков, когнитивная психология не сталкивалась с серьезными трудностями. Они появились, когда возникла задача объяснения механизмов их синтеза. Дело в том, что масштаб времени их функционирования таков, что сознание не в силах справиться с задачей их координации. Но ведь не обращаться же вновь к категории бессознательного. На помощь стали приходить демоны и гомункулюсы (Д. Норман, Ф. Аттнив и др.) или на противоположном полюсе - физико-химические и генетические кодовые структуры мозга, редукция к которым представляется желанной и отдаленной мечтой для генетической эпистемологии Ж. Пиаже и даже культурной антропологии типа леви-строссовской. Но и последняя попытка описания парадоксальным образом возвращается к допущению тех же "демонов" или "амперовских человечков", плавающих в каналах синтеза структур.

Возникает вопрос: не лучше ли тактику вытеснения проблемы или ее зашифрованных выражений заменить стратегией ее экспликации, а затем и решения? Ведь для того, чтобы полностью изалечь уроки из факта, что именно на сопротивлении бессознательного четче всего обнаруживается нередуцируемость области сознания и психики вообще, нужно преодолеть бессознательное в научном исследовании. Нам кажется, что для этого в современной психологической науке накоплен достаточный арсенал средств - если не для решения, то для корректной и сознательной постановки проблемы бессознательного в этом смысле. Естественно, хотя и неожиданно, что именно сознание (а не бессознательное) окажется здесь проблемой раг exellence.

Выше уже говорилось, что при задаче объяснения механизмов синтеза, например, блоковых моделей (или даже машинно-моделируемых технологических структур мышления), мы имеем дело с категориями времени, пространства, уровней, иерархии уровней, целого и т.п., размерность которых не совпадает с размерностью акта сознательной координации соответствующих процессов и блоковых моделей. Она космически превышает последнюю или по своим микроскопическим характеристикам, остается ниже порога ее различений. Например. по отзывам специалистов в области причин авиационных катастроф в сложных условиях полета человек и машина оказываются как бы вне времени, и именно это дает шанс на спасение. Мы имеем в виду время сознательно контролируемых решений и действий, но где же оно, это спасение, происходит? Или в подобных случаях мы должны допустить как минимум двойной отсчет времени: реального, ситуативного физического времени и времени, протекающего в пространстве деятельности, а не объектов. Его можно было бы назвать надситуативным. При этом обе оси времени должны быть точно скоординированы, но кем? Есть ли у этого акта координации субъект? Видимым условием здесь является как раз потеря субъектом контроля над собой (выключение собственного "Я" из ситуации и, следовательно, не только времени объектов, но и времени субъектов). Мы оказываемся здесь перед лицом свободного действия или свободного явления; как говорили древние, свободный человек не делает ошибок. Одновременно только здесь мы и находимся впервые в области совершенно особых явлений в составе космоса - собственно психологических явлений, которые суть акты, а не факты. В этом случае само понятие "факта" должно быть пересмотрено в психологической науке. Иначе допущение этих явлений было бы излишним, избыточным в общей физической организации космоса. И никому не

придет в голову описывать подобные акты в терминах акта контролируемого и строящегося сознательным присутствием индивидланного субъекта и его волей. Здесь неприменямы термины - "блоки", "операции", "функциональные органы", "органы индивидуальности", "монтаж блоков" (и как предельное представление - "духовный организм") и категории - "пространство", "время", "целосе". "жужыбы".

Это означает простую и в то же время чудовищно трудную для усвоения вещь. Так же, как мы с большим трудом осваиваемся с идеей относительности в физике, нам трудно в силу фантазмов нашего обыденного "ямкого" языка, привычек нашей психологизированной культуры освоить, вытащить на свет божий и обосновать мысль, что мы на деле оперируем различением внутри самого сознания двух родов явлений:

- явлений, сознанием и волей контролируемых и развертываемых (и в этом смысле идеал-конструктивных);
- 2) явлений и связей, хотя и действующих в самом же сознании, но неявных по отношению к нему и им неконтролируемых (и в этом смысле не контролируемых субъектом и вообще бессубъектных). Мы подчеркиваем, что речь идет о различении внутри самого сознания, а не о воздействующих на него извне объектах внешнего мира или физико-химических процессах, происходящих в мозге, который в феноменологическом смысле тоже есть объект внешнего мира для сознания. Речь идет о том, что нечто в сознании же обладает бытийным и поддающимся объективному анализу характеристикам по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности. Степень и мера проявления или, если угодно, действия бытия в сознании обратно пропорциональна степени и мере отражения им собственного, печатью "Я" отмеченного акта деятельности и его объектов в мире. Ясно, что понятия "физического действия", "объективного" (от сознания независимого), "внешнего", "законоподобного", "пространственного" и т.п. должны быть в этом свете пересмотрены и расширены.

Особенно в исследовании человеческой реальности и в выработке его понятийного аппарата следует учитывать, что человек есть не факт, подобно природным само собой пребывающим фактам, а акт. Мы настаиваем на понятии акта еще и потому, что в современной психологии, как и в современном психоанализе в качестве оппозиции категориям "деятельность", "орудие" выдвигаются категодии "общение", "слово", причем имеется ввиду прослеживание в собственной жизни некоторой самосущей реальности, не отделимой средствами физического исследования (внешнего наблюдения) от наблюдения сознательной жизни и смысла. Можно было бы напомнить давний спор о том, что было в начале: Слово или Дело? Но решение этого спора можно было бы искать и в различении между орудием, с одной стороны, и словом (знаком) - с другой. Согласно М. М. Бахтину, орудие в отличие от знака имеет назначение, а не значение. Иначе говоря, речь идет о выделении в отношении "слово-реальность" категории символа как вещи, отличной от знака. И, видимо, природа знака, а вместе с ним полисемия языка связана с потенциальной полифункциональностью орудий-символов. конструирующих реальность в различных формах деятельности актов.

Возвращаясь к специальному техническому смыслу, в каком термин "бессознательное" употребляется Фрейдом, можно сказать, что опыт психоанализа важен именно введением на материале частного случая возрастных "либидональных" явлений в круг научного, объективного рассмотрения психических явлений того рода, о которых мы только что говорили, а именю: квазифизических объектов и связей в сознании, образующих неявные и неконтролируемые механизмы и процессы, т.е. не являющиеся в классическом смысле слова произвольно-

Величие Фрейда и состояло в том, что он трактовал бессознательное как вневременное и метапсихическое, что во многом - на уровне метода и конкретной пластики анализируемых примеров - нейтрализовало его собственные натуралистические предрассудки позитивного ученого XIX века. Онтологизация бессознательного, превращение его в некий реально существующий глубокий слой психики, своего рода "ящик Пандоры" - гораздо более позднее явление, продукт вульгаризации психоанализа.

Возвращаясь к своболному лействию, мы булем называть Сознанием вневременные состояния растворенности в предметной (не объективной) топологически солержательной лействительности. понимая пол сознанием не тот феномен. который представлен во внутренней психодогической, экранированной нашим "Я", реальности. Только таким образом мы можем наблюдать и контролируемо фиксировать действительно высшие психические функции и состояния, т.е. самосущие проявления жизни, или, как говорили раньше, "Невилимого", "Высшего" - неконструируемые последовательности в некотором непрерывно прослеживаемом действии. В исторически известном человечеству опыте такие вещи наблюдаются в различных формах медитации, в психотехнически организованных переосознаваниях или изменениях сознания. Обстоятельство, указанием на которое мы завершим рассуждение, состоит в том, что все эти "эмераженции" и "актуальгенезы" своболных явлений всегла связаны с вещественно-символическими построениями, с "монтажами" вещей. Именно с этой точки зрения для развития исследований в области высших психических функций важны достижения психоанализа в исследовании частного случая жизни подобного рода вешей (в примере совершенно вещественно, соматически организованных фантазмов, значащих телесных явлений, органов желания и т.д.). Это вполне сравнимо с развиваемой в современной экспериментальной психологии трактовкой движений, установок, образов, представлений как функциональных органов индивидуальности, где каждый совершаемый соответствующим органом акт является уникальным, т.е. творческим. Только в случае бессознательного, являющегося предметом психоанализа, мы имеем дело с неудачными "машинами" такого рода, оставляющими застойные следы своих неудачных сцеплений в психической жизни, следы, переозначенные эмпирическим сознанием и поэтому патогенные. И наоборот, психоаналитическое излечение состоит в протекающей виутри общения между больными и врачом - и только внутри этого общения! - работе по перестройке такого рода машин, по приведению их в движение и столкновение, столкновение, способное высвободить застывшие, переозначенные, отклонившиеся, непережитые и нереализованные потенции.

Заметим, что при описании органов индивидуации современная экспериментальная психология давно уже реально имеет дело с ипверсией явлений причинности (запазывающая, опережающая, полная), с тетерогенностью едициі анализа явлений душевной жизни и с полифоничностью и гетерархичностью (а не иерархичностью) ее организации. Мы уже не будем говорить о подобных явлениях в современной физике, которая раньше экспериментальной психологии извлекла опыт из психоанализа.

Вневременность "бессознательного" в критических для человека ситуациях подобна вневременности актов творчества, озарений, открытий, необходимыми условиями осуществления которых также оказывается растворение субъекта в "явлении свободы", т. е. в отказе от собственной эмпирической субъективности и приостановка в себе спонтанных действий культурно-знаковых "натурностей" психизма. Если мы не ошибаемся, П. Флоренский говорил о значении интенсивного душевного опыта любви для творчества. Для настоящей любви характерным является отказ от себя ради самого ее состояния, в котором только и открывается другая реальность и подлинная бесконечность сознательного переживания. В этом смысле такие органы индивидуальности, как желание, любовь и т.д., являются в известном смысле противоестественными или, лучше сказать, собственно человеческими. Это тем более относится к состоянию мысли, в котором прежде всего и следует видеть проявление бытийной силы (энергии) Со-

Это предполагает (особенно в плане сопоставления психоанализа с проблемой творчества) иное понимание значения и смысла того, что же происходит в акте психоанализа - не в отношении к какому-то предполагаемому предмету исследования, называемому "бессознательным", а как эмпирически случающихся или не случающихся актов исследования или поиска.

Например, рассуждения о роли памяти в процессах творческого мышления может быть проведено от противного. Ведь, несомненно, что в случае М. Пруста вся работа его состояла не в том, чтобы найти какой-то забытый предмет или смысл, а в том, чтобы его создать, чтобы вспомнить или чтобы вспомнилось. Интуитивно ясно, что процессы забывания противоположны процессам восстановления содержания памяти, в том числе противоположны творчеству. Долгое время забывание трактовалось как результат спонтанного угасания, распада следов памяти. Затем появилась точка зрения, согласно которой забывание является следствием интерференции следов памяти. В настоящее время накапливаются доказательства того, что забывание происходит как под влиянием угасания, так и под влиянием интерференции. Упаковка утраченного времени по Прусту в чуждые его смыслу вещественные монтажи - явный случай интерференции. Подчеркивание роли последней вносит элемент активности в характеристику процесса забывания. Важную роль в понимании механизмов забывания играет анализ процесса вытеснения как одной из форм забывания, что предполагает не натуралистическую трактовку процесса вытеснения. Как мы уже говорили. суть дела заключается в том, чтобы понять вытеснение не как автоматический процесс, а как особую психическую деятельность семиотического переозначивания. Существенно, что зашифрованное сообщение сохраняет свое влияние на субъекта. Оно может быть восстановлено при повторении контекста, при супермотивации или в экстремальных ситуациях, к числу которых, например, относится редукция привычного мира в условиях сенсорной изоляции и т.п. Частным случаем восстановления и дешифрования вытесненных "сообщений" является психоанализ. Последний интересен тем, что он демонстрирует возможность обратного влияния вытесненных явлений на сферу сознательного.

Поэтому противоположность забывания и вытеснения творчеству не должна пониматься примитивно: "забыл и нечего сказать". В определенных ситуациях и условиях в силу различных причин могут вытесняться и вытесняются в высшей степени оригинальные и продуктивные идеи и образы. Именно это предположение лежит в основе устойчивого интереса различных школ психоанализа к анализу творческого процесса и попыток его стинуляции с помощью психоаналитических методов извлечения и дешифрования вытесненных сообщений. При этом не учитывается одно важное обстоятельство. Психоаналитический сеанс действительно помогает осознанию определенной сферы несознаваемого. помогает найти утерянный ключ к дешифрованию переозначенных явлений. Но их экспликация даже правдоподобная, протекает в форме, определяемой терапентическими пелями, оказывается "служебно-прозаической". Более того, вытесненное и эксплицированное, преподнесенное субъекту психоаналитиком, снимает с него сосредоточенность на проблемной ситуации, необходимую для творчества. Оно принимает безличную, трафаретную форму. Сказанное свидетельствует о неправомерности претензий психоанализа на раскрытие механизмов творчества и на разработку приемов его стимуляции. Поэтому психоанализ противопоказан творчеству и часто оказывается не средством его стимуляции. а способом его подавления за счет банально-прозаической интерпретации скрытых интенций и побуждений к творчеству путем навязывания субъекту часто мнимой определенности, которая якобы характеризует его состояние. Именно этим определяется необходимость веры пациента в психоанализ. В результате квалифицированно проведенного психоанализа не остается "эдемента недосказанности", являющегося обязательным свойством значительных произведений искусства или научных открытий. Видимо, совершенно не случайно большие художники опасались прибегать к помощи психоаналитиков и старались сами выйти из кризисных душевных состояний. Они чувствовали, что психоанализ представляет своего рода хирургическое вмешательство в душевный организм, вмешательство, которое, с точки зрения дальнейшей творческой жизни, может оказаться слишком дорогим. Мы не говорим уже о том, что уподобление творческой деятельности автопсихоанализу или, как говорят психоаналитики, "дикому психоанализу" является чрезмерно большой натяжкой.

Тем не менее между психоанализом и творчеством имеются элементы сходства, установление которых может оказаться эвристически полезным для психологического анализа творческой деятельности. Остановимся на этом подробнее.

Во многих описаниях творческого процесса имеются свидетельства о большой роли внешней подсказки, которая дает возможность найти искомый образ или идею. Но по своей природе подсказка может быть и внутренней, связанной с прошлым опытом субъекта. Содержание этого процесса можно представить обратным тому, который наблодается при вытеснении и забывании. Если в результате вытеснения в сознании человека остаются только зашифрованные сообщения, ключ от которых обнаруживается лишь в ходе особото рода анализа, то при использовании воспоминания в роли подсказки работа сознания направлена на установление возможной связи между ними и проблемной моделью ситчании, а также на расшфоровку его смысловрого содержания.

Трудности научного анализа этого феномена состоят в том, что, как и в случае вытеснения, процесс расшифровки "сообщения" далеко не всегда доступен

интроспекции. Даже в случаях, когда имеется лишь различие в форме репрезентации проблемной модели ситуации и подсказки, а решение соответственно может быть принято по аналогии, акт идентификации двух способов репрезентации может вызвать серьезные трудности. Именно поэтому процесс принятия решения остается скрытым от самонаблюдения и характеризуется приведенными выше внешними формальными признаками: митовенность оарвения и т. На поверхности остаются результат и убежденность в его правильности (сравни с высказыванием Эвариста Галуа: "Мои результаты даны мне уже давно, только я не знаю еще, как я к ним приду").

II коды и высказывания

1

В.Н. ЦАПКИН

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

- 1. Еще Фердинанд де Соскор и Чараз Моррис подчеркивали тесную связь науки о знаковых системах с психологией. Ярким примером плодотворной разработки теории знаков в психологии служат исследования Л.С.Выготского и
 Ч.Морриса о роли знаков в регуляции поведения, В.Н.Волошинова (М.М.Бахтина) о семиотической организации сознания, Ч.Осгуда в лобой части экспериментальной психосемантики. Хогя на стыке психологии и семиотики еще не
 сформировалась самостоятельная научная дисциплина, подобно, например,
 психолингвистике, ряд работ отечественных и зарубежных специалистов, убедительно говорящих о том, что связы этих наук креннут и расширяются. Все отчетливее вырисовываются контуры научного направления, которое называют
 психосемиотических исследований является проблема бессовнательного.
- 2. Если осмысление языка как знаковой системы заново открыло для лингристов предмет их науки и послужило мощным стимулом к развитию структурной лингвистики и семиотики, то в психовнализе, благодаря успехам этих дисциплин, было совершено открытие Фрейда Фрейда-семиотика. Открытие это принадлежит французскому психовналитику Жаку Лакану 1. В 50-х годах Лакан и группа его последователей (Лапланш, Понталис, Леклер и др.) провозглашают, что модель языка лежит в основе всей теории Фрейда. Структуралистское прочение Фрейда получило в последине годы живой отклик и в других странах, где стали появляться исследования, посвященные семиотическому переосмыслению коннепций психовланыза.

Но не является ли открытие семиотических прозрений в работах Фрейда научным трюком - полыткой подать в "модной упаковке" старое учение? Дейст-

Следует отметить, что первое исследование, посвященное семиотической реинтерпретации проблем психоанализа, вышло в свет в 1927 г. Это была работа выдающегося советского филодога В.Н.Волошинова (М.М.Вахтина) "Оребламя" [51.

вительно, элемент мистификации не чужд работам Лакана. Кроме того, метафоричность многих категорий психоанализа (Эрос и Танатос, либидо, Эдипов комплекс и др.), каждая из которых - своеобразный миф в миниатюре, создает возможность самых широких трактовок. Но следует согласиться с мнением современных интепретаторов Фрейда, которые отчетливо прослеживают в его научном наследии переплатение двух основных тенденций :

Первая - это построение моделей функционирования человеческой психики, продолжающих методологическую линию позитивизма XIX века³.

Арутая тенденция, сближающая психоанализ с гуманитарными науками, связана с попыткой Фрейда раскрыть символическую природу человека, объяснить смысловую динамику его поведения. По мнегию как критиков психоанализа, так и ряда его представителей (Лакан, Шенда, Эделсон и др.), именно в этой семитической области Фрейду удалось сделать свои вяжнейшие открытия. Например, советский философ Г.К. Шингаров отмечает, что смысл всего учения Фрейда "сводится к изучению проблемы значения и знака в очень специфической области психической деятельности", т.е. бессознательного психического, а американский психоаналитик М.Эделсон видит главную заслугу Фрейда в разработке теоритических основ психоанализа как семиологической науки.

В чем заключаются семиологические основы психоанализа? Для ответа на этот вопрос последуем совету Лакана - вернемся назад к Фрейду.

3. А.С.Выготский в "Психологии искусства" пишет: "Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им". В своих первых психоаналитических трудах Фрейд показывает, что такими следами и проявлениями бессознательного являются невротические симптомы и сновидения, ошибочные и симптоматические действия, остроты, а также свободные ассоциации. Своим важнейшим открытием Фрейд считал то, что ему удалось обнаружить смысл этих явлений. И это открытие, по его словам, послужило основанием для психоаналитического метода. Анализируя процессы, лежащие в основе образования вышеназванных феноменов. Фрейд устанавливает их структурную гомологичность. Все они являются искаженным опосредственным выражением бессознательных процессов: конфликта мотивов, вытеснения неприемлемых желаний и связанных с ним переживаний. Например, образование невротического симптома он описывает следующим образом:"...в бессознательном вытесненное желание продолжает существовать и ждет только первой возможности сделаться активным и послать от себя в сознание искаженного, ставшего неузнаваемым заместителя. К этому замещающему представлению вскоре присоединяются те неприятные чувствования, от которых можно было считать себя избавленным, благодаря вытеснению. Это замещающее представление симптом... В симптоме, наряду с признаками искажения, есть остаток какоголибо сходства с первоначальной, вытесненной идеей, остаток, позволяющий совершиться такой замене".

² Эти тенденции в работах Фрейда в значительной степени обусловили разделение, например, современного американского психоанализа на сторонников метапсиходогического подхода и сторонников "жонической" теории.

³ Главной причниой ревизии учения Фрейда его учениками и последователями послужком сих стремление стладить эту линию – десексуальную провять и гуманизровать оргодоссально пси-хоаналитическое понимание человека (Бинсвангер, Хорни, Фромм, Салливан и др.)

Из работ Фрейда следует, что невротические симптомы, сновидения, ошибочные действия и т.п. можно рассматривать как своеобразные знаки (тексты), замещающие вытесненные переживания (конфликт мотивов) и репрезентируюшие их в сознании и поведении.

4. Закономерности неосознаваемого образования таких знаков наиболее подробно Фрейд анализирует в "Толковании сновидений". В психической деятельности, при образовании сновидений, он выделяет две функции: производство мыслей сновидения (скрытое содержание) и их трансформацию в образы явного содержания. Мысли сновидения - это протекающая на уровне предсознательного внутренняя речь. В результате "деятельности сновидения" словесные репрезентации (Wortvorstellyngen) мыслей сновидения регрессируют "через бессознательное" к восприятию в виде предметных репрезентаций или образов (Sachvorstellungen). Фрейд выделяет два типа преобразования скрытых мыслей в явное содержание: конденсацию и смещение. Конденсация - это совмещение разнородных элементов (скрытых мыслей) и единый образ (например, составление "коллективных личностей" на основании сходства внешности, имени или фамилии, общности черт характера, профессии и т.п.). Конденсированные образы представляют собой "узловые пункты" сновидения, в которых сходится множество "мыслительных цепочек". Такие образы оказываются сверхдетерминированными и требуют поэтому множества интерпретаций. Смещение - это репрезентация значимых мыслей посредством второстепенных деталей, это операции по деконтекстуализации элементов скрытого содержания. Конденсация и смещение становятся одними из центральных категорий психоанализа, когда Фрейд устанавливает, что эти операции лежат в основе образования всех продуктов бессознательного. Например, он пишет, что во время анализа невротических симптомов"... мы находим также ряд вполне рациональных мыслей, равнозначных нашему сознательному мышлению... эти нормальные мысли подверглись анормальной обработке (в результате вытеснения - В.Ц.): были трансформированы в симптом посредством конденсации и образования компромиссов путем поверхностных ассоциаций, пренебрежения к противоречиям и, возможно, регрессии". В конечном итоге перевод "скрытых мыслей" может быть воплощен в самом различном знаковом материале: знаки-символы и иконические знаки сновидений. знаки-индексы и иконические знаки ошибочных и симптоматических действий и т.п.

В одной из работ Фрейд создает даже своеобразную семиотическую классификацию невротических симитомові"....бессознательное говорит на нескольких диалектах". В соответствии с различием психологических условий, обуславлявающих образование определенных форм неврозов и их отличие друг от друга, выы находим закономерные различия и в формах выражения неосознаваемых психических импульсов. Если язык жестов истерии согласуется в целом с пиктографическим языком сновидений, грез и т.п., то умозрительный язык обсесивного невроза... демонстрирует особые идиоматические тёрты... Например, то, что больная истерией выражает симптомом рвоты, обсессивная пациентка выразит посредством тщательных защитных мер против загрязнения... Все это представляет собой различные репрезентации или вытесненого в бессознательное желания пациентки забеременеть, или защитной реакции на это желания т.п. приобретают в результате конденсации и смещения, то задача интерния и т.п. приобретают в результате конденсации и смещения, то задача интерния и т.п. приобретают в результате конденсации и смещения, то задача интер-

претации каждого такого "текста" заключается в деконденсации и ре-контекстуализации составляющих его элементов при помощи анализа свободных ассоциаций к этим элементам.

Простейшим примером деконденсации может послужить интерпретация сновидения Александра Македонского. В ночь перед взятием города Тира ему приснился плавшущий на его щите сатир (satyros). Древнегреческий предшественник Фрейда деконденсировал это сновидение в предложение, выражавшее страстное желание Александра, обеспокоенного длительностью осады города: "Sa Tyror" - "Tubmboü".

5. Аля понимания семантической структуры "следов" бессознательного особый интерес представляет модель ребуса. Широко известно, что приверженцы ортодоксального психоанализа рассматривают образы сновидений и невротические симптомы как однозначные, преимущественно сексуальные символы, зафиксированные в "архаическом мышлении" человека и культуре. Такое атомистическое, неконтекстуальное представление о единицах "языка" бессознательного согласуется со "второй" теорией символики, заимствованной Фрейдом у В.Штекеля4. Эта теория неоднократно подвергалась серьезной критике, в том числе и сторонниками психоанализа (Бинсвангер, Шендз, Лакан, Уайлден и др.). Например, американский семиотик К.Берк (Burke) называет аналоговые неконтекстуальные интерпретации символов одним из "легких путей, подменяющих длинные и извилистые маршруты". Сверхдетерминированность при таком подходе редуцируется до механистического однозначного детерминизма. Примерами такой редукции можно назвать гипертрофию сексуального в учении Фрейда, эго-компенсации в работах Адлера или травмы рождения у Ранка. Нужно отметить, что сам Фрейд рассматривал "символическое толкование" только как вспомогательную технику, применяемую к так называемым "типическим" сновидениям и неспособную заменить ассоциативную и даже сравниться с ней. Кроме того, теория символов с универсальными значениями находится в резком противоречии с его собственной первой теорией. В "Толковании сновидений" Фрейд пишет, что ошибки его предшественников сводятся к тому, что они пытались вывести смысл сновидений непосредственно из образов его явного содержания, а не из их связей (через поверхностные ассоциации) со скрытыми мыслями. Он сравнивает сновидение с ребусом, кажущимся совершенно абсурдным, если рассматривать его как композицию художника и обретающим смысл, если последовательно заменять каждый изобразительный элемент соответствующим слогом или словом, которое этот элемент репрезентирует.

"Содержание сновидения дано нам в виде пиктографического текста (Bilder-scbriff), знаки которого нужно последовательно переводить на язык мыслей сновидения. Мы несомненно впадем в заблуждение, если будем пытаться читать эти знаки как образы в соответствии с их изобразительной значимостью (Bilderwert), а не их знаковым отношениям (Zeicbenbeziehungen)". Понимание сповидения как ребуса говорит, во-первых, о неадекватности оторванного от языка "символического" прочтения образов явного содержания; во-вторых, о том, что анализу (т.е. деконденсации и реконтекстуализации) подлежит не "питографический", а словесный текст, поскольку "инктографический" пекст имеет

^{4 &}quot;...постоянное отношение между элементом сновидения и его значением мы называем символическим, а сам элемент сновидения - символом...".

смысл как "означающее" словесное. А так как поверхностные ассоциации служат связующим звеном между скрытыми мыслями и явным содержанием, то их "знаковые отношения", о которых говорит Фрейд, выявляются на основе данных ассоциативной техники.

Проанализируем теперь семантическую структуру сновидений и невротических симптомов. Вернемся к сновидению Алексанара Македонского. Визуальный образ сатира сам по себе не несет значимой информации, необходим его перевод в словесную форму: "satyrys". Словесный же текст де-кондесируется, как мы знаем, в "Sa Tyros" - "Tup - mbou", что репрезентирует скрытую мысль сновидения. Значит "пиктографический" образ сатира выступает в роли означающего по отношению к означаемому "satyros". "Satyros" в свою очередь является означающим по отношению к означаемому - "Sa Tyros", что репрезентирует фрустрированное желание Александра, т.е. служит означающим этого желания (означаемого). Таким образом, следуя модели ребуса, мы приходим к представлению об образе сновидения как сложному "многоярусному" и многозначному коннотативному знаку. Подобной структурой обладают и многие невротические симптомы. Например, истерический блефароспазм сам по себе бессмысленно, опосредствуясь словесной "жалобой" ("Не могу видеть" или "У меня глаза закрываются"), может репрезентироваться: "Не хочу видеть этого" или "Я закрываю глаза на это", что выражает какой-то неосознаваемый внутренний конфликт. Важнейшим условием, создающим возможность подобных семиотических переводов, которые Леви-Стросс называет "действенностью символики" является многозначность лингвистических знаков. Так, в вышеприведенных примерах образ сатира - результат омонимии, а истерический блефароспазм продукт полисемии. Согласно Фрейду, многозначные слова оказываются "ключевыми" (или "узловыми пунктами") в текстах сновидений или симптомов, поскольку, являясь конденсированным выражением и поверхностных, и глубоких ассоциаций, они позволяют перейти от явного уровня содержания к скрытому. Кроме того, "установка" на перевод словесных выражений в истерические конверсии создается изобилием зафиксированных в языке "психосоматических метафор": "тошнит от одной мысли о...", "сердце разрывается на части" и т.п. Эти метафоры вошли в язык, по мнению французского философа П.Рикера, в результате противоположного перевода - с "языка тела" на естественный.

6. Из всех знакомых систем наибольшее внимание основатель психоанализа уделил языку. Примечательно, что еще в период неврологических исследований в своей первой монографии "Афазия" (1891) он даже предпринял попытку развить собственную теорию языка. Аакан утверждает, что в полном собрании сочинений Фрейда в каждой третьей странице заграгиваются филологические проблемы, причем "...анализ вопросов языка становится тем подробнее, чем ближе обсуждение касается бессознательного". Интерес Фрейда к языку объясняется той особой ролью, которую слово, речь играет в психоаналитическом методе. "При психоаналитическом лечении, - пишет он, - происходит только словесный обмен, разговор между анализируемым и врачом"."

⁵ Речь не является сдинственным средством коммуникации. В конкретной ситуации речевого общения огромную роль играет целый комплекс парадингвистических факторов (фонация, ритмика речи, кинесика, мимика и т.д.), и автор "Психопатологии обыденной жизни" придавал им большое значение для понимания скрытого, бессознательного уровнях коммуникации.

"Имеющий глаза, чтобы видеть, имеющий уши, чтобы слышать, может убедивье, что ин один смертный не способен скрыть секрет. Если губы его молчат, то проговариваются пальцы его рук".

Психоанализ - это "talking cure" - "лечением разговором", как метко заметила знаменитая пациентка Брейера. Работы Фрейда показывают, что те переживания пациента, которые в результате вытеснения не могут быть выраженым вы внешней и внутренней речи (т.е. не осознаются), находят искаженное выражение в невротических нарушениях. Можно сказать, что эти переживания потерям а декватное и мозначающее". Отсюда - задача психоаналитика: реконструировать на основании имеющихся текстов это вытесненное и бессознательное "означающее", помочь пациенту понять смысл его невротических проявлений. Возвращение утраченного одискурсивного "означающего" на свое место, т.е. на место замещающих его симптомов, это и есть осознание вытесненного содержания б. В одном из своих докладов Фрейд сравнивает психотерапевтический эффект осознания пагогеных переживаний с магическим заклятием духов:

"... болезненные состояния не могут существовать, когда их загадка разрешается и разрешение их принимается больными. Едва ли найдется нечто подобное в медицине; только в сказках товорится о злых духах, сила которых пропадает, как только называешь их по настоящему имени, которое они содержат в тайме"

Поиски утраченного в речи пациента смысла составляют самую суть созданного Фрейдом психоаналитического метода. Ведь главным инструментом этого метода является интерпретация - анализ знаковых структур и в первую очередь структур языковых, поскольку как данное (жалобы, пересказ сновидений, ассоциация), так и искомое (вытесненные мысли) являются дискурсивными текстами. По мнению Ж. Лакана, специфика психоанализа заключается именно в том, что: "его средства - это речевые средства, поскольку речь придает функциям индивида смысл; его область - область конкретной речевой ситуации как трансиндивидуальной реальности субъекта, его приемы суть приемы исторической науки...". Как заметил П.Рикер, "...далеко не все в человеке - речь, но в психоанализе - речь и язык". Остается только удивляться равнодушию, которое последователи Фрейда проявили к пониманию сути "аналитической ситуации", "функции и месту речи и языка в психоанализе"". Но дело тут, по-видимому, не только в их близовуюсти.

7. Лингвистическая и семиотическая ориентации Фрейда получили яркое выражение в его ранних работах. Но даже в них равноправными голосами звучат и глубокие семиотические аналогии, и примитивные "механические" метафоры, и монотонные вариации на тему сексуальной гиперболы ⁸. А во многих после-

- 6 Вытеснение Фрейд понимал как диссоциацию определенных предметных представлений (аналоговая память) с соответствующим словесными представлениим (вербальная память). Соответственно осознание какого-мибо переживания он рассматривал как восстановление (установление) этих сязаясь.
- 7 "Fonction et champ de la parole et du langage en psychnalyse" (1953) название программной работы Лакана, ставшей своеобразным манифестом нового французского психоанализа.
- 8 Міюжественность и неслиянность самостоятельных голосов-идей, говоря языком М.М.Бахтина, в исследованиях Фрейда придает им скорее полифонический чем монолично-монологический характер. В этом, пожалуй, сила и слабость Фрейда как ученого. Концентуальная полифоничность, в также образность стиля его научных работ и обусловил разность истиля его научных работ и обусловил разность истиля стилу в том последующих интегрирегаций: от нанескетуальных (Хожсуальных (Хожсуальных (Хожсуальных Сожсуальных стильных сожсуальных с

аующих его трудах первый из этих голосов будет едла различим. Причнной тому послужит благое стремление Фрейда дать естественнонаучное обоснование теории психоанализа. Но его попытки в этом направлении приведут лишь к тому, что человек в его учении предстанет, по ироничному замечанию кибернетика Э.Уайлдена, в виде "невротической паровой машины... управляемой конфликтующими куbernetal, Эросом и Танатосом, которые ведут между собой непрекращающиеся споры из-за расходов угля". Кроме того, несмотря на действительно многочисленные ссылки на липгивстику (например, теорию Абеля об архаческих словах с амбивалентными значениями), собственно лингивстические представления Фрейда были довольно наивны. А его знакомство с учением Соссора, которое, по словам Х. Шендая, могло бы коренным образом изменить судьбу психоанализя, так и не состоялось.

Как ни парадоксально, но если стремление к научности заставило Фрейда изменить своей первоначальной лингвистической ориентации, то сходный мотив побудил ряд современных психоаналитиков обратиться именно к лингвистике как дисциплине, способной вооружить психоанализ наиболее адекватным его предмету - бессознательному - научным методом анализа.

Остановимся на некоторых важнейших моментах учения самого видного представителя этого направления - Жака Лакана и его структуралистского прочтения Фрейда. Наиболее общий вывод Лакана из его работ состоит в том, что бессознательное - это не вместилище хаотических инстинктивных влечений, а "...та часть конкретной речи в ее трансиндивидуальном качестве, которой не хватает субъекту, чтобы восстановить целостность (континуальность) его сознательной (т.е. лискретной - В.И.) речи". Понятие бессознательного в теории Лакана совпадает, по существу, с "символической функцией" К Леви-Стросса, который определяет эту категорию как универсальный набор правил, организующих индивидуальный лексикон и позволяющий субъекту превратить его в речь. Таким образом, бессознательное, согласно Лакану, структурировано как язык, а важнейшими его правилами являются конденсация и смещение. Подтверждения этому положению Лакан находятся в работах лингвиста Р Якобсона, посвященных проблемам афазии. В этих исследованиях устанавливается соответствие между парадигматической и синтагматической осями языка, т.е. выбором единиц (из кода) и их комбинацией (в конкретном сообщении), с одной стороны, и оппозицией метафоры и метанимии в риторике и стилистике - с другой. Лакан определяет, что конденсация и смещение эквивалентны метафорическим и метанимическим операциям, лежащим, (по Р Якобсону), в основе любого коммуникативного процесса.

Марш л Эделсон, один из наиболее ярких представителей "лингвистического" психоанализа США, в своих работах проводит параллель между лингвистической трансформационной моделью, разработанной Хомским, и деятельностью бессознательного в том виде, как ее описывает Фрейд в своих ранних тру-

Ференчи и др.), необихевиористских (Доллард, Миллер) до прочтений в духе современных кибернетических (Уайлден, Литовец) и нейропсихологических (Прибрам) представлений.

⁹ Этот парадокс дегко объясияется теми историческими изменениями, которые произошли в эзыкознании после выхода в свет "Куреа общей дингвистики" Д. е. Соссора. Этот труд ознаменова собой рождение нового научного подхода - системно-структурных исследований в туманитарных науках.

лах. Согласно теории Хомского, в речевой деятельности определенными трансформационными правилами происходит преобразование глубинных семантических структур (абстрактных "ядерных" предложений) в поверхностные (фонетические) структуры. Подобным образом в деятельности сновидения "скрытые мысли" - глубинные сематические структуры - трансформируются в пиктографические тексты сновидения - поверхностные структуры. В результате трансформационных операций любое предложение, образ сновидения или симптом, имеющие одну поверхностную структуру, могут репрезентировать собой несколько смыслов (глубинных семантических структур). Это - эффект семантической конденсации. (Вспомним известный пример, приводимый Л.С.Выготским: "Часы упали". В то же время несколько различных поверхностных структур способны выражать один и тот же смысл. Это - синтаксическое смешение. Таким образом, задача психоаналитика, согласно М.Эделсону, индентична по сути задаче лингвиста: восстановить "вычеркнутые связи между поверхностными и глубинными структурами или, другими словами, деконденсировать и реконтекстуализировать поверхностные структуры.

Главный недостаток "лингвистической" ревизии психоанализа - отсутствие широкой коммуникативно-семиотической перспективы. Например, структуралистский лингвоцентризм" Лакана приводит его к иллюзии симметричности системы и структуры естественного языка другим знаковым системам, служит причиной их десемантизации ("означаемые" практически совсем "выскальзывают" из теории Лака-на). Лингвистическая модель достаточно сильна в описании лишь одного аспекта активности бессознательного - трансформации и репрезентации вытесненных содержаний.

- 8. Наибольший интерес для построения семиотической модели взаимодействия сознания и бессознательного представляет концепция Фрейда о двух принципально различных "языках" и формах мыслительной деятельности "перичного" и "эторичного" процессов. Фрейд отождествляет бессознательное с первичным процессом, характеризующимся свободной циркуляцией энергии, а систему предсознательного-сознательного с вторичным процессом, где происходит задержка, "связывание" энергии. Язык и мышление первичного процесса характеризуется следующими сосбенностями:
 - оперирование предметными представлениями, т.е. мнемическими следами визуальных, тактильных, слуховых и других восприятий, отличающихся слабой дифференцированностью, семантической расплывчатостью, смещенностью и конденсированностью;
 - континуальный характер мышления, пренебрежение к логическим противоречиям:
 - 3) вневременность, или ориентация только в настоящем времени;
 - обращение со словами как с предметными представлениями (т.е. обработка только иконических аспектов словесных знаков)¹⁰. Особенности вторичного процесса таковы: оперирование преимущественно словесными представлениями; дискретность операций; абстрактнологическое мышлеление.

¹⁰ Многочисленные примеры этого феномена Фрейд приводит в "Психопатологии обыденной жизни" и "Остроумии...".

Переосмысление высказанных Фрейдом идей о структуре и функциях когнитивно-семиотических систем, которые он называет первичным и вторичным процессами, позволяет сделать ряд важных выводов.

Обращаясь к данным современной нейрофизиологии о функциональной специализации полушарий мозга человека, грудно не заметить принципиального сходства основных особенностей обработки ийформации в правом и леушариях, с одной стороны, и первичным и вторичным процессами - с другой. Этот факт дает возможность построить ряд предположений относительно нейрофизиологической природы неосознаваемых искических процессов! Кроме того, он позволяет ввести рассмотрение проблемы взаимодействия сознания и бессознательного в широкий контекст современных семиотических и кибернетических исследований.

Первичный и вторичный процессы можно представить как деятельность двух важнейших динамических систем, составляющих единую макросистему - человеческую психику - благодаря комплементарности их когнитивно-семиотических структур и функций. Устойчивость и адаптивность этой открытой сверхсложной системы определяется синергическим взаимодействием функционально автономных подсистем в осуществлении единой целенаправленной деятельности всей системы, их информационным обменом (знаковой комуникации). Первичный процесс - аналоговая система, функциональная система образных и действенных представлений, осуществляющая симультанную переработку информации, невербальную коммуникацию, образное континульное мышление. Вторичный процесс - "цифоровая", или дискретная, символическая система, система языковых представлений, реализирующая последовательную обработку информации, организующая речемыслительную деятельность и вербальную коммуникацию. Детальный анализ структурных и функциональных особенностей аналоговых и "цифоровых" коммуникативных систем в рамках общей теории поведения открытых целенаправленных систем содержится в исследовании Э.Уайлдена "Система и структура": в этой энциклопедической по охвату проблем работе провидится глубокий анализ как позитивистской, так и семиотической линий творчества Фрейда в контексте данных кибернетики, информатики, общей теории систем, математической логики, семиотики и лингвистики. В соответствии с гипотезой Фрейда о фиксации одного и того же психического содержания в форме двух различных мнемических "записей", а также опираясь на исследования А. Пайвио, можно предположить, что как аналоговая, так и дискретная системы имеют свою долговременную память и кодируют поступающую информацию, соответственно, в форме символических и образных репрезентаций. Информационная избыточность двойного кодирования характерна для сверхсложных систем, которые в поисках эффективного поведения, при неполноте информации, стремятся восполнить этот дефицит разнообразием. Следует отметить, что поскольку часть информации, хранящейся в памяти не только аналоговой, но и дискретной системы, не может актуализироваться в сознании, то представляется неверным отождествление бессознательного с первичным процессом (или локализации бессознательного в правом полушарии мозга).

¹¹ Д.Гэлин считает, что механизм "вытеснения' можно объяснить как функциональное расщепление актичности правого и левого полушарий мозга, вследствие торможения нейрональной трансмиссии в церебральных комиссурах.

Однако синергическое взаимодействие рассматриваемых нами систем были ненеозможны без наличия интегрирующего метамеханизма, который бы нейтраизовал противоречивое разнообразяе и служил метаязыком, осуществляющим внутрисистемную (интрапсихическую) коммуникацию. Работы Л.С.Вытотского и Н.И.Жинкина позволяют предположить, что функции такого метамеханизма и метаязыка в психической деятельности выполняет внутренняя речь. Благодаря своим семиотическим особенностям (смещанному дискретно-аналоговому коду), внутренняя речь способна переводить дискретные элементы языковой информации в непрерывные, аналоговые структуры, и наоброт, т.е. выполнять функции аналого-цифрового и цифро-аналогового преобразователя. Так, например, во сне во время фазы сновидений внутренняя речь трансформирует вербально закодированную информацию (скрытые мысли сновидения) в аналоговые поверхностные структуры (перцептивные образы), в бодрствующем же состоянии перцептивные образы (внешние и квазиперцептивные внутренние) переводатся на язык дискретной-системы.

Поскольку Фрейд не видел различия между информационным и энергетическим обменом, вполне оправданным представляется прочтение Ж. Лапланшем и Э. Удйадьеном "свободного течения смысла как аналогового преобразования, а "связывание энергии" во вторичном процессе- как дискретизацию потока смысла, как процесс означения (т.е. связывание вычленных аналоговых "предметных" представлений с соответствующими словесными представлениями во внутренней речи). Таким образом, внутренняя речь переводит неосознаваемые смыслы в значения, превращает бессознательные знания (аналоговые и символические) в сознание.

Наш краткий экскурс в область психоаналитических концепции мы предприняли для того, чтобы показать, что во всей концептуальной полифонии творческого наследия Фрейда сегодия наиболее актуально звучат идеи Фрейда-семиотика. Хотя многие из них не являются бесспорными, они требуют серьезного сокысления и служат отправной токкой для современного психосематического

изучения проблемы бессознательного.

Э.Б. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ Физики

Согласно развиваемой в настоящей работе точке зрения, основные утверждения, составляющие содержание анализа проблемы бессознательного, в значительной степени могут рассматриваться как следствие принципов, аналогичных принципам квантовой физики, и тем самым оказываются тесно связанными между собой. К их числу тем можно отнести следующие:

- 1. Взаимоотношения наблюдателя и наблюдаемого и теорема о передвижении границы.
- 2. Аналогия между взаимоотношением сознательного и бессознательного и отношением классической физики и квантовой.
- 3. Голографические принципы организации информации и их связь с квантовыми принципами композиции амплитуд вероятности.
- 4. Неклассическая, "иная" логика бессознательного и квантовая логи-
- 5. Размытие множества, физическая непрерывность и толерантные пространства.
- 6. Предречевая форма мышления и предгеометрия Уилера. 7. Тема целостности.
- 8. Бессознательное, искусство и интуиция.
- Взаимоотношения наблюдателя и наблюдаемого затрагивается во многих работах И.М. Фейгенберга и А.Е. Шерозия. Основная мысль, которую можно проследить в этих работах, состоит в том, что во всех случаях, когда наблюдатель и наблюдаемое явление составляют единое целое, единый неразрывный комплекс, описание явлений предопределяет необходимость использования принципа дополнительности. Тем самым понимание психологических явлений и экспериментов облегчается ссылками на один из фундаментальных принципов кван-

товой физики. Нас будет интересовать другая сторона вопроса - в какой мере тонкие наблюдения психологов (и особенно Джемса) облегчили понимание трудных физических проблем и способствовали разрешению драматической ситуации в физике в процессе создания квантовой механики. Джемс выделяет четыре основных свойства сознания:

- 1. Каждое "состояние" сознания стремится быть частью личного сознания.
- 2. В каждом личном сознании состояния постоянно сменяются.
- 3. Каждое личное сознание чувствуется как непрерывное.
- Оно заинтересовано в некоторых частях своего объекта, а в других нет, и все время оно или принимает, или отвергает те или другие части, одини словом, выбирает среди них.

Легко заметить, что такие свойства, как описание системы с помощью основного понятия "состояние", движение состояний, непрерывность этого движения и наличие актов выбора соответствует описанию движения квантомеханических систем в шредингеровской картине. Аналогично описанию поведения атомных систем, Джемс вводит в рассмотрение устойчивые и переходные состояния сознания.

Далее Джемс описывает трудности интроспективного анализа процесса мышления:

"...Попытки анализа потока мысли посредством самонаблюдения столь же мало состоятельны, как если бы, схватив вертящийся волчок, мы мнили захватить его движение, или как если бы мы старались закрыть кран газовой горелки с такой быстротой, которая дала бы нам возможность рассмотреть, какой вид имеет тьма".

На языке квантовой теории можно сказать, что Джемс описывает хорошо известные трудности процесса измерения.

Но это еще не все. Джемс вводит представление о "психическом обертоне" или "психическом ореоле". Это представление соответствует в квантовой механике принципу сунерпозиции состояний. Понятие "психического обертона" приводит Джемса к представлению о континууме альтернативных путей перехода к одной и той же мысли. В современной физике Р. Фейнманом разработы соответствующий формализм континуального интегрирования, позволяющий определить вероятности конечных состояний физических систем. В фейнмановском формализме каждому альтернантивному пути ставится в соответствие комплексное число - амплитуда вероятности.

Вероятность достижения конечного состояния определяется как квадрат модуля амплитуды, равной сумме (или интегралу) амлитуд по всем возможным путим. Естественно предположить, что альтернативные пути, которым в психике ставится в соответствие амплитуда, описывают бессознательные процессы. Если же пути описываются классическими вероятностями и имеют характер броуковских траекторий, то можно считать, что они характеризуют осознанные процессы, причем точка излома траекторий отвечает фиксации мысли сознанием в соответствующие моменты времени.

Особый интерес представляет данный Джемсом анализ личности и той его части, которая рассматривает вопрос о взаимоотношении объекта и субъекта познания (познающего и познававемого). Джемс дает подробную классификацию различных "я", составляющих личность, рассматривая отдельно материаль-

ное, социальное и духовное "я". Вместе стем Джемс подчеркивает, что "провести черту между тем, что челоже называет самим собой и что просто обозначает саловом "мос", затруднительно".

Как бы глубоко ни анализировать понятие "я", все равно в какой-то момент необходимо остановится и сказать: а это воспринимается наблюдателем. нашим внутренним познающим "я". "Это "я" есть то, которое в любую данную минуту сознает, тогда как опытное "Едо" - один из предметов, о котором получается знание". Соответствующая ситуация в квантовой теории измерений была глубоко проанализирована фон Нейманом. В своей основополагающей роботе он пишет: "Пусть измеряется температура. Мы можем, если захотим, продолжить теоретическое вычисление этого процесса до тех пор, пока не получим температуру окружения ртутного сосуда термометра. Однако в любом случае, сколь далеко ни продолжали мы вычисления - до ртутного сосуда термометра, до его шкалы, до сетчатки или до клеток мозга, в некоторый момент мы должны будем сказать: а это воспринимается наблюдателем. Это значит, что мы всегда должны делить мир на две части: наблюдаемую систему и наблюдателя. Границы между ними в высокой степени произвольны". Фон Нейманом была доказана фундаментальная теорема о том, что границу между наблюдаемой системой и наблюдателем можно смещать произвольным образом.

Мы видим, что не только психология может использовать фундаментальные физические принципы в качестве эвристической предпосылки к исследованию, но и физика в свое время использовала психологические наблюдения для открытия фундаментальных принципов.

II. Обсуждение проблемы бессознательного всегда сталкивается с трудным вопросом о взаимоотношении сознательного и бессознательного.

Следуя принятой нами точке зрения, естественно принять утверждение о том, что все тонкие и сложные отношения между сознательным и бессознательным можно усмотреть, нанализируя язаимоотношения между кавнтовой и классической физикой и учитывая неизбежность использования классических понятий при интерпретации новых экспериментальных данных. Целью науки является получение объективного знания о действительности, а всякое знание должно быть выражено в языке. Поэтому Н. Бор неоднократно подчеркивал, что необходимым условием функционирования науки является возможность передать другим, что мы сделали и что мы узнала. А для этого "настоятельно необходимо уяснить себе, что во всяком отчете о физическом опыте нужно описывать как условия опыта, так и результаты наблюдений теми же словами и средствами, какие употребляются в классической физике".

Анадизируя соотношение классической и квантовой физики, И. Бор опирадся на принцип дополнительности и на сформулированный им принцип соответствия. Принцип соответствия в общем случае выражает преемственность человеческого знания и используется в науке, с одной стороны, как средство построения новых теорий, а с другой стороны, как пособ проверки их исстинности.

Основное утверждение принципа соответствия состоит в том, что из более общей теории при определенных условиях (например, в случае приближения характерных параметров к предельным значениям) выводится теория менее общая. Применение принципа соответствия к квантовой теории приводит к следующей познавательной трудности, характерной не только для физики, но и для

анализа взаимоотношений сознательного и бессознательного психического. С одной стороны, квантовая теория является более общей по сравнению с классической (основные соотношения классической теории могут быть получены из EBRUTOROMOVEHUVECKUY VINERHEHUM C HOMOHINO HIDEAEANHUY HEDEYOAOR) C ADVIOM стороны, понятия и представления классической физики по необходимости ис-TOAL SUICITOR IS CTITUTE TO THE TRANSPORT THORNING THE ROOM OF THE PROPERTY OF нования, являясь в этом смысле предпосылочными. Бор полчеркивал: "Как бы азаеко ни выходили явления за памки классического физического объяснения. все опытные данные должны описываться при помощи классических понятий". Аналогичная ситуация возникает в интересующей нас проблеме взаимоотношения сознательного и бессознательного психического. Как бы далеко не выхолим сознательного и оссеознательного психического за рамки объяснения на языке сознания, все экспериментальные факты должны описываться при помощи понятий, лоступных сознанию. Аналогично положению дел в физике, можно сказать. что, с одной стороны, понятия и представления, с помощью которых описываются сознательные процессы, принципиально ограничены в их применении к описанию бессознательных явлений. В этом смысле булушую полную теорию бессознательного мы должны рассматривать, опираясь на принцип соответствия, как более общую по сравнению с теорией, описывающей процессы сознания. С аругой стороны, истолкование любых экспериментальных фактов, относяшихся к бессознательным процессам, и основанное на таком истолковании построение теории, по необходимости нуждается в использовании понятий и представлений, доступных сознанию. Аругими словами, теория бессознательного претенаует на новое солержание и одновременно это солержание может быть истолковано лишь в рамках естественного языка.

По существу принцип дополнительности возник как следствие такого рода языковой ограниченности и как средство ее преододения.

Арутим средством преодоления языковой ограниченности является различие в составе теоретического языка нескольких слоев, отвечающих разным уровням осмысления.

Понятие амплитулы вероятности не имеет аналога в языковом слое классических физических понятий. Первоначально результаты экспериментов по интерференции микрочастиц осмысливались в терминах классической волновой теории. На этом этапе возникло предварительное понимание, необходимое для продолжения исследований. Однако такое "понимание", использовавшее только языковый слой, не могло дать полного теоретического объяснения наблюдаемой интерференционной картины - ведь, согласно классической физике. частицы не могут интерферировать. Понятие амплитуды вероятности возникло как средство, необходимое для более глубокого объяснения существа дела, и оно, наряду с такими понятиями, как "спин", "четность", "кварк" и т.п., относится уже к другому языковому слою - слою квантовых понятий. Различие и выделение такого рода языковых слоев - естественный процесс, характерный для любой познавательной ситуации. Можно предположить, что и при исследовании бессознательного роль выделения языковых слоев будет возростать. Таким образом, анализ взаимоотношений квантовой и классической теорий в сильной степени проясняет и взаимоотношение сознательного и бессознательного. Можно сказать. что если бы Фрейд был знаком с квантовой теорией, то он вряд ли стал бы определять бессознательное как "психику минус сознание". (Такое определение

аналогично определению квантовой физики, как "всей физики минус классическая физика".)

III. С момента появления первых лазерных голограмм, они сразу же привлекам к себе внимание мнових психологов и нейрофизиологов своими необытными свойствами. В частности, голографические принципы организации информации обсуждаются в работах Ф.В. Бассина, К. Прибрама и наиболее подробно в сатъе А.Р. Зенкова, в которой эти принципы рассматриваются как лежащие в основе объяснения целого ряда клинических фактов и экспериментальных наблюдений и таких фундаментальных явлений, как перевод звуковой информации в зрительную, процессы распознавания образов, процессы разложения образов на отдельные элементы и восстановления целого образа из сохранившихся фрагментов и т.п.

В литературе рассматривалось много голографических моделей, выполненных как на нейрофизиологическом уровне, так и на достаточно абстрактном уровне "сеги, реализующей представление информации". Интересно, тот первые абстрактные модели были построены П. Грином еще до появления лазерных голограмм. В этих моделях Грин исходил из предположения, что каждый элемент информации должен содержать частичное представление многих других элементов и схемы их взаимосвязи. Было предположено также, что имеет место суперпозиция сложных образов или, наоборот, разложение сложного образа на линейную комбинацию базисных образов.

Самое важное для нас, что математические свойства этой модели эквивалентым математическому формализму квантовой механики. Наиболее подробная модель функционирования мозга, основанная на аналогии с оптическими голографическими процессами, разработана Ф.Р. Вестлейком. В этой модели расматриваются уравнения, заимствованные из оптической голографии, которые дискретизируются в пространстве и времени и преобразуются таким образом, чтобы сделать возможным замену форм нервного спайка набором синусоидальных колебаний.

Модель Вестлейка - не единственная. Так, например, можно предложить нейрофизиологическую модель, в которой интеренционная картина - нейроголограмма возникал бы в результате корпелации функтуаций мембранного потенциала. Такая модель, во-первых, ближе своему оптическому прототипу, а вовторых, предполагает, что информация содержится не только в межспайковых интервалах, но также и возникает из "шума".

Экспериментальная проверка этой возможности представляла бы несомненный интерес. Но на каком бы уровне мы ни рассматривали голографические модели, все основные свойства голограмм являются прямыми следствиями фундаментальных квантовых принципов композиции амплитуд вероятности. Вместе с тем верно и обратное. Трудно представить себе полную реализацию голографических свойств без предположения о справедливости квантовых принципов.

IV. Большинство исследователей бессознательно отмечает, что основные трудности понимания бессознательной психики связаны с тем, что бессознательные процессы протекают согласно совершенно иным законам, принципиально отличающимся от законов, управляющих сознательным поведением. Возникает предположение, не являются ли эти законы проявлениями иной логики, в корне отличающейся от классической аристотелевской логики и ее различных модификаций, рассматриваемых математиками. Именно такой вопрос был поставлен в статье С. Леклера "Бессознательное: иная логика", и на этот вопрос Леклер да положительный ответ.

В соответствии с принятой нами неформальной аналогией между квантовыми принципами и описанием бессонательных психических процессов, естественно задать вопрос, нельзя ли рассматривать квантовые принципы как проявление некоторой неклассической логики высказываний, описывающих поведение квантовых систем. Положительный ответ на этот вопрос был дан в пионерской работе фон Неймана и Бирхгофа "Логика квантовой механики". Фон Нейман и Бирхгоф показали, что утверждения квантовой механики для своей формализации требуют исчисления высказываний, в которых не выполняются законы формальной логики и, в частности, аксиомы дистрибутивности.

Законы логики имеют алгебраическую интерпретацию, согласно которой дизъюнкция может рассматриваться как сложение, а конъюнкция - как умножение. Оказывается, что алгебра квантовой логики соответствует алгебре так называемых нечетных множеств. Тожаество

$(A+B)\cdot C=AC+BC$.

справедливое в алгебре множеств в традиционном понимании этого термина, оказывается несправедливым для суммы и произведения нечетких множеств. В дальнейшем при обсуждении нечетких множеств мы рассмотрим условия, при которых это тождество выполняется, а также условия его невыполнения.

Вслед за фон Нейманом и Бирхгофом был сконструирован еще целый ряд вариантов различных "квантовых логик", однако для наших целей различие между этими конкретными вариантами несущественно. Отметим только, что наиболее интересный и глубоко разработанный вариант был предложен Вайцзеккером. В этом варианте развивается квантовая логика с бесконечным числом значений истинности, промежуточных между I (истина) и 0 (ложы). Вайцзеккеру удалось показать, что отношение классической логики к "логике дополнительности" совпадает с отношением классической физики к квантовой, и при этом "логика дополнительности" так же не отменяет обычную классическую логику, как язык квантовой механики не отменяет языка классической физики. В переводе на язык психологии последнее утверждение означает, что логика подсознательного не отменяет классической логику как сознания.

Разработка квантовой логики подияла вопрос об эмпирической природе логики, также как в свое время в результате разработки общей теории относительности и неевклидовой геометрии был поднят вопрос об эмпирической природе геометрии. Сравнение с множественностью возможных неевклидовых геометрий приводит к выводу о множественности неклассических логик. Под геометрией мы здесь повимаем не "чистую" геометрию в том смысле как ее понимают математики, а модель физического пространства-времени, физическую геометрию. Аналогично мы понимаем и термин "логика" как некоторую логическую структуру событий квантовой физики. Как было показано еще Пузикаре, в физическом опыте мы всегда имеем дело с системой "теометрия+физика", так что отличить чисто физическое утверждение от чисто геометрия+физика", так что Разработка квантовой логики показала, что аналогичное утверждение можно сделать и о системе "логика" физика". Продолжая эту цепочку, мы можем заключить, что и при описании психологических наблюдений мы всегда имеем дело с системой "логика" психика".

V. Основоположник теории нечеткости американский математик Лотфи А. Заде считал, что элементами мышления человека являются элементы некоторых нечетких множеств, для которых переход от "непринадлежности" к "принадлежности" не скачкообразен, а непрерывен. Традиционное определение множества, восходящее к Кантору, гласит:

"Под множеством понимают объединение в одно общее объектов, хорошо различимых в сущности нашей интуицией или нашей мыслыю". Это определение означает, что должен существовать критерий, с помощью которого относительно каждого объекта можно судить, является он элементом данного множествы или нет. Чтобы определить нечеткое множество, необходимо установить для каждого элемента из некоторого универсального множества степень принадлежности этого элемента нечеткому множеству. Иначе говоря, нечеткое множество тото элемента нечеткому множеству. Иначе говоря, нечеткое множество транарлятеризуется функцией (так называемой функцией принадлежности), ставящей в соответствие каждому элементу универсального множества степень его принадлежности печеткому множеству. Обычные множества степень его принадлежности печеткому множество, и сдиница, если вхолите.

Рассматривая вопрос о квантовой логике, мы говорим, что в алгебре нечетких множеств тождество

$(A+B)\cdot C=AC+BC$

оказывается в общем случае несправедливым для суммы и произведения нечетких множеств. Теперь можно уточнить, что это равенство выполняется только тогда, когда для любого элемента универсального множества либо функция принадлежности хотя бы одного из множеств A,B,C равна нулю, либо функция принадлежности C равна единице.

Теория нечеткости позволяет сопоставить большинству математических понятий их нечеткие аналоги. Так, в частности, можно говорить о нечеткой логике, в рамках которой рассматриваются утверждения, которые в какой-то степени истинны, а в какой-то - ложны. Здесь само собой напрашивается сравнение с вайцзеккеровским вариантом квантовой логики, содержащей бесконечное число значений истинности. Чрезвычайно интересное сравнение возникает и при рассмотрении основного парадокса теории нечеткости. Внимательный анализ показывает, что и аргумент и значение функции принадлежности следует считать нечеткими. Но это означает, что рассматриваемый аргумент является не строго определенной величиной, а некоторым нечетким множеством величин со своей функцией принадлежности и со своим аргументом, который снова нечеток, и так далее. Поэтому, чтобы оборвать эту бесконечную цепочку, где-то надо остановится и сказать: "А это наблюдатель считает четким". Мы видим, что такая ситуация полностью соответствует квантовомеханическому требованию об отделении наблюдаемой и наблюдающей систем и в свободе передвижения границы между ними.

Чтобы еще раз проследить связи теории нечеткости с квантовыми принципами, обратимся к истокам идеи нечеткости. Впервые эта идея была сформулирована А. Пуанкаре, проанализировавшим представление о так называемой "физической непрерывности", которое он использовал для описания ощущений или впечатлений и противопоставлал математической непрерывности. Определение "физической непрерывности" естественным образом приводит к понятию нечеткого множества, вместо обычных теоретико-множественных понятий, используемых при определении математической непрерывности.

Пуанкаре рассматривал измерения различных величин с помощью органов чувств, например, веса или температуры. Пусть мы определяем ладонью температуру трех сосудов с водой A, B, и C, и пусть наш эксперимент дает следующие результаты:

$$T(A)=T(B)$$
, $T(B)=T(C)$, no $T(A)\neq T(C)$.

Характерной особенностью этих соотношений является негранзитивность отношения равенства. Согласно Пуанкаре, "система элементов образует непрерывность, раз есть возможность перейти от любого из них к какому уголно другому через ряд последовательных элементов - таких, что каждый из них не мог бы быть различен от предылущего". Негранзитивность отношения равенства противоречит классической логике, но соответствует логике квантовой механич. Действительно, если заменить операции измерения температуры сосудов А, В и С квантомеханическими операторами импульса энергии и координаты, то достаточно вспомнить, что импульс и энергия одновременно измеримы, энергия и координата тоже одновременно измеримы, а мипульс и координата одновременно неизмеримы в силу соотношения неопределенностей. Современное развитие идеи физической непрерывности связано с математической концепцией толерантных пространств, развиваемой известным топологом Э. Зиманом. Понятие "толерантность" в психологии соответствует "наименьшему воспринимаемому разлучию" (диференцикальному подолу:

Обозначим через X множество импульсов. Тогда, если два импульса X1 и X2 из X настолько близки, что не поддаются различению, то говорят, что они связаны отношением толерантности или находятся в пределах толерантности и пишут X1-X1. Толерантность есть, по определению, множеств пар (X1,X2), таких, что X1-X2. Множество X с заданной толерантностью называется толерантным пространством.

Толерантное пространство напоминает "размазанное" топологическое пространство, и многое из того, что относится к топологическим пространствам, можно перенести и в теорию толерантных пространств. При приближении к дифференциальному порогу мы всегда приходим к нетранзитивности, и действительно толерантность в общем случае не транзитивна, т.е. из X1- X2 и X2-X3 не следует, что X1-X3.

VI. Большинство психологических исследований связано с идеей целостности. Идея целостности может быть сформулирована на самых разных уровнях и касается взаимодействия всех психологических структур. Сартр утверждал, что каждая личность есть целостность и она в каждом своем стремлении, в каждой склонности выражает себя целиком по аналогии с тем, как субстанция Спинозы выражает себя в каждом своем атрибуте. Тем самым отридается возможнозы выражает себя в каждом своем атрибуте. Тем самым отридается возможность сведения свойств целого к свойствам частей и утверждается, что свойства частей объясняются свойствами целого. То же самое утверждали и гештальтисты, отдавшие много сил исследованию различных конфигураций. Ими было по-казано, что конфигурация не есть сумма частей и их отношений. Конфигурации обладают свойствами, выходящими за рамки свойств их частей и отношений.

Вернемся к квантовой теории. Принцип целостности и неделимости квантовых явлений, символизируемый существованием кванта действия, является краеугольным камнем этой теории. Д. Бом формулирует этот принцип следующим образом:

"Вседенную следует рассматривать как неделимую единицу, а представление об ее отдельных частях быть хорошим приближением только в классическом пределе. Этот вывод основан на тех же предположениях, которые привели к принципу дополнительности. Именно, что свойства материи представляют собой неточно определенные и противоположные возможности. Поэтому в микромасштабах объект не имеет каких-то внутренних свойств (например, волна или частица), принадлежит только ему одному: он делится всеми своими свойствами взаимно и органически с системой, с которой он взаимодействует". Целостность и делимость квантовых явлений находит свое отражение в терминах логико-алгебраического формализма. Согласно этому формализму, общая структура высказываний о квантовых явлениях представляется частично булевой алгеброй. Частично булева алгебра в свою очередь "склеена" из максимальных булевых подалгебр. Каждой максимальной булевой подалгебре отвечает совокупность высказываний, удовлетворяющая законам классической логики. Каждая такая совокупность высказываний представляет одно из дополнительных описаний в соответствии с принципами Бора.

Естественно принять, что полная совокупность высказываний о бессознательных процессах представляется также частично булевой алгеброй.

VII. Основные проблемы взаимоотношения бессознательного и речи сфокусированы в статъе Ф.В. Басина "У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления". Эта статъя, как и роботы Джемса, пронизана квантовомеханическим духом и с рассматриваемой нами точки зрения представляет собой интерес. Однако прежде чем подойти к ее обсуждению, необходимо сделатъ короткое отступление о геометродинамися.

Мы уже упоминали о неформальной аналогии между геометрией (точнее, отношением геометрии к общей теории относительности) и логикой (отношением логики к вантовой межданке). Известный американский физяк Дж. Унлеф, развивающий трезвычайно плодотворную концепцию геометродинамики, рассматривает еще одну очень интересную связь между ними. Со времени проявления общей теории относительности пространство перестало быть лишь пассивной ареной физических явлений, а стало их полноправным участником; причем геометрия пространства определяет движение материи, а материя в свою очередь определяет кривняну пространства определяет кривную пространства определяет стало их полноправным участником; причем геометрия пространства определяет кривную пространство пределяет кривную пространство пределяет кривную пре

Учет квантовых принципов приводит к выводу, что сами пространство и врепонятия, справедливые только в классическом приближении, а подходящей ареной для динамики теометрии Эйнштейна является так называемое суперпространство, имеющее бесконечное число измерений, причем динамика геометрии описывается распространением амилитумы вероятности через суперпространство. При анализе квантовых флуктуаций геометрии и топологии Дж. Уйлером был поставлен вопрос о том, можно ли построить геометрию с помощью квантового принципа, исходя из основных злементов, которые сами по себе не обладают какой-либо специфической размерностью. Он указывает на тот факт, что в самой геометродинамике нет места изменению топологии. Поэтому необходимо обратиться к какому-то другому естественному способу описания квантовых флуктуаций связности пространства, который он называет предгеометрией, ститая его "магическим строительным материалом Вселенной, рождением из комбинации надежды и необходимости, философии и физики, математики и логики." Наиболее простой и нагланой моделью предгеометрии является модель, рассматривающая предгеометрию как исчисление высказываний, как квантовый механизм для комбинирования элементов "да-нет" или "истинно-ложно". В такой модели переход от предгеометрии к теометрии осуществляется так же естественно, как переход от предречевой формы мыслительной деятельности к речи.

В модели автоматически содержатся квантовые принципы, так как они естественным образом формулируются на языке исчисления высказываний. Заметим, что в рамках геометродинамихи геометрия пространства-времени не строится из элементарных объектов-точек, называемых событиями, а, напротив, первичным является понятие "3-геометрия", и из него уже конструируется событие как элемент пересечения одной "3-геометрия" с другой.

Нельзя не заметить удивительный параллелизм между описанной выше картиной и картиной предречевой формы мышления. Для этого достаточно заменить термин "3-геометрия" на термин "чистый смысл". Рассматриваемое Ф.В. Бассиным представление поля смыслов обладает многими качественными чертами квантованного поля. Здесь и принципиальный динамизм, являющийся проявлением неустранимых ни при каких условиях квантовых флуктуаций, и вероятная связь между высказываниями и смыслами, и голографические эффекты. Вполне естественно выглядит представление о непрерывно возникающих и разрушающихся связях межау смыслами, соответствующие представлению о виртуальном обмене. Становится понятной и необходимость отбора при постепенном переходе от более глубоких планов речи к более поверхностным, проясняется понятие ширины диапазона, в котором происходит увязывание предречевых смыслов. Ясно также, что этот диапазон так разнообразен, что его нельзя свести к классической "просеке", к некоторому алгоритмическому процессу. Принцип целостности находит свое отражение в размазывании различий не только между содержаниями мысли, но и между разными формами психической деятельности. Наконец, в духе квантовой теории снимается вопрос о геометрии бессознательного над сознанием как неадекватно поставленный.

VIII. Переходя к обсуждению взаимосвязи бессознательного и искусства, попытаемся повять, в чем состоит сущность искусства, какова его основная функция, почему художественная деятельность является одним из необходимых условий существования человечества. Хорошо известно, что искусство осуществляет одновременно много разных функций и в этом его прелесть. Мы говорим, что искусство лает наслаждение и называем эту функцию гедонистической.

Мы утверждаем также, что искусство отражает действительность, что оно необходимо для постижения мира. Искусство является средством передачи эмоций от художника к зрителю, выполняя тем самым коммуникативную функцию. Согласно психоаналитической концепции, искусство позволяет в сублимированной форме выразить имеющиеся у человека "комплексы". Этот перечень различных функций можно продолжать, но какая же из них главная, т.е. такая, к которой можно было бы свести все остальные? И существует ли такая специфическая функция, с которой неизбежно связаны все остальные функции и которую можно принять за основу? Глубокий анализ всех этих вопросов был дан Е Л. Фейнбергом. Им была высказана точка зрения, по которой постижение объективного и духовного мира требует использования и дискуссии и интуиции. Поэтому целью и назначением искусства является обеспечение убедительности интуитивного суждения. Искусство обнаруживает силу и плодородность синтетической интуиции, развивает способность к интуитивному суждению в противовес авторитету догического и вообще дискурсивного пути постижения истины. Присутствие всех остальных функций искусства может быть понято в свете указанной основной задачи. Интуитивное постиженин истины является главным, специфическим элементом искусства, выходящим за рамки классической логики. Что же представляет собой интуитивные суждения и как они протекают?

Мы знаем, что они возникают в результате синтетического усмотрения, основанного на переработке и оденке континуального множества чувственных и интеллектульных элементов, и протекают в значительной мере бессознательно. В работе отмечаются основные черты интулитивного познания. Интулитивно дотигаемый результат непредсказуем. Характерной чертой является наличие определенного познавательного "барьера" на пути к открытию интулитивной истины. Познавательным "барьером" является система традиционных воззрений, понятий, принципов и правил. Преодоление этого барьера является необходимым звеном интулитивного "озарения". Сознательный перебор всех в действительности учитываемых элементов, всех путей, ведущих к разрешению проблемной ситуации, невозможен.

Для усмотрения интуитивной истины нужны бессознательные процессы, имеющие вероятностный характер. Интуитивному "озарению" всегда сопутствует сознательный еналыз, который остается непольным и незавершенным. При этом сознание человека с ходу отвергает многие "бессмысленные" комбинации элементов проблемной ситуации, рассматривая только те пути, которые могут приводить к цели с наибольшей вероятностью. Интуитивное "озарение" часто воспринимается сознанием как скачок. Можно сказать, что акт "озарения" имеет пороговый характер. Всякий протекающий в психике процесс проявляется в первую очередь эмоционально, так что о нем можно судкть лишь в смысле его приятности или неприятности. Поэтому исходный психологический порог может рассматриваться как эмоциональный. Наряду с эмоциональным порогом, водится также представление о пороге сознания и порого самосознания.

Нетрудно заметить, что все отмеченные черты интуитивного постижения имеют типично квантовый характер.

В самом деле, предсказание результата квантового процесса имеет вероятностный характер. Квантовая теория позволяет системе преодолевать потенциальный барьер, т.е. попадать в класически запрещенную область. Соответствующий процесс называется туннельным переходом. Возможность такого процесса связана с тем, что в квантовой теории каждой альтернативе, даже "неразумной" в классическом смысле слова, предписывается опредледенная амплатуда вероятности. Неполноту сознательного анализа, сопутствующего интумтивному "озарению", можно понимать в том смысле, что совокупность высказываний,
доступных сознанию, образует булеву подалеебру частично булевой алгебры и
дает одно из дополнительных описаний. Приписывая каждому альтернативному
варианту некоторую амплитуду, естественно в качестве фазы этой амплитуды
принять произведение интенсивности эмоции на время. Тогда минимально возможное значение определенной таким образом фазы будет иметь смысл псикологического порога и играть родь, аналогичную роди постоянной Планка.
Сложение амплитуд, близких по фазе, приводит к открытию предметного происхождения переживания, к осознанию или, другими словами, к выделению
классического пути, который реализует экстремальное значение фазы. Заметим, что при такой интерпретации введение нескольких порогов является излишним, так как переход в сферу сознания можно рассматривать путем послеловательных приближений.

Ограниченность объема статьи не позволяет провести здесь анализ таких важных и интересных тем, как сон, измененные состояния сознания, гипноз и искусственный интеллект, тесно связанных с квантовыми принципами.

Мы можем только сказать, что квантовые принципы позволяют с единой точки зрения взглянуть на целый ряд вопросов теории бессознательного, установить новые связи, а также служить в качестве эвристических соображений при постановке экспериментов и построении моделей.

Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНОГО ИЗОМОРФИЗМА МЕЖДУ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ КОЛАМИ

В пятидесятые годы нашего столетия в молекулярной биологии было обнаружено, что наследственность соответствует сообщению, записанному вдоль кромосом с помощью определенного вида химического алдавита.

В качестве исходных элементов этого алфавита, ее "букв" используются четыре химических радикала, которые в комбинации друг с другом в бесконечных минейных последовательных нуклеиновых кислот создают как бы химический текст генетической информации. Подобно тому, как фраза составляет сегмент определенного языкового текста, составленного с помощью линейной последовательности небольшого числа исходных дискретных единиц - букв или фонем, как отдельный ген соответствует определенному сегменту в длинной цепи нуклеиновых кислот, представляющих собой четыре исходных химических радикала, как в лингвистическом коде исходные сдиницы - фонемы (сами по себе лишенные смысла) служат для составления с их помощью определенных последовательностей, уже выражающих определенное содержание в пределах данной системы, точно так же в генетическом коде информативен не отдельный химический радикал, а комбинации исходных нуклеотидов по три элемента ("триплеты").

Поскольку можно составить всего 64 комбинации из четырех исходных элементов по три, генетический "словарь" состоит из 64 "слов", из них три представляют собой "знаки препинания", маркирующие в последовательности нуклеиновых кислот начало и конец "фразы", а остальные соотносятся с одной из 20 аминокислот. Среди таких "триплетов" выделяются "синонимические слова" последовательности, которые соотносятся с одной и той же аминокислотой). Установление таких соотношений между триплетами аминокислатами и перевод длинной цепи "триплетов" в протенивовую последовательность аминокислот, (пептидную цепь) и есть считывание, или декодирование, наследственной информации, содержащейся в генетическом коде. При этом становится очевидным, что все живое на земле обладает "знанием" генетического кода (в смысле способности правильно считывать тенетические "слова", составляющие содержание генетической информации и синтезировать соответствующие протеиновые последовательности). В этом отношении генетический код универсален, его ключом обладает все живое на земле.

Таким образом, бесконечное многообразие всего живого сводится в конечном счете к длиннейшим генетическим "сообщениям", составленным по особым правилам линейной комбинаторики элементов генетического рода, обладающего разительными чертами структурного сходства с кодом лингвистическим. Не случайно, что с самого начала расшифровки генетического кода модекулярная генетика стала заимствовать лингвистические понятия и лингвистическую терминологию для дальнейшего изучения механизма наследственности. Но характерной чертой лингвистического кода, отличающей его от кода генетического, является большее число исходных единиц-фонем, комбинации которых и составляют минимальные значимые элементы звукового языка. Это создает в языковой системе избыточность, при которой становится возможным исправлять или восстанавливать искажения в сообщениях, возникающие в результате нарушения под влиянием внешних факторов. Таким свойством генетический код не обладает, и любая перемутация или элиминация отдельных элементов в линейной последовательности нуклеотидов приводит неизбежно к искажению первоначально записанной генетической информации.

Выявляемый структурный изоморфизм между двумя различными информационными системами - генетической и языковой, строящимися на линейной комбинаторике исходных дискретных единиц, ставит вопрос о природе этих систем и причинах возникновения подобного структурного изоморфизма. Выдвитаются различные точки зрения.

Характерен в этом отношении научный спор между лингвистом Романом Якобсоном и биологом-генетиком Франсуа Жакобом, лауреатом Нобелевской премии.

Является ли выявляемый структурный изоморфизм между авумя кодами - генетическим и лингвистическим - чисто внешним совпадения двух различных систем, выполняющих аналогичные информативные функции, либо этот изоморфизм есть результат филогенетического конструирования языкового кода по модели, по образу и структурным принципам кода генетического? Это второе предположение отстаивается Романом Якобсоном, тогда как Франсуа Жакоб допускает скорее аналогичную структурированность различных информационных систем при аналогичных функциях.

Якобсоновское понимание структурного изоморфизма между генетическим и лингвистическим кодами предполагает зволюционный процесс наложения мингвистического кода непосредственно на генетический и копирования его структурных принципов, осуществляющегося в условиях бессознательного владения живым организмом знаний о характере и структуре последнего. Это поленостью относится к сфере бессознательного, к неосознаваемому владению организмом информацией о строении и структуре существенных его механизмов. И все это выразмлось не только в филогенетическом процессе оформления структур взыкового механизма по модели генетического кода, но и в различных

творческих актах отдельных выдающихся личностей, строящих особые информационные системы в общем по модели генетического кода без эксплицитного знания структуры последнего.

В этой связи уместно вспомнить о теории глоттогонистического процесса другого ученого-лингвиста Николая Яковлевича Марра.

Н.Я.Марр сводит исторически возникшее многообразие языков именно к четарем исходным элементам, состоящим, как это ин странно, из своеобразных звуковых троек - бессмысленных последовательностей - сал, бер, йон, ром. Акобой текст произвольной длины на любом языке мира есть в конечном счете результат фонетического преобразования только этих исходных четырех, самих по себе ничето не значащих элемента, скомбинированных в определенной линейной последовательности. Этим, по мнению Н.Я.Марра, и определяется единство глотогогонического процесса.

Глоттогоническая теория Н.Я.Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований. Она противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии. В этом смысле она иррациональна. Но теория эта, представляющая своеобразную структурную модель языка, весьма близкую к генетическому коду, не иррелевантна для науки и может служить иллюстрацией проявления в сознании ученого неосознанных представлений о структуре генетического кода, очевидно, подсознательно сконцентрированных им при создании оригинальной модели языка. Эксплицитных и осознанных знаний о такой структуре генетической информационной системы Марр иметь не мог, как не могли ими обладать и те древнекитайские философы, которые примерно три тысячи лет назад разработали особую систему трансформаций четырех бинарных элементов, составленных из "мужского принципа" - ян и "женского принципа" - инъ и сгруппированных по три, что дает всего 64 троичных последовательности, аналогичных генетическим "триплетам". С помощью сочетания подобных "троек" и описывается в этой древнекитайской символической системе многообразие всего живого и устанавливаются соотношения между ними.

Эта символическая система, как и марровская модель языка, поразительно совпадает вплоть до количественных параметров со структурой генетического кода, выступающего в качестве их неосознаваемого субстрата.

В.В. НАЛИМОВ Ж.А. ДРОГАЛИНА

КАК ВОЗМОЖНО ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО?

Редуцирующий натурализм Фрейда, сводящий проявления бессознательного к доминанте Амбидо, оказывается тносеодогически и прагматически недостаточным. Об этом свидетельствует и научная беспризорность гипноза, особенно во Франции, где фрейдизм укрепился больше, чем в какой-либо другой стране, котя именно гипноз был главным ядром, вокруг которого произошло открытие бессознательного и межличностной психотерапии. И представление Юнга о коллективном бессознательном, несмотря на всю его содержательность, - все же во многом редукция бессознательного к архаике, опыту эволюционного проплого, находящего свое выражение в архетипах. Не могут на роль весокватывающей теории претендовать и отдельные частные построения - будь то представление об установке Узнадзе или представление о лингвоцентристском структуральным сакака.

1. МЫ НУЖДАЕМСЯ ВО ВСЕОХВАТЫВАЮЩЕЙ ТЕОРИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО, БЕЗ КОТОРОЙ ЕГО ОСМЫСЛИВАНИЕ НЕ МОЖЕТ ОБРЕСТИ СТАТУС НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Сам образ бессознательного встает перед нами в более широком раскрытии, чем это было у Фрейда и даже у Юнга. В нашей системе представлений бессознательным оказываются все те глубинные процессы сознания, которые выходят за границы действия аристотелевой логики, оставаясь принципиально некомпьютеризируемыми. Можно ли охватить их многообразие единой концептуали-

зацией? Каждый из исследователей своим собственным путем идет к раскрытию проблемы человека в новом ракурсе. Так же пытаемся поступить и мы, не будучи психологами по профессии.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ

Правомерной может оказаться попытка построения модели бессознательного с позиций вероятностных представлений, которые предполагают задание меры (веса) в пространстве, семантического поля зачений, полагая, что все смыслы, которыми владеет сознание, упорядочены на числовом континууме. Задание меры на семантическом поле позволяет описывать различные его проявления как изменения, происходящие в системах предпотения. Эти предпочтения задаются функциями распределения, приписывающими различные значения разным участкам этого поля. Мы всегда будет иметь дело с дифференциальными функциями распределения, т.е. с полотностями вероятности.

Напомним, что в физике учение о поле стало развиваться трудами Фарадея и Максвелла еще в XIX веке. Сейчас это одно из основных понятий современной физики, опираясь на которое строится теория элементарных частиц. Психология, если ее фундаментальные представления сравнивать с представлениями физики, находится где-то на уровне ньютоновского миропонимания. Мир физики тогда состоял из отдельных материальных тел, находившихся в пустом, нейтральном для них пространстве, в котором было разрешено только дальнодействие. Не было поля - активной среды, через возмущение которого дискретные образования материи могли бы взаимодействовать сами с собой и друг с другом. Так обстоит дело сейчас в психологии. Сознание человека капсулизировано в физическом теле, помещенном в пустом, ньютоновском, пространстве. Нет того психологического (семантического) пространства, в котором могло бы раскрываться сознание само по себе или в своем взаимодействии с сознаниями других. Нет среды, в которой сознание может развиваться и в которой оно может изучаться. Капсулизированное в теле сознание приходится изучать через поведение тел в физическом пространстве. Отсюда и бихевиоризм, когнитивная психология с ее комьютерной метафорой и редукция психического к нейрофизиологическому. В основе психоанализа все та капсулизация. Для Фрейда "Я" - это прежде всего "Я" телесное. Отсюда - и неприятие психоанализом гипноза как трансперсонального феномена, выходящего за границы представлений о дискретной природе личности.

Конкретизируя представление о семантическом поле, опишем с его помощью механизм мышления. На сознательном уровне мышление задается формальной логикой - идеализированной классифицирующей и кодифицирующей системой. Но для обращения к формальной логике надо выбрать исходные посылки. Эта процедура предмышления не охватывается логическим формализмом и относится к области бессознательного, оставаясь вне научного анализа. В нашем понимании предмышление - это изменение вероятностных весов в системе исходным ценностных представлений индивида в сязы с возникающей задачей.

Будем исходить из того, что система ценностных представлений человека задана априорно дифференцаильной функцией распределения (плотнонстью вероятности $p(\mu)$, построенной на континууме 2^1 – шкал e μ , охватывающей ясе многообразие семантики. При появлении новой нетривиальной проблемы возникает в результате свободного выбора условная функция распределения $p(y/\mu)$, $p(y/\mu)$,

$$p(\mu/y) = kp(\mu) p(y/\mu),$$

где $p(\mu/y)$ - апостериорная функция распределения, отвечающая новой задаче v: k - константа новмировки.

Формула Байеса отвечает всем требованиям силлогистики: из двух высказываний $p(\mu)$ и $p(y/\mu)$ с необходимостью вытекает третье $p(\mu/y)$, обладающее той же структурой, что и первые два Таким образом, можно говорыть о бейесовском силлогизме, противопоставляя его категорическому силлогизму Аристотеля. Формула Байеса приобретает новый смысл: из вспомогательной (вычислительной) она превращается в логическую задающую правило построения высказываний. Применение формулы Байеса, конечно, носит метафорический характер, что не должно нас смущать, поскольку обращение к математическому формаляму всегда носит метафорический характер.

Задание вероятностной меры на семантическом поле дает возможность построения континуальной логики, порождающей размытые вероятностно взвешенные утверждения. В наших построениях размытость оказывается синонимом случайности, а вероятность (не редуцируемая к представлению о частоте) становится мерой размытости. Отсюда становится ясным отказ от обращения к концепции размытых множеств Заде, которая представляется весьма искусственной.

Представления об использовании континуальной логики для описания бессознательного содержат ряд следующих предпосылок:

- Введение семантического поля задает представление о психологическом пространстве. Это дает возможность описывать мир психики через диалектику противостояния континуального дискретному (функция распределения, задающая вероятностную меру на континаульном по своей природе семантическом поле, дискретна; она определяется несколькими дискретно задаваемыми параметрами). Со-
- 1 Семантика континуальна, смыслы не агомарны. Обратим здесь внимание на некоторые важные для нас свойства континума. Желая разбить семантический континум на два подмпожества, нужно задать точку разбиения. Такая точка может быть по производу отнесена как к одному, так и к другому подмножеству: она является верхней границей одного из них и нижней другого (аксиома Дедекинда). Никакой континуум нельзя раздожить в объединение счетного семейства непересквающихся замкнутых множеств (теорема Серпиньского). Объединение двук континуумов, имеющих общую точку, есть континуум. Из сказанного следует, что семантика, заданная на континууме, недизъмничения. Обречена на провал вскаях концентуальнаящия, пытающака разбить ссмантим можно объекта так, чтобы отвечающие им понятия могла объть одновачато противоставлены. Отсода спотребность обращения к вероятностно ориентированному пониманию мира семантики, где разбиение континума заменяется св взешиванием.

знательное, проявляющееся через дискретность, дополняется размытостью представлений бессознательного.

- 2. Описание сознания происходит вне категорий пространства действия и времени. Физическое пространство и время не являются аргументами тех функций распределения, чрев а которые строится образ сознания. Здесь уместна аналогия с компьютером. Он функционирует во времени и пространстве его деятельность проявляется через движение. Но продукты деятельности компьютера, скажем, теоремы не раскрываются через пространственно-временные представления физики. Формальная логика так же, как и бейесовская семантика бессознательного, оказывается вневременной реальностью, хотя обе они находят свое проявление в пространстве и времени. (Напомним здесь, что и в понимании Фрейда бессознательное носит вневременной характер.)
- 3. Отказ от обращения к пространству и времени снимает с рассмотрения причинно-следственные связи и открывает возможность видения мира в спентанности его проявления. Фильтр р(у/ µ), отвечающий некоторой ситуации у, возникает спонтанно. Существенной характеристикой бессознательного оказывается его свобода, не связанная формальной логикой, и причинно-следственными связями. Мы переходим здесь от привичного для Запада представления о Законе к древневосточному представлению о Дао принципу спонтанности.
- Силлогизм Бейеса можно рассматривать как дальнейшее развитие представления Узнадзе об установке. Установка может быть отожлествлена с фильтром.

Обычно, когда речь идет об уровне установки, имеется в виду ее "фильтрующее", регулирующее влияние на солержание сознания.

При этом установка приобретает динамический характер. Происходит взаимодействие искодной ценностной установки (системы предпочтения) \mathbf{p} (\mathbf{z}) с корректирующим фильтром $\mathbf{p}(\mathbf{y}',\mathbf{z})$, отвечающим данной конкретной ситуации.

Существует множество примеров, показывающих, что силлогизм Бейеса обладает столь же высокой степенью общности при описании явлений бессознательного, как и силлогизм Аристотеля при описании явлений, происходящих на сознательности.

3. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Трудность в понимании межличностных отношений доставляет особенно много беспокойства современной психологии. Ясно, что теоретическое осмысливание того, что есть личность 3 должно включать в себя раскрытие природы межличностных отношений. Отсюда - обращение к представлению о семантическом поле, приводящем личное начало к межличностному.

Здесь приходится вступать в конфликт с доминирующим представлением о соматологической идентификации личности. Есть факты, которые, казалось бы,

с неоспоримостью подтверждают правомерность такой идентификации. Один из иих - всем известная похожесть проявлений сознания монозитотных блаченов. Но винмательное рассмотрение литературы, посвященной этому вопросу, показывает, что здесь далеко не все однозначно. Попытка осмыслить феномен близнецов в чисто логическом плане приводит к формулированию парадоксов. Есть и факты, явно противоречащие представлению о жесткой соматической капсулизации сознания. Гипноз - это только один из таких фактов, где грани иличности стираются. Другим проявлением, сивдетельствующим об недостаточности представления о границах личности, являются документированные свидетельства о феномене реинкариационных воспоминаний, когда человек вспоминает события из своей прошлой жизни. Наконец, упомянем все много-образие фактов, находящихся в поле внимания юнгианской и трансперсональной психодогии.

Злесь, наверное, уместно следать небольшое отступление, обратившись к истории представлений о природе дичности. Современная тенденция к соматодогической идентификации дичности уходит своими корнями в мифы гдубокой аревности. Истоки ее мы находим еще в мифодогической атроподогии Аревнего Египта, Правда, Египету противостовда эддинская мысль: орфико-пифагорейское учение о ауше как эманации Высшего Начала (раннего представления о поле), включенной в общий круговорот жизни с переселением в разные существа и предметы. Этот круг идей был в какой-то степени воспринят Платоном, неоплатониками и патристикой раннего христианства. Дальше в результате развития христианства возобладала идея креационизма, которая выдилась в учение о безусловной ценности единичной и неповторимой, телесно капсулизипованной личности. Личность, отождествленная с телесностью. Такой апофеоз тела торжество мысли, идущей еще из Египта. Через это представление наивный натурализм христианства входит в парадигму западной научной мысли, трансформируясь в поиск генотипической обусловленности личности или (в смягченном варианте) в поиск взаимодействия генотипа и среды.

Введение представления о семантическом поле позволяет раскрыть проблему идентификации личности в системе абстрактно-символических построений. Это придает проблеме многоаспектный характер, не замыкающийся только на генетико-соматические особенности личности.

Будем рассматривать EGO человека как вероятностно заданную проявленность семантического поля. Индивидуальность человека оказывается представленной функцией распределения (точнее - плотностью вероятности) $\rho(\mu)$, построенной на шкале ценностей (μ). Функция распределения может быть иглоподобной, размытой или асимметричной в зависимости от особенностей психики. В процессе жизни функции распределения вероятностей все время изменяются или хотя бы слегка флюктуируют относительно центра рассеяния (флюктуации системы предпочтений). Жесткое осознание своего EGO, задаваемого иглоподобной функцией распределения, приводит к тому, что человек начинает ощущать "малые смерти при переходе от одного момента у другому". Отсода и представление о черных дырах - патологических состояниях, порождающих боязнь жизни и смерти, играющее столь большую роль во всех проявлениях психоватологии.

Вглядываясь в природу человека, легко заметить, что функция распределения $p(\mu)$ является хотя и существенной, но все же недостаточной характеристикой

для идентификации личности. В привычных условиях EGO человека представляет перед нами как носитель более или менее установившихся селективно выраженных оценок. В экстремальных условиях, когда возникает необходимостринимать решения и действовать в критической ситуации "у", решающим оказывается выбор фильтра предпочтения $p(y/\mu)$, когда личность может быть проявлена наиболее сокровенно. Именно этим примечателен Φ M. Достоевский, предпочитающий оказывается выборами ситуации для расктытия сроих героест

Если EGO человека задается функцией $p(\mu)$, то функцию $p(y/\mu)$ уместно уже рассматривать как мета-EGO. Наверное, не имеет смысла говорить о том, какая из этих двух функций в большей мере определяет личность - действуют они мультипликативно. Более того, функция $p(\mu)$ вырабатывается постепенно в результате прохождения через цепь критических ситуаций, порождающих фильтры р(у/ μ) и зволюционную цепочку: априорная функция распределения $p1(\mu)$ переходит в апостериорную $p1(\mu/y)$, которая на следующем шаге выполняет уже роль априорной $p1(\mu)$ считается априорной по отношению к некоторому новому пыту у, способному ее изменить в соответствии с теоремой Бейсеа, функции $p2(\mu)$. Вглядываясь в себя, можно отчетливо осознать, что неизменность нашего "к" во времени определяется не видом функции распределения $p1(\mu)$, склонной с зволюции, а способностно выбирать в острых ситуациях "у" необходимый фильтр $p(y/\mu)$, способный мультипликативно взаимодействовать с $p(\mu)$, что по существу является нашей способностно в зволюции. И если эта способность утрачивается, то можно говорить о перерождении личности.

Можно сказать, что на начальное формирование функции распределения р(µ) существенное влияние оказывают как врожденные склонности, так и окружающая среда, воспитание и образование. Но что оказывает влияние на способность порождать нетривиальные фильтры р(у/ µ)? На этот вопрос ответить трудно. Ясно, однако, что эта способность в какой-то степени поддается воспитанию. Каждая культура настойчиво готовила своих будущих героев через инпизации на материале мифов и эпоса:

В современной европейской культуре эту роль пыталась взять на себя художественная литература и отчасти философия. Однако, несмотря на замечательность, например, герове Гюго и Толстого, которые являются исполнителями нетривиальных решений в экстремальных ситуациях, литература - только квазиинициация, так как собственно инициация ценна и действенна непосредственностью действа (пребыванием в самой ситуации), а литература - только модель ситуации, театр, только сопереживание; участие в уже готовом (кановическом) решении, а не само решение (его порождение - собственный творческий глубинный процесс). Литература - пример (род умозрения), инициация - опыт (род действия, акт саморождения - сбогго "Я" в сбоих глубинах). А многие психологические тесты, направленные на оценку личности, почти не затративают принципиальной характеристики личности - способности порождения нетривиальных фильтров р(у/ µ/), существенно смещенных по отношению к функции р(µ). Это естественно, так как только жизнь (включая действие в ней субъекта).

² В бейесовской статистике функции распределения р() считается априорной по отношению к некоторому новому опыту у, способному ее изменить в соответствии с теоремой Бейеса.

в многообразии ее превратностей, выступает в роли тестовых ситуаций, раскрывающих и обогашающих человека³.

Еще одна характеристика, существенная для идентификации личности, предстает перед нами, если в рассмотрение включается многомерность семантического поля. Скажем, в двухмерном пространстве EGO становится функцией распределения двух случайных величин - $p(A1, \mu 2)$. Личность оказывается состоящей из двойниковой пары μ 1 μ 2, связанной коэффициентов корреляции. Еслир — 0, то мы имеем дело с абсолютно неупорядоченной расщепленностью личности, которая может носить даже патологический характер. На математическом языке это значит, что две линии регрессии μ 1 = $f(\mu$ 2) и μ 2 = $f(\mu$ 1) оказываются ортогональными. Личность ортогонально раздвоена. Когда ρ = 1, то двухмерное распределение вырождается в одномерное - обе линии регрессии совладают: человек продолжает существовать в своей нераспакованности. Все в нем метрически взвешено и отмерено, но ничто не различимо, оставаясь в жесткости упорядоченности, которая в случае ρ = -1 соединяет противостоящее (один показатель растет, другой - падает).

Снова обращаясь к литературе, констатируем, что все герои одного автора корреляционно связаны между собой. Образуя одну многомерную личность, они являются как бы его двойниками. Если степень коррелированности между ними велика, то двойники малоразличимы и потому неинтересны. Однако при всем многообразии двойников за ними всегда угадывается личность автора, как бы многомерна она ни была. Яркое тому свидетельство - Ф. Достоевский. Он выступает перед нами как личность, раскрывающаяся в семантическом пространстве весьма высокой размерности. Многие поэты (И. Гельдерлин, Н. Гумилев, А. Блок) сообщают нам о своей глубокой сопричастности культурам далекого прошлого, которую они переживают как часть своего бытия. Опять корреаяционно связанные авойниковые личности. Расширение границ личности. происходящее при направленном соприкосновении с бессознательным, сопровождается персонализацией ее двойников, они облекаются в мифологические образы и обретают свои имена. Юнг описывает свой собственный опыт взаимодействия с бессознательным, который в одном из случаев персонализировался в трех фигурах: старый человек с белой бородой - мужское начало - пророк Илия, слепая девушка - женское начало (анима) - Саломея и черный змей, двойник героя, постоянный мифологический персонаж. Будучи врачом-психиатром, Юнг сам делает следующее замечание о глубине (мы бы сказали многомерности) бессознательного, на которой может раскрываться и богатство личности, и ее патология:

"Здесь, конечно, проявляется ирония: я, психиатр, почти на каждом шагу своего эксперимента погружался в тот психический материал, который является содержанием психозов и появляется у больных. Тото есть фонд бессознательного,

3 Зассь наши представления перекликаются с тем направлением современной западноевропейской фамософской мыслы, которое известно как француалсий персопамальт для вводятся понятие "интегрального героизма" и трагизм рассматривается как изначальная предсланость человека, распиряющия границы его личности. Еще ранные эта проблема была поставлена Ф. Достоевским в его парадоксально звучащем расскагае "Сон смешного человека" (см. "Дменник" писателя). В этой системе представлений трагизм (конфикктивая ситуация) выступает как фактор, провоцирующий способность порождения нетривильных фильтров. фатально смущающий пациента. Но это в то же время является и матрицей мифопозтического воображения, которое исчездо из нашего размонадыного века".

В этом отношении интересен релагиозно-мистический опыт. В литературе мы постоянно сталкиваемся с образом монаха-аскета, стремящегося преобразовать свое ЕGO в соответствии с некоторым идеальным образиом, расщеплая свое сознание и порождая двойниковую пару, в которой идеальному облику лить ности противопоставляется двойник - искуситель. Трагизм такого "двоения" в корреляционной связанности несовместимых начал личности. Преодоление этого трагизма - в ортогонализации этих двух начал, полном их расщеплении. В математической модели такому преображению личности соответствует специальным образом выбранный поворот (вращение) координатных осей, достигаемый линейным преобразованием переменных $(\mu 1 \ \mu \mu 2)$. В мифологическом плане наиболее яркий пример такого раздвоения - притча об искушении Христа дьяволом во время сорокальевного поста. Две системы ценностных представлений оказались ортогональными, искушение не состоялось, и дьявол, как сказано, только "отошел до времени", т.е. в таком состоянии мог быть отброшен.

Двумерность сознания всегда проявляется как дуальное осознавание самого себя. Такое состояние сознания может наблюдаться в сновидениях.

Это синхронное двойное осознавание EGO и его сновидческого состояния в психологии известна как "просветленное сновидество" ("lucid dreaming"). Просветленное сновидение - это такое состояние, в котором слящий осознает, что он видит сновидение и что это переживание отлично от обычного опыта активной жизни.

Питерс отмечает, что такое двойное осознавание достигаемо в шаманском трансе:

"...он (шаман) говорил, что он в состоянии транса сохраняет осведомленность о себе как об участнике ритуала и в то же время оказывается вовлеченным в другой мир. не видимый доугим".

Если бы шаман в состоянии транса не достигал двойной осведомленности, то для описания его состояния достаточно было бы представления об одномерности семантического поля, по которому смещается функция распределения $p(\mu)$, задающая эго.

Представление о корреляционно связанном двойнике нашло свое выражение в образе андрогина - различные интерпретации этого образа мы находим во многих развитых мифологиях мира⁴

Опираясь на развиваемые здесь представления, можно рассматривать межоминостные отпошения как процессы, приводящие к образованию гипералиотоности, отрывающейся от локализации в одном единственном теле. В простейшем случае гиперличность - это двумерная функция распределения р $(\mu A, \mu B)$, гле μA $\mu \mu B$ - две случайные величный, характеризующиеся функциям цаспределения р (μA) и р (μB) , задававшими две отдельные личности A и B, объединяются в виперличность. Мы на самом деле не знаем того, как происходит такой процесс агрегирования - образование из аржу или многих дичностей одной метастабиль-

 ^{...}в греческой мифологии Хаос и Эребус были бесполыми; Зевс и Геракл часто изображаются в женской оджаед на Кипре встречается бородатая Аронов иет женские черты; в Китае бог ночи и дия – андрогии, Шива изображается полумужчикой-полуженщиной.

ной гиперличности. Поэтому ограничимся здесь лишь рассмотрением отдельных примеров, показывающих правомерность представления о гиперличности.

- а) Акобовь или хотя бы влюбленность. Силою чубства может создаваться гиперличность, если даже коэффициент корреляции между случайными величинамиµА и µВ оказывается близким мли даже равным нулю. Но такая гиперличность неустойчива. Устойчивость может произойти только тогда, когда сила чувства оказывается достаточной для такой перестройки гиперличности, при которой коэффициент корреляции приобретает существенное значение, может быть, даже начнет приближаться к единице. Большое количество разводов в наше время является свидетельством того, что индивидуализация личности стала столь глубокой, что силы чувства не хватает для преодоления отогогональной тасшепленности.
- б) Тантризм в тибетском буддизме детально разработанное, но трудно поддающееся пониманию учение. Практика тантризма направлена на слияние добил в дону смограством сексуальной энергии), предваряемое глубокой ритуальной подготовкой, затративающей физическую, духовную и эмоциональную сферу человека.
- в) Транстелесность в состоянии сновидений. Это состояние легко наблюдать, обращаясь к инкубаторным снам, в которых используется техника фокусирования на какой-либо подлежащей решению проблеме, сформулированной перед засыпанием. В книге, посвященной главным образом инкубаторным снам, есть параграф, называющийся "Изучение ощущения свободы от физического тела". Там дано такое описание:

"Однажды в конце сновидения, когда сознание было вполне ясным, я ощутила, что нахожусь в теле моего доброго друга! Испытать то, что я переживала как состояние его сознания, мирное и счастливое, и притом в свойственном именно ему проявлении, было совершенно удивительно.

Я знала, что Джон только что побывал во внетелесном состоянии и пригласил меня побывать в его теле, чтобы увидеть, какое оно. Находясь внутри, я с удивлением обнаружила, что переживание счастья (способ этого переживания), которое я ощущала, было свойственно только ему. Мне нравилось видеть это изнутри. Меня удивило так же ощущение обладания столь огромными легкими. Когда я дышала вместе с ним, мне казалось, что я ощущаю, что значит иметь такое (его) мускулистое тело, а не мое. Очень интересно. Потом я вышла из его тела через голову и тем же способом вернулась в свое тело". Здесь, конечно, могут возразить - можно ли придавать подобному переживанию статус научного факта? А если нельзя, то не значит ли это, что науке вообще нельзя заниматься изучением сознания как такового? Несомненно одно: сознание человека не может быть редуцировано к физическому миру, где все задано через измерение с помощью часов и трех линеек, отвечающих трехмерности пространства.

г) Особый интерес представляет так называемый взаимный гипноз. Он состоит в том, что субъект А гипнотизирует субъект В, а последний, будучи в состоянии кипноза, в свою очередь гипнотизирует А; эта процедура взаимного гипнотизирования воспроизводится циклично и, естественно, углубляется. Наиболее впечатляющим и пугающим пациентов результатом становится ощущение полного слияния друг с другом. Вот что пишет об этом Тарт:

"Это было похоже на частичное расплавление личностей, на частичную потерю различия между "Я" и "Ты". В данный момент это воспринималось пациентами как нечто приятное, но затем стали воспринимать это как угрозу их автономности".

Чтобы разрушить такую искусственно созданную гиперличность, нужны усилия сильного гипногизера. Тарт говорит, что ему известен и аналогичный результат слияния и потери индивидуальности при совместном приеме LSD двумя супружескими парами.

- д) Что-то похожее, по-видимому, происходило в мистериях аревности, которые одно время пытались возродить в Америке, сочетая оглушающую музыку с приемом психодемиков. Так же можно интерпретировать поведение возбужденной толпы в экстравагантных ситуациях, порождающих единство действия, часто очень жестокого и не объяснимого в ретроспективе для каждого отдельного субъекта с позиций его личностных ценностных представлений. Наконец, так же можно объяснять и недепость детских крестовых походов в Средние века и безумие нацима в наше время. Во всех этих случаях эмощионально насыщенная идея, находящаяся вне индивидуального контроля, оказывается объединяющим началом, порождающим инерличность. Моделью поведения оказывается еванислическая притча об изгнанных бесах, которым было разрешно войти в стадо свиней. "И вот все стадо бросилось с крутизны в море и погибло в воде". Все образовали одну гиперлучность.
- е) И последнее: мифы древности допускали как само собой разумеющееся представление о гиперличности, которая может проявлятье себя и как нечтю целое, и как состоящее из корреляционно связанных частей, имеющих и свое индивидуальное лицо. Троица - основной миф христианства; представление о тринитарности высшего начала мы находим и у Платона и Плотина, в иудаизме, буддизме (Будда, Дхарма, Сантха), у греков, римлян, кельтов, скандинавов.

Итак, межличностные отношения могут иметь два различных модуса. Один из них - коммуникационный, являющийся типичным для нашей культуры. Человек взаимодействует с другими на деловом логически структурированном уровне, оставаясь замкнутым на самого себя, сохраняя в неприкосновенности свою селективно взвешенную систему ценностных представлений $p(\mu)$. (Пример: в научных, редитиозных и даже философских диспутак, несмотря на всю их напряженность, все может кончаться ничем; каждый остается в капсуле своих ценностных представлений $p(\mu)$). Другой модус взаимодействия - трансперсональный.

Это - размыкание индивидуализма, трансформация своих ценностных представлений, позволяющих создавать гиперличности. Это перекликается с представлениями французского персонализма, где человеческое общение - это "близость близкого". способность "встать на место другого". "заменить другого".

Теперь можно вернуться к проблеме гипноза. Сопоставление гипноза со сном хотя бы в плане эвристическом сейчас не вызывает возражений. Но мы все знаем по личному опыту, что во сне функция распревления р(μ), задающая значимость ценностных представлений, а в значительной степени сглаживается - во время сновидений мы разрешаем себе поступки, которые никогда не совершили бы в состоянии бодрствования. В гипнотизируемого, находящегося в таком состоянии, гипнотизер легко может впечатать свою систему ценностных представлений. Так создается гиперличность с одной доминантой. Шерток это явление описывает так:

"Гипнотизируемый воспринимает внушения гипнотизера так, словно они исходят не от другого лица, а от него самого. Как только эта ситуация достигнута, гипнотическое состояние уже достаточно углубилось и отношения с окружающей средой могут быть восстановлены без риска нарушить состояние гипноза: внешние стимулы проникают в сознание, но они теперь отфильтрованы, перестроены в соответствии с полученными внушениями".

Это значит, что фильтр гипнотизируемого - его ценностная система $p(\mu A)$ - оказался замененным ценностной системой гипнотизера $p(\mu B)$. Эту перестройку мы можем рассматривать как процесс, развивающийся на семантическом поле:

"Несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не удалось обнаружить никакого физиологического признака, позволяющего определить, находится ли испытуемый под гипнозом или нет. Тем не менее, хотя мы не можем говорить о гипнотическом состояния в строго физиологическом смысле, нам кажется несомненным, что гипноз представляет собой особое состояние сознания, предполагающее определенное изменение психофизиологической реактивности организма".

Теперь перейдем к обсуждению процедуры психоанализа, опираясь на Шертока. Это тоже углубление межличностных отношений. Психоанализ может рассматриваться и как "долговременное внушение", которое может осуществляться и на внеязыковом уровне через молчание аналитика. Во всяком случае сама ситуация здесь не лишена гипногенных и медитативных элементов: "...со средоточенность, молчание, положение лежа, тишина". В нашей системе представлений здесь опять идет речь о порождении типерличности. Об этом свидетельствует и феномен трансфера: "...принцип которого состоит в том, чтобы никогда не отделяться друг от друга, оставаясь всегда соединенными друг с другом, образуя единое существо, или вериее, находясь друг в друге".

Примечательно, что время, необходимое для порождения гиперличности, в технике психоанализа непрерывно увеличивается и теперь уже исчисляется десятилетиями.

Итак, пытаясь идентифицировать личность, надо учитывать пять ее существенно различных начал:

- 1) телесное начало;
- 2) EGO, характеризующееся ценностной ориентацией $p(\mu)$;
- 3) мета EGO способность порождать нетривиальные фильтры $\mathbf{p}(\mathbf{y}/\mu)$ в критической ситуации;
- многомерное раскрытие личности и ее корреляционную упорядоченность;
- глубину межличностных отношений, трансцендинтирующихся в гиперличность.

Личность выступает перед нами в своей многомерной многоликости. Проблема идентификации есть проблема раскрытия этой многомерности.

Хочется отметить, что данная модель личности сходна с представлениями буддизма о иллюзорности личности - невозможности обнаружить какое-либо устойчявое, вневременное "Я". В нашей модели наиболее устойчявой характеристикой оказывается таинственная способность порождать нетрививальный фильтр р(у/и), но она с трудом просматривается сквозь множество других скользящих характеристик. Мы понимаем, почему христианская антропология остановилась на телесной капсулизированности и декларировала ее нетленный характер Доминантой христианства ввляется любовь - кобововь всеобемалющая, всеохватывающая, распространяющаяся и на "врагов наших". Для того чтобы была возможна такая любовь, нужен вполне конкретный, отнюдь не иллюзорный, объект бытия.

Может быть, два взаимно исключающих подхода - Восточный и Западный образуют те два дналектически дополняющих друг друга принципа, вне которым вы не можем осмыслить реальность Эдесь мы столкнулись с основной проблемой метафизики - проблемой существования. Критерий существования не найден. Сама проблема существования приобретает сейчас общенаучный характер, во всяком случае из метафизики она уже перекочевала в современную физику.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе мы пытались показать, как введение представления о сематическом поле может углубить понимание природы личности и межличностных отношений. Мы далеки от мысли о том, что всеобъемлющая теория личности может быть построена. Личность - это в конце концов всегда не более чем некий, создаваемый нами конструкт. Желая охватить все многообразие реально наблюдаемых явлений через это понятие, мы оказываемся стоящими перед проблемой идентификации. Нам надо идентифицировать наше представление о личности,глубоко погруженной в межличностные отношения. Но всякая попытка однозначно воссоздать образ личности в рамках какой-либо определенной концептуализации неизбежно будет приводить в тупик. Единственное, что можно сделать, это попытаться раскрыть смысл проблемы и показать се многоаспектность. Для этого на гипотетико-аксиоматическом уровне надо вводить новые представления. Одним из них ввляется представление о семантическом поле и его вероятной проявленности.

Отдаем себе отчет в том, что введение новой аксиоматики, если и разъясняет неий круг проблем, то только за счет того, что перед нами возникнут новые, иерархически стоящие выше, более сложные проблемы.

Обращение к математической модели, выступающей в психологии всегда в роли метафоры, позволяет в какой-то мере преодолеть эту нарастающую сложность, так как модель по существу является сверткой неизбежно разрастающейся концептуализации - ее компактным вариантом. Построенная с помощью символов она позволяет создать цельный образ, сделать взаимодействие с проблемой наглядным и более доступным.

A. IIIEPTOK

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ ВНУШЕНИЯ

За последние 20 лет ситуация в психотерапии сильно изменилась благодаря возникновению множества новых методик и концепций - сначала в США, затем и в Европе. Их количество и многообразие способно привести в замешательство. По словам Дж. Франка, "можно только удивляться изобилию теорий и методик, которое сопровождается оглушительной какофонией соперничающих взглядов". В той же связи Х. Страпп (с добрыми намерениями, проявляя чрезмерную склонность к администрированию) предложил даже создать некую официальную инстанцию, аналогичную американской Службе надзора за пищевыми продуктами и лекарствами, для защиты пациентов от бесполезного, а тем более опасиого дечения.

Еще в 1961 году в своей, теперь уже классической, работе "Убеждение и леение" Франк начал поиск факторов, оказывающих целительное воздействие психотерапии. Подобные поиски широко ведутся и другими американскими исского воздействия, которые мы здесь не будем перечислять. Опираясь на работы последних 30 лет, М. Парлофф констатировал, что действенность различных видов психотерапии примерно одинакова, причем невозможно определить роль отдельных факторов в каждом из них. Он подчеркнул, что во всех этих видах психотерапии есть общие неспецифические элементы, которые иногда могут играть решающую роль.

Построив классификацию различных видов психотерапии, Дж. Мармор пришел к выводу, что "основой добого успека в психотерапии является хороший контакт между врачом и больным". К тому же заключению пришел и Т.Б. Карасу, президент комиссии, созданной Американской психиатрической ассоциацией для издания справочника по различным видам психотерапевтических методик. Он заявляет даже: "Важно не то, что именно делает психотерапевт; важно то, что он есть". Кстати, то же говорил еще 3. Фрейд.

ОТНОШЕНИЕ ВРАЧ — ПАЦИЕНТ

Отношение между врачом и пациентом - наиболее важный из неспецифических целительных факторов в психотерапии. Эта истина всегда признавалась и применялась на практике. Не кто иной, яка Месмер дав столетия назад ввел этот фактор в область "научного" эксперимента вместе с понятием матнетического тфлюида", который определялся им как материальная сила, связывающая врача с пациентом. Начиная с 1850 г. у Брейда, а затем у Льебо и Бернхейма слово "матнетизм" выходит из употребления и заменяется словом "гипноз", а вместо "матнетического флюма", они начинают говорить уже о "внушении" (зидезіюп). Термин "внушение" был весьма популярен вплоть до начала XIX века. В дальнейшем он употреблялся с большими отраничениями (за исключением областиннотерапии и экспериментальной психологии). Парлофф даже не называет его среди других неспецифических элементов, которые играют терапевтическую родь в вазаменых видменья видменье видменья видме

Можно только удивляться тому, что это слово ни разу не встречается в специально посвященной проблеме плащебо статье. А ведь хорошо известно, что плащебо - это прежде всего внушение. "Плащебо - это психотерапия", - пишет Франк, хотя к понятию внушения он не обращается.

Мармор называет внушение одним из лечебных факторов, но связывает его с убеждением (ретяшазіоп) и не считает его роль основной. Этот термин имеет свою историм в психотерапии. Его использовал еще дмоўча (ученик Бернхейма, восставший против своего учителя), считая внушение безнравственным и стремись заменить его убеждением, т.е. рациональной процедурой, предполагающе участие воли и сознания пациента. У Франка, однако, слозю "убеждение" имеет несколько иной смысл. Как и многие арутие слова французского языка, перейдя в английский язык, оно подверглось определенному переосмыслению. Если пофранцузски это слово обозначает некую интеллектуальную процедуру, то английское слово ретяшазіоп обозначает некую интеллектуальную процедуру, то английское слово ретяшазіоп обозначает некую "смесь" аффективных и рациональных элементов. Именно таков облик слова "убеждение" в трактовке Франка. Оно окватывает, наряду с другими факторами, и внушение, причем роль его различных составляющих остается довольно неопределенной. С таким многоликим понятием тоумо работать.

Продолжая изучать изменения, наступающие в процессе психотерапевтического воздействия, Франк формулирует итоги и выводы в статье "Терапевтические факторы, общие для всех видов психотерапии". Автор стоят на точке эрения, согласно которой в различных видах психотерапии существуют общие целительные элементы. Они воздействуют на то, что Франк называет деморализацией, - феномен, обнаруживаемый у всех без исключения пащентогь, каковы бы ни были симптомы из заболеваний. С деморализацией он рекомендует бороться, предлагая пациенту "помощь человека, который дает ему общую подлержку и одобрение".

Такая помощь может принимать различные формы - от исповедничества до тренировки самоконтроля. Действенность этих процедур, добажлет автор, зависит от хорошего контакта между пациентом и врачом. Но что в конечном счете кроется за этим "хорошим контактом", как не внушение (косвенное, как увидим далее)?

Термин "внушение" породил столько путаницы и предубеждений, что сегодия просто необходимо дать ему более четкое определение. Поначалу его использовали в исихотерапии для обозначения преднамеренного влияния врача на пациента. Это влияние во многом зависит от доверия пациента к врачу. Уже одно только доверие играет терапевтическую роль. Фрейд напоминает, что в древности считалось необходимым, чтобы перед посещением лекаря больной пребывал в состоянии "ожидания с верою". Фрейд объясняет это следующим образом: "Хотим мы того или нет, но на успешность лечения, проводимого врачом, влияет некий фактор, зависащий от психической предрасположенности пациента".

Воздействие подобного типа тоже называют внушением, добавляя такие определения, как косвенное, непреднамеренное (так что возникает даже некое противоречие, поскольку слово *suggerer* этимологически восходит к *sub-gerer* и, следовательно, предполагает волевое действие). Возникает потребность в новом термине, и мы еще вериемся к этому вопросу.

Разрабатывая свою концепцию и стремясь сделать ее научной, Фрейд попытался избежать внушения в обеих его формах: как прямого, так и косвенного. Он полагал, что, отказавшись от гипноза, он тем самым избавится и от прямого внушения. Что же касается внушения косвенного, то избежать его было гораздо труднее, поскольку, как признавал сам Фрейд, "его невозможно дозировать или котя бы контролировать силу его воздействия". Фрейд столкнулся, таким образом, с важнейшей проблемой: как можно овладеть этим неискоренимым, но неуловимым феноменом, научно его использовать? Ответ Фрейда таков: косвенное внушение постепенно растворяется в ходе анализа и истолкования трансфера. Подобное решение отвечало его рационалистической установке, ибо аффективное оказывалось подчиненным познавательному. Однако ныне такой ответ вызывает возражение: достаточно сказать, что трансфер не всегда растворяется в конце лечения и что между аналитиком и пациентом часто сохраняется аффективная связь. А это заставляет предположить, что чувства, которые пациент испытывает по отношению к врачу в процессе анализа, не всегда связаны по сути своей с трансфером. Они не всегда принимают форму повтора, не всегда вписываются в историю пациента, подчас они оказываются "привязанностью", аналогичной той, которая возникает на доречевой стадии. На чувство "привязанности" обратили внимание в своих работах Боулби и ученые-этиологи. Очевидно, что понятия трансфер и внушение не перекрывают друг друга полностью. Внушение является условием трансфера: без него трансфер не возникает. Однако внушение не входит целиком и полностью в трансфер, в нем остается нечто такое, что ускользает от анализа.

Более того, когда трансфер действительно имеет место, его истолкование не всегда обосновано. Оно должно опираться на историю пациента, однако, как показали Видерман, Рустан и Спенс, сомнения возникают в связи с самой возможностью истинной реконструкции этой истории. Рустан говорит даже, что аналитик сам выдумывает те элементы, которых не кватает в истории пациента, навязывает их ему. А в этом случае внушение - опять-таки в прямой, волевой форме - вновь появляется в анализе.

ГИПНОЗ КАК ПАРАДИГМА ВЛИЯНИЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Необходимо отметить, что после второй мировой войны в трудах многих психоаналитиков, исследовавших отношение между врагом и пациентом, выявлены аффективные связи, аналогичные тем, которые существуют на ранних стадиях в отношениях матери и младенца. Со своей стороны Кьюби подчеркивал момент симбиотической слитности в гипнозе. Но разве этот момент не содержится в том, что мы до сих пор, за неимением лучшего термина, называли косвенным внушением?

Значимость этих симбиотических связей заставляет обратить внимание на целительную роль эмпатии. Данным термином обозначается аффективная связь во всей ее силе и глубине. Нужно, однако, признать, что об этом фундаментальном отношении, к которому приходится все чаще и чаще обращаться, мы почти ничего не знаем, несмотря на посвященную ему общирную литературу. Маннони говорит даже, что понятие эмпатии - ничего не объясняющая отговорка. Оно связано с аффектом, относительно которого Фрейд говорил в 1920 г.: "Это наименее ясная и наименее доступная область психической жизни". В своей недавно вышедшей книге Р. Шаффер уделил много места процессу эмпатии. Словом "внушение" он не пользуется. Однако как можно говорить об эмпатии, не рассматривая аффективную связь, которая лежит в ее основе? Хотя Шаффер критикует натурализм Фрейда, его отношение к эмпатии воспроизводит отношение Фрейда к внушению: Шаффер полагает, что эмпатией можно управлять посредством истолкования. Здесь мы сталкиваемся с вопросом о том, какова соответственно доля когнитивного и аффективного в процессе психотерапевтического воздействия. Именно этот вопрос уже возникал по поводу катартического метода: что же все-таки вызывает исчезновение симптома - осознание или отреагирование? Как известно, роль истолкования - вопрос спорный. Некоторые считают ее совсем незначительной. Здесь мы имеем в виду прежде всего Рустана, для которого "длительный анализ есть постепенное, нить за нитью, плетение некоей симбиотической ткани, в которой бессознательные элементы все больше и больше (хотя и безмолвно) сообщаются друг с другом под покровом языкового анализа".

Целительный элемент, несомненно, следует искать в аффективном отношении. Неясно, однако, как, собственно, происходит излечение; во всяком случае наблюдать этот процесс трудно. Итак, существует такой воспроизводимый в эксперименте феномен, который свидетельствует о глубинных психофизических изменениях: это гипнотическое ввушение, дающее иногда весьма впечатлющие результаты, такие, как анестезия, позволяющая проводить хирургические операции, возникновение внушенного ожога и т.д. Мы считаем, что этот феномен - парадигма того влияния, которое оказывает межличностное отношение.

Неслучайно Фрейд придавал гипнозу первостепенную важность в разработке своей концепции: "Переоценить значение гипнотизма в развитии психоанализа невозможно". Хотя в какой-то момент Фрейд по разным причинам отказался от гипноза в своей практике, это не мещало ему интересоваться гипнозом с теоретической точки зрения. В 1921 г. в работе "Психология толпы и анализ "Я""

гипноз все еще занимает ведущее место. Во всяком случае верно, что Фрейд, по его собственному признанию, так и не смог решить загадку гипноза.

После кончины Фрейда его ученики уже не проявляли такого интереса к данной проблеме. Среди ортодоксальных психоаналитиков исследователей гипноза можно перечесть по пальцам. Но и их работы в данной области уже принадлежат истории, ибо в течение последних двадцаги лет гипноз практически исчез с психоаналитической сцены. Историки и теоретики психоанализа считают, что уже само возникновение психоанализа упраздняет роль гипноза. Однако эпистемологически это - серьезное заблуждение. Открытия Фрейда, несомненно, были нерезвычайно важным моментом в истории гипноза, но ими проблема гипноза не исчерпывается. Перед нами открывается огромное поле исследований. Большинство же психоаналитико закрывает глаза на эту реальность. Однако, как недавно заявил Гилл, психоаналитик всегда должен встречать проблему лицом к лицу, а не держать ее под спудом, как это поразительным образом делается с проблемой внушения.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отвергнутый психоаналитиками гипноз стал областью исследований в экспериментальной психологии. Огромное количество публикаций свидетельствует о том, как много делается в этой области (особенно в лабораториях Орна, Барбера, Хилгарад). Однако это мало что прибавляет к нашим знаниям о гипнозе. Как признает Вайценкофере, один из авторов станфордских шкак гипнабельности, "к 1900 году, а по сути и еще раньше, все основные данные о гипнозе уже были получены». Ничего нового с тех пор не прибавилось, и большая часть исследований, проведенных после 1900 г. (и в особенности после 1920 г.), характеризуется скорее переоткрыванием уже известного, нежели собственно открытиями".

Как объяснить, почему столь многие исследования, несмотря на применение мощного научного аппарата, не привели к новым теоретическим открытиям? Причина этого, по нашему мнению, в том, что бижевнористски ориентированные исследователи стремились прежде всего квантифицировать явления, тогда как то, что в них связано с субъектом, с отношением врач-пациент и не поддается исчислению. Никак не могли оказаться более подостворными исследования, проводимые в позитивисткой традиции, в наши дни уже устаревшей. Некоторые исследователи стремятся сойти с протоптанных троп и включить в поле исследования дажже переживания субъекта.

Ряд экспериментаторов уже начал вводить эти субъективные переживания в свои наблюдения. Тем же путем идем и мы в нашей лаборатории. Чтобы обнаружить субъективный опыт гипнотического переживания, мы принимаем во внимание не только "вертикальное" измерение гипноза (иначе говоря, не только его "лубину"), но также и "горизонтальное" измерение. В своей диссертации нашему сотруднику Мишо удалось описать четыре формы гипноза, найти для каждой из них свой психодинамический коррелят. Любопытно, что его данные

согласуются с клиническими наблюдениями, проводившимися в течение всего XIX века (их глашатаем был Шарко).

Отметим, наконец, что в Москве Рожнов и Бурно описали различные формы транса и специфику их субъективного переживания, соответствующую различным психическим структурам. Они справедливо возражают против понятия глубины типноза. Могут ли располагаться на одном континууме мгновенно вызванное солизайлимическое состояние и всегий тапис?

WAYOU OUCKAE ACKAHAA

Мы хотели бы теперь оставить твердую почву экспериментальных исследований и переместись чуть ли не к антиподам, а именно: в область философии. Во Франции существует целое гечение, которое опирается на гипносутгестию в поисках поддержки и обоснования своих собственных философских идей. Еще в XIX веке в Германии великие философы- Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопентауэр провявлялж живой интерес к "животному магнетизму", как в те времена называли типноз. Вряд ли можно удивляться этому, поскольку феномен гипносутестии непосредственно затративает и междичностное влияние, и внутриличностное отношение между телом и душой. Направление, о котором мы говорим, представлено прежде всего уже упоминавшимися психоаналитиками- Маннони и Рустаном (в прошлом - учениками Лакана), а также группой философов из страсбургского университета (М. Борх-Якобсен, Ж. А. Накси, Э. Мишо). Они критикуют философию субъекта и стремятся уничтожить само разграничение между "я" и "другим". У истоков этого течения мы находим таких мыслителей, как Бубел. Асвина. Лельша Согосена). Живарь.

Согласно сторонникам этого направления, гипноз создает благодатную поразом набаюдать воздействие внушения, которое оставалось для Фрейда загадка вновь возникает и в психоанализе, хотя он исклочает гипноз из своей практики. Еще в 1917 г. Фрейд заветил: "..... мы отказались в нашей методике от гипноза только для того, чтобы вновь обнаружить внушение в форме трансфера". Первой в 1950 г. обратила внимание на это высказывание Ида Мъзалини в ее, оставшейся тогда не замеченной, статъе. Недавно Борх-Якобсен под впечатлением того же высказывания Фрейда посвятил ему пространный коментарий в книге "Фрейдовский суб-бект": "Если трансфер и внушение - одно и то же, тогда загадка внушения неизбежно бросает тень и на трансфер, и на все то, что подразумевается под этим словом в психоанализе. Иначе говоря, на все, на весь психоанализе.

Маннони завершает этот захватывающий исторический очерк психотерапии признанием, что трансфер ускользает от научного хаучения, что "он поистине является не подавющёся теоретическому осмыслению частью анализа".

¹ У назаванных выше философов часто отмечается недифференцированное копользование терминов "внушение" и "типноз". Это не удивительно, если учесть, что они - не практикующие врачи и что вовсе не специфика этих явлений привлекает их внимание. Их интересует то, что между этими явлениями общего, - межличностное взаимодействие. Выше мы уже видели, что уподобление трансфра и гипноза вовсе не самоочевидно.

Рустан также замечает, что Фрейду не удалось построить теорию трансфера, и усматривает причину этого в нежелании Фрейда отказаться от традиционного понимания субъективного: "Фрейд не дает теории трансфера именно вследствие его солипсистского взгляда на область субъективного"; он не признает того, что "не существует субъекта без межличностного отношения, которое и придает субъекту сущность "другого".

Последние соображения уже, очевидно, являются чистой спекуляцией и могли бы стать предметом долгих дискуссий. Спор на эту тему, однако, не входит в наши намерения. Заметим липь, что, ополчаясь против идеи субъекта, упомянутые авторы, по-видимому, забывают, что внушение - это отношение между людьми, в котором каждый сохраняет свою телесную самотождественность. Уже Спиноза на свой лад постулярует перазрывность тела и аффекта. Заслуга этих авторов, однако, в том, что они подчеркнули значение внушения в психовнаилае. Они побуждают нас вновь обратиться к вопросу, доселе не разрешенному, - к вопросу о роли, которую играет внушение в психовнаилае.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Внушение, присутствующее во всех видах психотерапии, играет основную роль в процессе лечения. Это - признанный факт, хотя сам термин "внушение" используется не всегла. Каждый психотерапевтический метод, претендуя на оригинальность, подчеркивает свои специфические факторы, преуменьшая значение таких же факторов в других методах. Так, психоаналитики хранят молчание относительно внушения, трактуя его на основе тех же предрассудков, что и гипноз, хотя, по словам самого Фрейда, психоаналитики, "распоряжаются на следством" гипноза. Некоторые психоаналитики, однако, признают, что трансрер вышел ыз гипноза. Что же касается психологов-экспериментаторов, то они, конечно, много говорят о внушении, хотя за несколькими исключениями лишают его тлубинного содержания, а именно: той аффективной связи, на которой так настаявал фоейл, не пытаясь, праваль, латье й какое-дибо объяснение.

Приходится признать, что мы и поныне не знаем об этом больше того, что было известно Фрейду. Невозможно отрицать, что речь идет о ключевой про-блеме, и покуда она не разрешена, нечего и говорить о научности психотерапии. В наши дни, как мы видели, нельзя дать оценку наиболее действенным результатам психотерапевтического лечения. Как говорит Парлофф, "паиболее значимым открытие в области психотерапии будет то, которое позволит в конечном счете продвинуть вперед наше понимание механизмов лечения".

На имнешней стадии наша первоочередная задача заключается в том, чтобы ясно и прямо сформулировать те различные проблемы, которые возникают в связи с внушением. Прежде всего полезно дать опредление понятия внушения, которое сохранило бы все то, чему научила нас в этом отношении история. Внушение - это телесно-аффективный процесс, неделимое психосоциобиологическое единство, функционирующее на очень древнем уровне бессознательного по сю сторону трансфера, опосредующего влияние одного индивида на другого, и способное вызвать очевидные психологические или физиологические изменения.

В качестве гипотезы мы можем представить себе внушение на манер первоначального отношения между матерью и младенцем, тде аффект и тело составляют едино целое. Именно поэтому мы и говорим о "телесно-аффективном" процессе. Что же касается выражения "психосоциобиологическое единство", то оно для нас обосновывается тем фактом, что в случае внушения один мыслящий, говорящий, чувствующий индивид оказывается связанным с другим индивидом (в способность которого исцелять он верит) аффективной связью, вписанной в генетический кол.

Приведенное определение покрывает то, что выше было названо "косвенным внушением"; ны предпочитаем во избежание двусмысленности заменить его выражением "первичное отношение" (relation brimaire).

Конечно же, приведенное нами определение не претендует на исчерпывающий и окончательный характер. Оно должно рассматриваться как орудие познания, которое, естестеленно, должно изменяться в ходе исследований. Эти исследования должны проводиться одновременно в различных дисциплинах, причем на скорые результаты рассчитывать не приходится. В ожидании этих результатов психотерапетам придется работать в состоянии неуверенности, которое само по себе не должно вызывать отчаяния, если оно восполняется надежностью интупции и прочностью опыта. Необходимо, однако, сознавать эту они не знают. Имаче говоря, в области психотерапии, пока еще столь мало изученной, необходимо отказаться от догматизма, допустить наличие многих точек зрения, проявлять штороту възглада.

В А ФАЙВИШЕВСКИЙ

БИОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ

ВВЕЛЕНИЕ

В настоящей статье мы исходим из представления о личности человека как о многослойном образовании, в котором с определенной степенью огрубления можно различить три мовия:

- 1) допсихический биологоческий.
- 2) психический эмоциональный, тесно связанный с биологическим уровнем, и
- сознание, связанное, с одной стороны, с эмоциональным уровнем, а с другой - с социальными факторами.

При возникновении в эволюции новых, высших функциональных систем старые во многих случаях не исчезают бесследно и деятельность их не прекращается. Она лишь перекрывается деятельностью новых систем, включаясь в них, интегрируясь ими. Вместе с тем старые системы, продолжая функционировать в рамках новых или паралельно им, могут оказывать на деятельность последних то или иное влияние. В свою очередь и новые системы, возникающие в филогенезе для того, чтобы функционирование организма стало более совершенным, помимо этой, подчиненной нуждам организма деятельности, могут порождать особые формы поведения, не служащие непосредственно организму, а обусловенные свойствами самой вовой системы, которая, таким образом, становится источником новых потребностей. При этом каждая новая функциональная система может вступать не только в синертичные, но и в антагонистические отношения с предшествующим системами.

Трудно сомневаться в том, что человеку, коль скоро он является продуктом биологической эволюции, присущи наиболее фундаментальные биологические закономерности и инстинкты самых различных уровней организации живого. Поэтому мы полагаем, что невозможно почять закономерности, по которым формируется и действует личность, не поняв влияния, которое оказывают на психический и социальный уровние е проявления биологические, "для себя функционирующие", компоненты человеческой природы.

Обычно влияния, которые сознание испытывает со стороны эволоционно более древних систем мозга, либо с трудом поддаются осознанию (это нераспознанные в себе, понятийно не дифференционированные эмоции), либо являются в принципе субъективно неосознаваемыми. Здесь уместно уточнить содержание, вкладывемое нами в теммии "бессознательное".

Мы разделяем точку зрения тех психологов, которые под бессознательным понимают не все то, что просто не осознается (например, физиологические автоматизированные психические процессы), а лишь те неосознаваемые явления, которые обладают мотивационным действием, т.е. влияют на побуждения, эмоции, образ мыслей и действия индивида. При этом бессознательное психическое неоднородно по своей природе и происхождению. Следует различать, по крайней мере, два типа неосознаваемых психических явлений. Один из них - это бессознательные явления, вторичные по происхождению и, так сказать, постсознательные явления, вторичные по происхождению и, так сказать, постсознательные, которые прежде были содержанием сознания, но оказались вытесненными из него (психоаналитическая литература, в основном, касается именно такого рода бессознательных явлений).

Аругой тип бессознательного представляют собой те психические явления, которые никогда не были (и часто так и не становятся) содержанием сознания и по времении предмествуют ему. В частности, это те психические явления, которые существовали до возникновения сознания как в филогенезе, так и в онтогенезе человека. В сущности, бессознательное этого рода возникло только с появлением сознания и поэтому бессознательные психические явления этого типа являются досознательными. Именно вопрос об участии в структуре личности бессознательного 2-го типа мы намерены обсудить в настоящем сообщении.

То, что было сказано выше о взаимоотношениях зволюционно новых и старых физиологических систем, относится также к взаимодействию досознательных психических процессов и сознания. Последнее зволюционно возникло в качестве инструмента, способствующего наилучшей адаптации организма к окружающей среде, и функция его заключается в управлении психикой. Однако отсюда вытекают неизбежные коллизии между сознанием как руководящей инстанцией, с одной стороны, и руководимой им (а порой "сопротивляющейся" этому руководству) системой более древних психических (досознательных) и даже физиологических процессов, оказывающих со своей стороны известное влияние на деятельность управляющей инстанции. Поэтому в психике человека невозможно наблюдать раздельно деятельность сознании и бессознательного, ибо ни одна из этих сторон психики не существует сама по себе.

О БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМАХ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

Хотя поведение животных никак нельзя назвать осмысленным, однако объективно оно всегда имеет смысл, то есть направлено на удовлетворение потреб-

ностей, связанных с поллержанием жизни и воспроизволством потомства. Повеление человека, как правило, бывает субъективно осмысленным, то есть сознательно направленным на достижение желаемого. Однако стремления человека далеко выходят за рамки чисто биодогических потребностей, а порой и противоречат им. Более того, стратегия поведения человека подчяс не соответствует тем целям, которые он осознанно преследует, хотя эта стратегия может им субъективно восприниматься как алекватная этим пелям. И это оптушение смысла СВОЕЙ ЛЕЯТЕЛЬНОСТИ. ВЫЗЫВАЯ ЧУВСТВО УЛОВЛЕТВОПЕНИЯ. СЛУЖИТ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ HOANDEHARM AND HOAGAWEHED ARTEALHOCTE HEREAND HO CHIECTRY WINDHIE ональной. И наоборот, субъективное ошущение своей леятельности как бессмысленной прекращает ее Этот фундаментальный принцип которому поличняется аушевная жизнь человека, названный Ф.В. Бассиным "законом смысла". часто преобладает над реальной пелесообразностью в иерархии факторов, организующих течение психических процессов. Каковы же эти, по нашему мнению. имманентно присущие психике человека механизмы, которые лежат в основе смыслообразования? Глубиность и абсолютность этих механизмов побужлают UCKATE NA NCTOKU B HEADAX BROAMHUOHHO ADERHEMIINA DELASTODOR HOREACHUS. K ним должна относиться, пожадуй, самая фундаментальная мотивация поведения животных - стремление быть ориентированным в среде обитания. По определению самого общего характера ориентированность организма дюбой сложности, начиная с самого элементарного, заключается в его пространственной ограниченности от окружающей среды, наряду с постоянным контактом с ней, необходимыми для поддержания живой системой своего равновесного состояния. Ориентированность в таком понимании является обязательным свойством дюбого живого образования.

Свойство и способность быть постоянно ориентированным в среде обитания является первейшим из необходимых условий для выживания живого, и поэтому направленное на ориентировку поведение не может не регулироваться соответствующей потребностью на всех ступенях эволюции.

Предтечу этого типа поведения можно наблюдать уже у растений в форме гео- и гелиотропизма, а у простейших в виде фото- и хемотаксиса. У животных для более совершенной их ориентировки в окружающей среде возникают особые инструменты в виде специализированных органов чувств, а также специфические физиологические механизмы и формы поведения. Наблюдения этологов дают в изобилии свидетельства того, что стремление к ориентированности в обстановке выявлетов, одним из доминирующих мотивов поведения животных.

Единственная реальность, в которой приходится ориентироваться животным, - это объективно имеющееся в данный момент и воспринимаемое ими непосредственно-чувственным образом пространство, а у стадных и стайных животных - также другие особи сообщества. На местности главным ориентиром для нестадных животных является жилище. Ориентирование в сообществах у стайных или стадных животных обусловливается ранговой стратификацией членов группы, где главным ориентиром для всех служит вожак.

Мы полагаем, что стремление быть ориентированным в окружающей среде эта одна из самых фундаментальных мотиваций, формирующих поведение животных, существует и широко проявляется в качестве неосознаваемого инстипкта также и у человека. И у него имеется потребность - осознаваемая и неосознаваемая - быть ориентированным в пространстве и выделять в нем ориентиры. Аюди, неожиданно оказавшиеся в незнакомом месте, обычно испытывают растерянность (можно думать, что растерянность - это чувство, являющееся специбическим негативным подкреплением инстинкта ориентировки).

Однако в отличие от животных у человека, обладающего стойкой памятью, способностью к образному и абстрактному мышлению, кроме объективной реальности пространства, данной ему в непосредственном ощущении, имеется вторая реальность - субъективная, которую образует совокупность интрапсикических явлений, отражающих весь жизненный опыт индивида. Именно через посредство этой субъективной интрапсихической реальности человек в основном и воспринимает реальность внешною. В сушности для нас субъективно значимой является не все окружающая действительность, а лишь те ее фрагменты, которые становятся содержанием нашего сознания и оцениваются в контексте установок, создаваемых прошлым и ожидаемым будицим.

Можно предполагать, что у древнего человека эта субъективная реальность была не менее яркой, чем объективная. На это, видимо, указывает яркое воображение у детей, феномены эйдетизма и грезоподобных фантазий. Поэтому есть основания думать, что и в отношении субъективной, интрапсихической реальности действовал и действует поныне тот же инстинкт ориентировки, тот же неосознаваемый поиск опорных ориентиров, то же неосознаваемое стремление организовывать эти ориентиры иерархически структурированные системы, которые существуют в отношении объектов внешней реальности. Предположение о наличии такой неосознаваемой потребности в организации своих цсихических пропессов в качестве имманентного свойства человеческой психики догически вытекает из того, что она, эта потребность, должна порождаться тягостным субъективным состоянием, близким к невротическому, при неупорядоченности этих процессов. Эта неосознаваемая потребность могла сыграть существенную роль в антропогенезе и в формировании человеческого общества. Можно думать, что на ранних этапах развития человеческой психики (как в антропогенезе, так и в онтогенезе), когда уже сформированный анатомо-физиологический субстрат речевой системы только начинал осваивать свою функцию, эта потребность первобытного человека (а ныне - детей) в организации своих психических процессов способствовала формированию речи, поскольку слово, как указывает А.С. Выготский, является организатором мышления, и дети потому быстро овладевают речью, что активно ищут слова, испытывая потребность в них.

На стадии возникновения у первобытных людей осознания своей общности представляется вероятным появление у этноса потребности ориентироваться в таких категориях своего бытия, как время и мирозадние.

Потребность в ориентировке во времени могла быть одной из причин зарождения у каждого этноса весьма наприженного, хотя и лишенного конкретнопрактической ценности, интереса к своему прошлому, проявляющегося в сознании мифов о происхождении и в гаданиях, дающих чувство ориентированности в будущес.

¹ Другая причина создания таких мифов могла заключаться в ощущении необходимости

обоснования потребности во взаимном сопричастии, в консолидации членов сообщества. 2 Иные причины имеет смежная по зарактеру ритуалов магия, направленная на рациональную цель, повляять на будущее.

Стремление к постижению своего места в мироздании, в мире невидимых сил природы и своей связи с ними могло сыграть определенную роль в возникновении религиозного чувства, а выработке различных форм религиозного мировоззрения.

Сам феномен мифотворчества (как и вообще универсальная тенденция к формированию мировозарений) становится более понятным, если рассматривать его как проявление присущей человеческому мышлению, в первую очереды коллективному, потребности иметь ориентиры во всех сферах своего бытия. Поразительная устойчивость мифов и религий на всех этапах развития общества и культуры состоит не столько в том, что они помогают понять мир в его объективных причинно-следственных связях, сколько в том, что помогают объяснить его себе, то есть привести в порядок (в систему) совожупность субъективных интрапсихических впечатлений о мире и о с воем месте в нем.

Высказанные соображения касаются не только коллективных представлений. Инстинкт ориентировки, как мы полагаем, оказывает не меньшее влияние и на формы организации индивидуальной психики.

Так, с возникновением предощущения и ощущения своего "Я" (как чего-то отличающегося от "не-Я") инстинкт ориентировки должен был появиться и в отношении этого психологического феномена в нескольких аспектах.

В феномене "Я" Мы разделяем представления А.Б. Добровича о том, что ощушение "Я" возникает в онтогенезе как следствие интериоризованного диалога с более или менее обобщенным образом "Другого", формирующимся в интрапсихической реальности субъекта в процессе овладения им речью в результате социальных контактов., заключающемся в ощущении субъектом своей отдельности, самостоятельности, отличия от других индивидов, можно наблюдать две сосуществующие и противоположно направленные тенденции в отношении к другим индивидам. Они проявляются в стремлении, с одной стороны, к эмоциональному сопричастию с другими людьми, в чувстве "приязни" и в потребности быть объектом такой же приязни ("потребность дюбить и быть дюбимым"), а с другой стороны - в желании сохранять свою отдельность, что в оптимальном варианте проявляется в стремлении к независимости, свободе, в чувстве собственного достоинства. В определенных случаях эта потребность в отдельности может включать в себя в качестве компонентов эмоции оборонительного и лаже агрессивного характера, обусловленные деятельностью соответствующих физиологических систем, о чем будет идти речь ниже.

Исходя из выше приведенного определения ориентированности, можно предположить, что эти две тенденции (стремление к контакту и к отгороженности) гомологичны поведенческим тенденциям, отмечающимся у животных, и являются производными инстинкта ориентировки, проявляющегося на уровне психологического феномена "Я". Эти тенденции имеют харажтер весьма напряженных потребностей, неудовлетворенность которых может вызывать сильнейшие страдания - страдания одиночества при неудовлетворенности первой из них и чувство зависимости, при неудовлетворенности второй.

Амбитендентность "Я", то есть стремление к контакту, наряду со стремлением к ограничению от других, возможно, составляет психологическую основу этногенеза. Во всяком случае этнографы и историки первобытного общества считают, что "система отношений "мы - они" составляет объективную (правильнее сказать - субъективную - В.Ф.) основу всякого этнического сознания и самосознания".

Аругим определением инстинкта орментировки при возникновении ощущения "Я" является неосознаваемая потребность у человека поиска места своето
"Я" среды других членов общества. При этом каждый субъект может опираться
на один из друх орментиров в качестве главного - либо на свое "Я", либо на "В"
другого (который в свою очередь может иметь собственные орментиры в сообществе). Похожая, по крайней мере, по форме ранговая стратификация (от особи "альфа" до особи "омега") наблюдается в сообществах животных, причем, по
наблюдениям этологов, эта иерархия поддерживается инициативой не только
особей высших, но и низших рангов. Элементы аналогичного механизма, как мы
предполагаем, лежат в основе спонтанной иерархизации человеческих, так называемых "малых групи".

Психологическая готовность к восприятию общества как системного множества и ощущение себя в качестве одного из его элементов могла быть одной из предпосылок спонтанной иерархической самоорганизации прачеловеческих и человеческих коллективов на ранних стадиях социогенеза и принятия социально стратифицированной системы обществ на более позаних исторических этапах.

В условиях сформированного человеческого общества психика человека с содержательной стороны является социально-детерминированной. При этом следует иметь в виду, тот о учеловека имеется субъективное отношение к этому содержанию своей психики. М. Кофта пишет, что "принимая решения, субъект учитывает (мы сказали, что бессозиательно оценивает - В.Ф.) личностные стандарты собственного поведения, социальные требования и ожидания, иерархию ценностей и целей. При этом личность поддерживает определенное постоянство между своим поведением и внутренними моральными ценностями и номами".

Мы полагаем, что это постоянство, как и "пелостность системы фундаментальных отношений личности", обусловлены тем, что имеющаяся у каждого человека совокупность индивидуальных субъективно значимых ценностей организована в иерархическую систему по степени их субъективной значимости относительно некой высшей ценности как главного ориентира (доминирующей ценности). Наличие такой системы есть субъективно-личный "смысл" бытия, а сохранение или достижение главного ориентира системы (доминирующей ценности) - личная цель. Исчезновение этого ориентира (физическое либо вследствие обесценивания или даже в результате достижения цели и обеспечения ее прочности) влечет за собой и означает распад всей системы, когда равнозначимым или равнонезначимым становится все. Возникающий при этом хаос в сфере интрапсихической реальности субъективно ощущается как тягостное переживание (смятение, растерянность, тревожность), представляющее собой состояние, сходное с невротическим 3. Ф.В. Бассин расценивают такие ситуации как психическую травму, справедливо замечая, что "наиболее травмирующим является нарушение "порядка" в том, что является наиболее "значимым".

Существует, по крайней мере, два типа неосознаваемой психологической защиты от таких состояний. Один из них заключается в неосознании субъектом

³ Психотерапевты нередко встречаются с пациентами, у которых после успешного завершения трудной работы или окончания длительных неприятностей вместо предвкушаемого облетчения возникли истинные невозы

происшедших изменений в объективной ситуации, игнорирования ее несоответствия уже имеющейся интрапсихической картине мира. Такого рода защитный механизм, по нашему мнению, дежит, в частности, в основе обнаруженного М.А. Гомелаури в ее экспериментах явления, которое состоит в том, что уровень притязаний личности, обычно зависящий от успеха или неуспеха, адекватно менялся только тогда, когда успех и неуспех находились в зоне так называемого "автопортрета" (то есть в системе интрапсихических представлений о себе - В.Ф.). Если же успех и неуспех реако отклонялись от зоны "автопортрета", то уровень притязаний оставался неизменным. Мы полагаем, в этих условиях для адекватного изменения уровня притязаний потребовалась бы столь радикальная перестройка субъектом всей системы представлений о себе, что защитные механизмы не допускали этого и адекватность притязаний оставалась незамеченной ради сохранения неизменности данной системы. К.Кофта, описывая подобный тип психологической защитыр, расценивает его как "синжение уровня сознания".

Интрапсихическая реальность действительно может быть субъективно более значимой, чем реальность объективная, что является одной из причин, обусловзначимой, чем реальность объективная, что является одной из причин, обусловзначимость интрапсихической системы ценностных ориентиров отнюдь не обязательно сопряжена со снижением уровня сознания. Она может сотетаться и с адекватным критическим восприятием действительности и в этих
случаях, по мысли Ф В. Бассина, служит источником адекватности личности. В
сущности, под термином "дичность" в ее обиходном употреблении понимается
именно прочность субъективной системы ценностных ориентиров, ибо именно
эта прочность является основой стабильной целеустремленной активности.

Аругой гип психологической защиты - "перестройка в субъективной иерарххии значимого", благодара которой происходит установления соответствия между интрапсихической системой ценностных ориентиров и объективной реальностью при невозможности изменить последнюю. Этот тип психологической защиты обеспечивает пластичность и алаптабильность.

При всем различии вышеописанных психологических защитных механизмов v них имеется одна общая, главная черта. Она заключается в направленности защиты на сохранение или достижение "порядка в значимом". Этот порядок состоит в наличии иерархически структурированной системы внутренних (интрапсихических) ориентиров (ценностей). Неосознаваемая защита от нарушения этого сложившегося порядка, от душевного хаоса и смятения составляет, на наш взгляд, один из важных копмонентов целеобразования. Таким образом, важность и необходимость цели, ошущаемой в качестве субъективно-актуальной. определяется не только и не столько теми материальными и социальными благами, которые обретает субъект при ее достижении, сколько тем, что она является фактором, организующим душевный порядок, предохраняющим индивида от тягостного ощущения душевного беспорядка и растерянности. В этом свете само целеполагание представляется специфически человеческой потребностью, вытекающей из неосознаваемого стремления к ориентированности в сфере объектов своей интрапсихической реальности по признаку их субъективной ценности, а организация и поддержание "порядка" является фундаментальным принципом, которому автоматически подчиняется душевная жизнь человека.

Неосознаваемые побуждения, обусловленные активностью нейрофизиологического субстрата

Возникшие в зволюции новые функциональные системы, служа организму своей функцией, одновременно требуют реализации этой функции и таким образом могут порождать новые потребности, которые в свою очередь способны модифицировать поведение организма. Так, у животных известны формы поведения, которые не вызваны внешними стимулами, а с той или иной периодичностью проявляются спонтанно, например, исследовательское поведение, охотничье (в условиях сытости животного) и др.

ВЛИЯНИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ОБОРОНИТЕЛЬНО-АГРЕССИВНЫЕ РЕАКЦИИ

Этологами детально изучено так называемое агрессивное поведение. Установлено, в частности, что у различных видов животных время от времени спонтанно возинжает повышенная агрессивность, когорая разрешается в стычках по поводам и в отношении объектов, которые в другое время не провоцируют нападений. Так, петух, лишенный объекта нападения, время от времени начинает сражаться со своим хвостом. К. Лоренц, используя представления Тинбергена, объясняет спонтанные вспышки агрессивного поведения накоплением мотивационной энергия в "центрах агрессии".

Действительно, у млекопитающих, в том числе у человека, в области структур имибической системы мозга обнаружен ряд пунктов, стимуляция которых электрическим током вызывает агрессивно-оборонительное поведение, а у людей, по их самоотчетам, - эмоции неприязни, враждебности, элобы. Предполагается, что эти пункты являются элементами специализированной автономо-функци-ональной системы, генерирующей агрессивно-оборонительное поведение. Формирование в зволюции этого типа реакций и самой физиологической системы, продуцирующей их, обусловлено положительной биологической системы, продуцирующей их, обусловлено положительной биологической системы, продуцирующей их, обусловлено положительной биологической ролью соответствующего поведения, направленного на выживание особи в процессе внутривиловой борьбы и обеспечивающего более сильному животному прециущество в воспроизводстве потомства над более слабым. Однако существование таких систем обусловливает возможность их функционирования и вне связи с ситуацией опасности или конкуренции, требующих их активности. Для предположения возможности функционирования этих систем "вколостую" имеются ней-рофизилолические основания.

Аействительно, являясь нейрональными образованиями, эти системы должны функционировать, по крайней мере, согласно самым общим и основным законам деятельности нервных элементов вообще. Одним из основных свойств нейронов является их возбудимость. Она заключается в том, что под влиянием приходящих к нейронам по нервным проводникам возбуждений, вызванных внешними раздражителями, они разряжаются нервными импульсами, в которых отражается функция данных нервных элементов. Но и при отсутствии внешнего раздражителя нейроны в результате деятельности внутриклеточных и межклеточных механизмов время от времени разряжаются спонтанно. Таким образом, импульсная активность нейронов является неотъемлемым их свойством и, повидимому, обязательным условием их существования. Обычно в нервной системе целенаправленное распределение потоков импульсации обеспечивается наличием аппарата фильтрации, пропускающего закодированную в импульсах информацию соответственно ее значению. Однако, как было установлено А.А. Утхомским, при повышенной возбудимости нейронов они могут реагировать разрядами на стимуляцию иной, чуждой им модальности, привлекая" к себе импульсы, предназначенные для других функциональных систем и становясь таким образом доминантыми очагами.

В ситуации отсутствия врагов и соперников нейроны физиологических систем агрессивно-оборонительного поведения, лишенные притока адекватных раздражителей, оказываются в остоянии сенсорного голодания (депривации), вследствие чего должна спонтанно повышаться их возбудимость. В результате нейроны этих систем могут стать доминантными очагами, "привлекающими" к себе неадекватные по своей специфике импульсы из других нейрональных структур, прежде с этими депривированными системами не связанные. Вместе с тем эти нейроны могут становиться источником спонтанных импульсов.

Описанные нейрофизиологические механизмы могут лежать в основе спонтанного агрессивного поведения животных, которое проявляется в периодических, не обусловленных реальными жизненными интересами животных, стычках межа у особами одного вида.

Такое поведение могло бы нанести серьезный ущерб виду, однако у животных существует выработавшиеся в эволюции механизмы, которые предотвращают драматическое последствия подобных действий. К ним относятся так называемая "поза покорности", мгновенно и полностью блокирующая агрессию, переадресовка агрессии и незавершенные, неполные ее проявления, носящие символически-знаковый характер.

У человека тоже существуют физиологические системы, генерирующие злобные ("агрессивные") эмонии, и эти системы в соответствии с описанным нейрофизиологоческим механизмом, очевидно, также способны к спонтанному возбуждению. Проявления нездекватных эмоций раздражения, здобы, гнева, ярости достаточно часто наблюдаются и хорошо известны, чтобы требовались доказательства их существования. Однако у человека отсутствуют или, по крайней мере, недостаточно эффективно действуют присущие животным механизмы блокады агрессии (потому, как полагает К. Лоренц, что человек от природы не является сильно вооруженным хишником). Тем не менее спонтанно возникающая v человека агрессивность проявляется отнюдь не беспорядочно, а, как мы полагаем, регулируется механизмами рационализации, опирающимися на лва вышеназванных инстинкта. Прежде всего, вследствие подчинения у человека психической деятельности "закону смысла", вытекающему из инстинктивной потребности в "порядке в интрапсихической реальности, спонтанно возникающие у него злобные эмоции выступают в сознании как адекватные ситуации, то есть как имеющие смысл. В соответствии же с инстинктивным стремлением чедовека к социальным контактам, с потребностью в одобрении, в "дюбви" со стороны других людей, к которым он считает себя сопричастным, смысл злобного эффекта субъективно, хотя и ложно, интерпретируется сознанием как общественно полезное негодование против общественно вредных действий или намерений некоего "чужого" или "чужих", то есть тех, кто не включен в сопричастную группу и, следовательно, противопоставляется ей как враг.

Часто наблюдающееся (например, при склоках в коллективе) сосуществование враждебности по отношению к "чужим" ("врагам"), с одной стороны, и стремления к объединению со "своими" (для их защиты и совместной борьбы), с другой, а также одновременное нарастание напряженности этих чувств наводит на мысль о том, что обе эти противоположные эмоции функционально взаимосвязаны и сенсибилизируют друг друга. Зло почти никогда не совершается с субъективным пониманием его как такового, а всегда выступает под маской "блага" для общества и "справедливого возмездия" для тех, против кого оно направлено. Даже в тех случаях, когда человек творит зло в сугубо эгоистических целях, он искренне полагает, что кем-то когда-нибудь будет понята и оценена правомерность его действий. Таким образом, эло для своей реализации нуждается в моральной санкции других людей ("своих"), пусть даже представляемых абстрактно или воображаемых.

Когда человека постигает сознание, что его поступок будет осужден абсолютно всеми и он сам не находят ему оправдания даже со сторовы инстанции внутреннего "Арутого" (ЯТ), тогда возникают угрызсния совести, чувство вины, которое сопровождается резким снижением самооценки (с точки зрения внутреннего "Арутого"), чувством утраты права на любовь других людей и отсюда - ощущением разъединенности, потери контакта с ними.

Хотя физиологические механизмы, формирующие злобный аффект, несомненно, существуют у человека и способны, функционируя спонтанно, создавать между лодьми конфакиктные отношения, не вытекающие с необходимостью из объективных ситуаций, тем не менее нельзя согласиться с К. Лоренцом в том, что войны между государствами, особенно современными, обусловлены именно этой билолической мотивацией.

Это неверно прежде всего потому, что в современную эпоху войны возникают не стихийно, не вследствие эмоционального состояния народных масс, а имитируются относительно небольшим количеством лиц, стоящих у раастия, и, разумеется, отнюдь не только по мотивам эмоционально аффективного характера. Но верно то, что и правители для того чтобы начать войну, также нуждаются в моральной санкции (моральной полдержже) своего народа, и для того чтобы получить ее, используются средства искусственной активации агрессивных эмоций масс (версия: "нам грозят враги"), наряду с моральной санкцией на эти агрессивные чувства (версия: "мы прави").

Гораздо большую роль играет спонтанная агрессивность в генезе конфликтов такого рода, как феномены психологической несовместимости в "малых группах", межнациональная, религиозная вражда и тл. Мы полагаем, что, наряду с традиционной просветительской работой, широкое систематическое психологическое воспитание, направленное на разъясиение внутренней природы такого рода эмоций и конфликтов, могло бы в какой то мере содействовать их смятчению, поскольку оно способствовало бы выведению соответствующих бессознательных могиваций в сферу сознания, где они выступали бы как неадекватные провозглащаемым целям, то есть бессмысленные.

* * *

ВЛИЯНИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА СИСТЕМ ОБЩЕЙ МОТИВАЦИИ

На определенном этапе эволюции у млекопитающих возникли особые центральные анатомию-функциональные образования, специальной функцией которых явилось формирование положительных и отрицательных эмоций. Биологическая роль этих образований, часто называемых "системой положительной мотивации" (СПМ) и "системой отрицательной мотивации" (СОМ), состоим в том, чтобы придавать эмоционально-чувственные знаки удовольствия и неудовольствия ("страдания") различным ощущениям и создавать таким образом положительные и отрицательные подкрепления ("поощрение и наказание") различным фомам поведения животного.

Этот аппарат тесно связан с деятельностью центров, регулирующих специфические витальные потребности так, чтобы удовлетворение какой-либо из них сопровождалось активацией СПМ, а восприятие вредных стимулов активировало деятельностью СОМ. Данная система возникла в эволюции для создания внутреннего побуждения к активности, к действиям, направленным на выживание и воспроизводство жизонных посредством эмоционального подкрепления соответствующего поведения.

Как и в случае систем агрессивного поведения, существование особого аппарата общей мотивации обусловиявает принципиальную возможность его функционирования вне связи с деятельностью центров специфических потребностей. Эта возможность реализуется лишь в тех случаях, когда длительное время отсутствует активация СПМ и СОМ со стороны центров специфических потребностей, что может иметь место при полном удовлетворении этих потребностей и в условиях устойчивой безопасности для организма. При этом данные системы по существу оказываются в состоянии сенсорной депривации. Для животных такие условия не являются типичными, но для человека, обитающего в искусственной среде, обеспечивающей ему больший или меньший комфорт и безопасность, они составляют скорсе правило, чем исключевие.

Какие же последствия может иметь сенсорная депривация систем общей мотивации, которая, согласно нашей посылке, характерна для человека в большей степени, чем для животных?

Что касается СПМ, то, очевидно, при удовлетворении витальных потребностей эта система, не получая импульсации со стороны центров соответствующих потребностей, должна оказываться в состоянии сенсорного голодания с вытекающим отсюда снижением порога возбудимости своих нейронов.

Согласно теории Тимбергена, у животных при накоплении в нервных центрах мотивационной энергии и при отсутствии разрешающего импульса, исходящего от объекта-цели, может возникнуть искаженная или неполная форма поведенческой реакции - так называемые реакции "заполняющей" деятельности. Согласно этой модели, у человека в условиях "насыщения" центров витальных потребностей энергия накапливающаяся в депривированной вследствие этого СПМ, также должна была бы высвобождаться посредством "заполняющей" деятельности. Однако деятельность человека, если она даже является "заполняющей", все же не может быть бессмысленной вследствие действия инстинкта ориентировки в сфере интрапсихической реальности, порождающего потреб-

ность в "смысле". Поэтому у человека (в норме) спонтанно возникающее общее влечение к эмоционально положительным переживаниям может быть реализовано только в форме стремления к цели. Мы полагаем, что состояние сенсорного голодания СПМ, сопровождающееся спонтанным повышением возбудимости нейронов этой системы, может порождать у человека поиск внутренней модели такой ситуации, в которой может быть получена адекватная стимуляция данной системы ("мечты"), а предвкушение реализации этой модели субъективно ощущается как предвкушение "счастья". Хотя это переживание, обусловленное депривацией СПМ и одновременной активацией СОМ, валяется психологическим фантомом; тем не менее оно служит сильным стимулом для действий, направленных на реализацию этой модели, которая приобретает доминантное значение и становится цельью.

Хотя потребность в цели обусловлена у человека факторами биологическиинстинктивного характера, однако выбор целей определяется в основном факторами социальными: системой общепризнанных ценностей, комплексов имеющихся средств и т.п. - все это в контексте психофизиологических особенностей индивида.

Аналогичным образом и СОМ при длительном отсутствии импульсации (несущей, например, информацию об опасности) должна оказываться в состоянии сенсорной депривации с такими вытекающими отсюда следствиями:

- ее нейроны должны спонтанно разряжаться, генерируя импульсы, которые формируют отрицательные эмоции;
- в этих условиях СОМ может порождать потребность в получении некоего оптимума адекватных раздражений, то есть потребность в отрицательных эмоциях - тревоги, страха и т.п.

Что касается первого из этих следствий, то, как было показано в соответстших исследованиях, у людей, находившихся более или менее длительное время в ситуации, обусловливающей депривацию преимущественно СОМ, возникли эмоциональные расстройства в виде утнетенного настроения, тревоги, доходящей порой до паники, причем сами испытуемые обычно не могли указать источник подобных состояний.

Аналогичные явления, объясняемые нами спонтанной импульсацией нейронов СОМ, нередко наблюдается в обычной жизни когда на фоне объективно благополучного периода в судьбе возникает тревожность, вначале необъяснимая, а затем, вследствие рационализации, оформляющаяся в какой-либо сожет (например, опасений за здоровье - свое или близких и т.п.). Чаще всего такие состояния возникают у лиц с психастеническим характером, физиологической основой которого, возможно, является повышенная возбудимость СОМ.

Рассмотрим теперь вопрос о возможности возникновения вследствие сенсорной депривации COM влечения к неприятным переживаниям.

Уже у животных (причем только в состоянии сытости) наблюдается так называемое исследовательское поведение, при котором, например, крысы, исследуя обстановку, перебегают пол, к которому подведено электрическое напряжение. Некоторые исследователи предполагают, что крысы исследуют те или иные ситуации именно потому, что они вызывают слабый страх.

Существует ли, однако, влечение к отрицательным эмоциям, например, к страху у человека? Во многих случаях поведение человека бывает таким, что с внешней стороны его невозможно объяснить индаче, как интенсивным влечением к опасности. Достаточно вспомнить завзятых дузлянтов прошлого, различных авантюристов - кондотьеров и конкистадоров, путешественников-землепроходив, азартных игроков, ставивших на карту все свое состояние, любителей рискованных видов спорта наших дней. Отметим при этом три обстоятельства. Вопервых, чаще всего эти люди материально обеспеченные, во всяком случае настолько, чтобы не беспокоится о поддержании своего повседневного существования. Во-вторых, их сопряженные с опасностью действия доставляют им удовольствие. В-третьих, они субъективно не считают причиной своих поступков стремление к опасности, а обосновывают их прагматическими целями, риск же рассматривают как нежелательное препятствие к их достижению.

Родь комфортных условий в создании сенсорного гододания СОМ мы уже обсуждали выше. Поэтому остановимся на втором аспекте иррационального влечения к риску: как биологически отрицательная ситуация может вызывать подожительные эмоции? Мы объясняем данное явление тем, то депривация СОМ может возникнуть только при наличии депривации СПМ, обусловленной удовлетворением витальных потребностей (поскольку высокая степень их неудовлетворенности, являсь страданием, активирует СОМ). В этих комфортных условиях обеспечить приток разрешающих импульсов в СПМ можно только путем ее сенсибилизации, которая достигается посредством нескольких механизмов. Так, резкое снижение активности возбужденной СОМ (контрастная смена трудной ситуации комфортной, например, внезапная ликвидация опасности) может вызвать усиленную активацию СПМ вплоть до возникновения эйфории и гипоманияхального состояния.

Эмоционально-положительному восприятию негативной ситуации может содействовать также и то, что в психологически трудных обстоятельствах обычно возникает стресс, при котором сенсибилизируются нейроны СПМ, возможно, до такой степени (особенно у лиц с конституционально высокой их возбудимостью), что они могут приобретать способность положительно реагировать и на неадекватные для них негативные раздражения, вследствие чего объективно отрицательная ситуация будет сопровождаться возникновением положительных эмоций. Таким образом, стремление к активности СОМ ("поиск неприятностей") обусловливается в конечном счете стремлением к получению удовольствия. Как следует из этого, в неэкстремальных, комфортных условиях жизни обе мотивационные системы, противоположные по своему биологическому знаку, действуют синергично, при этом СОМ играет подчиненную роль по отношению к СПМ, "работает на нее", что обусловлено анатомическими и физиологическими факторами. Однако в нормальных (комфортных) условиях СПМ для того чтобы выполнять свою функцию генератора положительного подкрепления в поведении человека, нуждается в сенсибилизирующем влиянии со стороны СОМ. Действительно, участие СОМ в форме "поиска неприятностей", выраженного в различной степени, можно проследить в чрезвычайно разнообразных видах человеческой деятельности - от туризма и спортивных состязаний до любого вида творчества, всегда связанного с беспокойством из-за неопределенности результатов и с преодолением трудностей.

Наблюдения М.Л. Гомелаури, показавшей, что успех имеет тенденцию повышать уровень притязаний и настойчивость в достижении целей, хорошо объясняются именно стремлением постоянно ощущать в процессе успешной деятельности известную степень ее трудности и неопределенности результата.

Потребность в биологически и психологически отрицательных ситуациях проявляется в более или менее явном виде столь широко, что эта тенденция, бузучи абсолютизирована без учета ее подчиненной роли по отношению к потребностям, в положительной мотивации создает иллюзию существования у живого существа стремления к опасности как к самоцели. Очевидно, такой иллюзией отчасти объясняется создание 3. Фрейдом концепции о существовании так называемого "инстинкта смерти".

Мы полагаем, что стремление к оптимальной стимуляции СОМ в сочетании с деятельностью СПМ, подтиненное инстинкту ориентировки и вытекающей из него "потребности в "смысле", является одной из мощных мотиваций, определяющих поведение человека.

Эта мотивация обладает рядом особенностей. Она характерна именно для человека, поскольку он живет в относительно комфортной среде, обусловливающей депривацию СОМ. Данная мотивация, как и мотивация, вызванная депривацией СПМ, неудовлетворима по своей физиологической природе. Если депривация СПМ создает у человека вечную неудовлетворенность достигнутым, то афферентное голодание СОМ обеспечивает эту неудовлетворенность способностью к дерзанию и риску, то есть мужеством.

Поскольку влечение к стимуляции COM само по себе антибиологично, не имеет специфической формы реализации и находится в противоречии с потребностью в смысле", то оно как таковое не осознается, а возникает в сознании только за фасадом положительных влечений (рационализируется). Если рационального мотива не возникает, то данное неосознаваемое влечение может явиться источником психопатичнского поведения. Хотя форма реализации этого влечения определяется социальными факторами, некоторая предрасположенность к принятию того или иного смыслового содержания, к "стилю" реализации подобных влечений в определенной степени зависит от конституционально-физиологических сосбенностей индивила.

Итак, системы положительной и отрицательной мотиваций, назначение которых - содействовать пребыванию животных в пределах биологического гомостаза, у человека приобретает парадоксальную, специфическую именно для него функцию. Сохраняя свою роль в качестве источников мотивационной энергии, они при своем совместном функционировании как бы противодействуют биологическому инстинкту "порядка", обусловлива периодически возникающую у человека потребность в нарушении "порядка". Эти две сосуществующие и перемежающие друг друга потребности - в "порядка" и в "беспорядке" - представляют собой как бы релеподобную, маятникообразную систему, с закономерной периодичностью отклоняющую человека от некоего "нулевого" эмоционального состояния, но и ограничивающую размах этих отклонений пределами гомосстаза. Такой межаниям обеспечивает постоянную активность человека в любых социальных условиях. Деятельность именно этих систем приводит его к постановке целей, далеко выходящих за рамки не только биологических, но и вообще конкретно-практических нужд.

ВЛИЯНИЕ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СУБСТРАТА — НОСИТЕЛЯ ЛАТЕНТНЫХ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТ — НА СОЗНАНИЕ И ПОВЕЛЕНИЕ

Мы полагаем, что физиологический механизм, согласно которому функциональные системы "требуют реализации своих функций", даже в отсутствие адекватных для этого ситуаций, может лежать в основе не только тех психологических состояний, которые обусловлены деятельностью специализированных анатомо-физиологических образований, но и действовать в более широкой спектре психических ярьаний.

Признание реальности конституционально-типологических аминостных особенностей, с одной сторовы, постумирует доминирование у различных лодей определенных типов темперамента (Гиппократ), характера (Э. Кречмер), стиля мышления (ИЛІ. Павлов), установок (К. Юнг) и даже склонность к выполнению различных социальных ролей в обществе (Я.Я. Рогинский), а с другой стороны, означает нежесткость этого доминирования, то есть существование у тех же лиц недоминироших, лагентных психологических сройств.

Само существование определенных стереотипов психодогических черт, определяющих тип личности, зависит от определенных стереотипов организации ней понов мозга в функционально- линамические констелляции. Можно думать. TTO A ASTERITHME DURANGER CROKETRA TARME OUDEAGAROTES HARMANEM CTEDEOтипных нейронных констелляций, существование которых в явной форме не проявляется в действиях индивида. Независимо от того, каков конкретный физиодогический характер объединения нейронов в эти констедаяции, в них не могут отменятся основные физиологические механизмы деятельности нервной системы. Поэтому, когла в течение длительного времени датентная функциональная система не имеет возможности реализовать свою функцию, входящие в ее состав нервные элементы должны спонтанно возбуждаться в силу действия описанного выше механизма. Вследствие этого, "бездействующая" система может приобретать свойства доминантного очага и начать оказывать влияние на деятельность других, в том числе "действующих", систем. Таким образом, недоминирующие (датентные) функциональные системы, которые обеспечивают носителю того или иного конституционального типа потенциальную возможность и способность реагировать нехарактерным для него образом в сущности не является совсем бездействующими: они постоянно оказывают модулирующее, а порой и противодействующее влияние на деятельность других систем.

Сами же эти латентные нейродинамические системы, согласно выдвигаемой гипотезе, должны актуализороваться с тем большей вероятностью, чем более длительное время они пребывали в бездействии. Отсюда можно предположить, что чем дольше оставались непроявленными те или иные личностные черты, тем сильнее они требуют своей реализации. Этот нейрофизиологоческий механизм, вероятно, лежит в основе той закономерности, о которой А.Е. Ткаченко пишет, что на высшем, личностном, уровне организации "наиболее характерной установкой является тенденциях к самореализации."

Реальность существования латентных нейродинамических систем, составляющих основу психологических черт, подтверждается не только общензвестной сложностью человеческого халактера, но и потребностью в более или менее песамностью и сложностью и сложностью по потребностью в более или менее песамностью по потребностью в более или менее песамностью по потребностью по по

риодической смене всей системы своего поведения. Эта потребность, можно думать, составляет основу актерского призвания, а, возможно, и стремления писателя перевоплощаться в образы персонажей своих произведений, а также и удовольствия, испытываемого читателем от идентификации себя с этими персонажами (сопереживание им). Примерами проявления такой потребности могут также служить и случак "двойной жизни", многократно описываемые в художественной личературе, и некоторые серьезные увлечения ("хобой"), требующие порой личностных качеств, существенно отличающихся от тех, которые доминируют у индивида в его профессиональной деятельности. Крайним проявлением тех же механизмов являются феномены так называемой "второй жизни" (судьбы Паская, Готена, гусар, уходивших в монастыри, и т.а.). ЯЗ. Рогинский рассматривает как определенную закономерность коренное изменение социально-ролевых установок у выделяемых им социально-психологических типов характера.

Важно отметить, что сам субъект обычно не замечает иррационального характера своих поступков, либо их мотивы остаются не вполне оссовнанными дар него самого. Но, возникнув, эти неосознаваемые побуждения оказывают влинине на осознаваемые мотивы: они либо включаются в последие, модифицируя их субъективный смысл, либо реализуются иными способами, например, в форме фантазий или сновидений, которые по своему содержанию нередко бывают чуждыми сознательным установкам объекта. Не заключается ли биологическая роль этих психических явлений в том, что они способствуют спятию такого возбуждения латентных нейродинамических систем, которое не может разрешиться и ным способом?

Положительная биологическая роль латентных нейродинамических систем. вкаючая и противолействующие, многогранна. Они обеспечивают возможность взаимопонимания между людьми, создавая способность к эмпатии. Своим противодействием доминирующим системам, причем возрастающим тем бодыше. чем активнее функционируют последние, латентные системы ослабляют ригидность доминирующих установок, компенсируют тенденцию их к односторонности, расширяя возможности адаптации индивида к меняющемся условиям жизни. Эта адаптация может осуществляться путем актуализации латентных нейподинамических систем, более соответствующих условиям субъекта, особенно когда он не в состоянии изменить эти условия. Подобное явление, возможно. составляет один из механизмов психологической защиты, заключающейся в перестройке системы субъективно значимых ценностей и, таким образом, в дезактулизации травмирующих переживаний, которые уже не могут быть включены в прежнюю систему значимых ориентиров. Так, в случаях напряженного ригидного аффекта латентные нейродинамические противодействующие системы, будучи особенно глубоко депривированными и, вследствие этого, особо возбудимыми, могут актуализироваться и тем самым способствовать смене установок и переоценке личностно-значимых ценностей.

ОБ ЭФФЕКТАХ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ ИНСТИНКТИВНЫХ ПОБУЖДЕНИЙ И О МНИМЫХ ИНСТИНКТАХ

Биологически обусловленные инстинктивные побуждения, как правило, не проявляются в изолированном виде, а сочетаются друг с другом в различных комбинациях. Эти сочетания инстинктивных побуждений могут осставлять основу некоторых форм специфически человеческой деятельности. Некоторые побуждения, доминирующие в этих комплексах, осознаются, другие же либо с тихоля подлюстью персозланными.

Так, например, у одних людей доминирующим побуждением их деятельности является потребность приведения в порядок объектов внешней реальности, в частности, деятельности людей (личностный тип преобразовятеля, организатора, администратора) соответственно субъективным представлениям о "порядке". К этому доминирующему побуждению подключаются и другие, "подпитывающие" его энергией и попутно реализующиеся в процессе деятельности. Например, организаторская деятельность позволяет реализовать потребности "Я" в повышении своего рангового уровня в социальной сред. Эта потребности "Я" в повышении своего рангового уровня с убъекта способствует удовлетворению его потребность свою очередь актуализирует и одновременно допускает к реализации потребности, порождаемые СОМ и системой, генерирующей агрессивно-оборонительные эмощи, что вызывается объективной необходимостью борьбы. Повышение рангового уровня субъекта способствует удовлетворению его потребности в контакте с додъми, то есть потребности в холови.

У других доминирует потребность приведения в порядок (в систему) сведений (знаний), идей, представлений о мире (тип мыслителя, исследователя). Это побуждение косвенным образом способствует реализации потребности в повышении рангового уровня субъекта и потребности "быть любимым", поскольку успешные результаты деятельности обеспечивают индивиду авторитет, влиятельность, славу. Потребности систем, тенерирующих агрессивно-оборонительные
эмоции, и потребности, порождаемые СОМ, удовлетворяются в процессе познавательной деятельности, за счет предоления траностой познания.

Варианты типов организации инстинктивных потребностей и побуждений в иерархические системы могут быть расширены, и они будут соответствовать различным известным типам социально-психологической ориентации, составляя их психобиологическую основу. Мы опускаем здесь анализ несомненного значения воспитания, способного в определенной степени изменить и "амортизиовать" роль инстинктивных побуждений.

Аюбопытно и неслучайное совпадение между различными вариантами организации инстинктивных потребностей, с одной стороны, и некоторыми постулатами, выдвигаемыми различными психотерапевтическими школами в качестве принципов организации душевной жизни личности.

Так, наблюдение пациентов, у которых доминировали потребности СПМ и СОМ, дали основания 3. Фрейду постулировать в качестве руководящего мотива человеческого поведения его известный "повици тодовольствия".

Анализ психологического склада тех лиц, у которых доминировали потребности, обусловленные активностью физиологических систем, генерирующих аг-

рессивно- оборонительные эмоции, мог привести Адлера к заключению о "принципе власти" в качестве интегрирующей человеческой мотивации.

Изучение же индивидов, в психологической структуре которых доминировала "потребность в порядке", надо полагать, способствовало формированию у В. Франкля концепции "стремления к смыслу" как глубинного свойства человеческой психики.

Мы полагаем, что, возможно, является ошибочным мнение о существовании особого биологического "инстинкта самосохранения" или "инстинкта жизни". На самом же деле у жизотных имеется, с одной стороны, рад влечений, направленных на сохранение биологического гомеостаза (голод, жажда и т.п.), а с другой - эмоции страха и ярости, которые в совокупности формируют поведение, способствующее поддержанию жизоны и избежанию тибель.

Соответственно, нет и врожденного инстинктивного страха смерти и тем более въечения к ней, существование которого постулируют вслеа, за Фрейдом многие психоаналитики "У животных отсутствует представление о смерти. Эмоции же страха у них тенерируется специальными физиологическими механизмами и возбуждается либо при повторной встрече с факторами, прежде вызывавшими боль, либо при внезапном и быстром изменении обстановки (дезориентировка в ней), что биологически оправдано опасностью такой ситуации.

Так, например, животные пугаются быстро увеличивающихся в размере предметов, ибо такое восприятие сопряжено с нападением со стороны другого животного. Но такой же страх может вызвать и быстрое раскрытие зонтика перед глазами животного.

У человека также не существует врожденного страха именно перед смертью, ибо у него нет врожденного представления о ней. Понятие о смерти как о небытии появляется на довольно высоком уровне культурного развития человечества. На ранних же этапах его развития, покуда бытовали детально разработанные мифические представления о смерти как о загробной жизни, согласно данным историков и этнографов, сама смерть не вызывала страха, хотя первобытным людям были присущи многочисленные напряженные страхи мистического характера, не связанные с конкретными опасениями за жизнь. Отсутствует страх смерти и у некоторых глубоко религиозных людей нового времени, верящих в загробную жизнь, которую они также представляют себе более или менее определенеленного.

Страх смерти, по нашему мнению, обусловлен высшей степенью непредставимости для обыденного сознания (именно сознания) небытия и является проявлением негативного эмоционального компонента инстинкта ориентировки при невозможности ориентироваться в чем-то абсолютно неведомом. Этот

4 Здесь следует, однако, упомянуть о концепции В.Д. Гаврилова, касающейся роли мазохистических механизмов, существующих в психим «слокем Под выянием бессонательных импульсов совести эти механизмы способим приводить индивида к причинению себе биологического и сициального ущерба вплоть до того, что они могут толкать человека на физическое уничтожение самого себя, т.е. могут приобретать таматологический характер. Развитие этих механизмов, по Гаврилову, обусловлено генетически гормональным влияниями, именно действием эстро-поно, в колдицуя в состав половых гормонов женщими и мужчимы. Мазохистические механизмы участвуют тажке в сузальных переживаниях человека, главным образом уженщин, и итрают роль в создин эмпатического состояния пациента в процессе психотерапевтического воздействия на него. страх стимулируется еще и наивным переносом в воображении своего прижизненного переживания на состояние после смерти ("когда я буду мертв, то буду переживать, что больше не живу"). Согласно имеющимся данным, у людей, получивших субъективный опыт пребывания в состоянии так называемой "клинической смерти", существенно снижается страх смерти. Да и самого Фрейда на мысль об "инстинкте смерти" навел случившийся с ним глубокий обморок, после которого он сказал: "Как приятию быть мертбым!"

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы изложили свои предположения о необходимом существовании некоторых досознательных неосознаваемых влияний на протекание ряда фундаментальных психических процессов у человека, составляющих основу его личности. Эти влияния неодинаковы и неоднородны как по своим источникам, так и по сущности.

Один вид неосознаваемых влияний на психику человека - это деятельность конхретных физиологических эмоциогенных и латентных нейродинамических систем. Неосознаваемые влияния на сознание другото типа - это те, которые несут в себе само сознание в силу имманентно присущего ему свойства функцичировать в соответствии с "законом смысла". Этот закон заключается в том, что сознание имеет неосознаваемую потребность выстраивать в нерархически структурированную систем у элементы своего содержания по признаку их субъективной значимости. Данное свойство сознания проявляется в вътоматическом смыслообразовании и имеет следствием такое же автоматическое целеполагание. Таким образом, сознание в своей структуре содержит неотъемлемые от своей же сущности как сознания компоненты бессознательного. Принцип смыслообразования интегрирует и неосознаваемые влияния, идущие из эмоциогенных структур и латентных нейродинамических систем, которые со своей стороны модифицируют ход сознательных процессов.

Исходя из вышеизложенных соображений, а также на основании наблюдений разнообразных проявлений человеческой психологии можно сделать вывод осуществовании, по крайней мере, двух типов взаимоотношений сознания и бессознательного. Один из них состоит в коррекции сознанием влияния спонтавнных иррациональных неосознаваемых побуждений с целью удержания их в русле "смысла". Другой тип взаимоотношений этих инстанций психики, как можно думать, заключается в придании сознанием субъективного смысла спонтанно возникающим иррациональным по своей природе побуждениям. Другими словами, деятельность сознания может быть направлена на создание у субъекта иллозорного ощущения разумности своих неразумных побуждений и поступков.

Это явление составляет механизм такой, например, формы психологической защиты, как рационализация, суть которой заключается в отыскании места для иррационального побуждения или поступка в миеющейся у субъекта системе внутренних ориентиров (ценностей) без разрушения этой системы. Без рационализирующей обработки сознанием спонтанно возникающих эмоций и побуждений они ощущались бы субъектом в качестве чуждых его личности, и тогда они осознавались бы как таковые (что и происходит, например, в начале острых психотипических состояний.

Потребность в "смысле" (который мы выше определяли как иерархически упорядоченную систему ценностей-ориентиров) может лежать в основе таких пограничных состояний, как ипохондрический "ухол в болезнь", субклинические паранойяльные состояния, включая фанатизм, уход в мистику и т.п., которые могут рассматриваться как патологические формы психологической зашиты.

Своеобразный феномен бессознательного связан с ощущением своего "Я", относящегося к высшему проявлению сознания - самосознанию. Определив сознание как отдавание отчета в своих психических процессах некой инстанции - "Я", мы наталкиваемся на невозможность уловить эту бесконечно удаляющуюся инстанцию, может быть, являющуюся единственным принципиально неосознаваемым феноменом.

Итак, ряд фактов и рассуждений побуждают высказать предположение о том, что некоторые неосознаваемые психические феномены, даже не будучи продуктом вытеснения, являются функцией деятельности самого сознания и представляют собой не параллельно с сознанием протекающие процессы, а как бы изнаночную - неосознаваемую - сторону самих процессов сознания.

Хотя предметом рассмотрения в нашей статье были те психические явления, которые обусловлены, так сказать, биологической "ипостасью" природы человека, совершенно ясно, что его поведение не является жестко предопределенным врожденными биологическими факторами. Однако не менее очевидно, что человек может совершать поступки совсем не по тем причинам, по которым, как он думает, он их совершает, и не осознавать, что эти поступки не ведут его к той цели, которую он преследует. Развитие представлений о бессознательном и психологических защитных механизмах на первый взгляд приводит к заключению, что сознание, которому человечество давно привыкло доверять как инструменту познания, может являться средством сокрытия истины, орудием самообмана, когда дело касается самопознания. На самом же деле правильный вывод, который следовало бы сделать из сложившейся кризисной ситуации, заключается в том, что человеческий разум просто не исчерпал еще своих познавательных и деятельных возможностей и что для познания человеком своей душевной жизни требуются какие-то иные методические приемы и методологические принципы.

Действительно, ныне в свете нашего знания о "коварстве" сознания нельзя уже простодушно доперять его подсказкам, когла дело касается самооценки и исстижения субъектом причин своих действий. Это знание побуждает искать методы перевода, перекодировки показаний субъективного сознания на язык объективных данных. Широкая и постоянная популаризации сведений такого рода может сыграть известную роль в нейтрализации отрицательных последствий "биологического детерминизма" в поведении людей. Надежду на небезразльтативность такой просветительной работы дает существующее, как мы полагаем, инстинктивное стремление человека всячески эмансипироваться от своей биологической природы, что также является одной из неосознаваемых мотиваций, определяющих человеческое поведение. Ведь сущность доблести, всегда почитавшихся людьми, состоит именно в преодолении духом инстинктивных чувств ("кодексы чести").

Главным проявление доблести всегда считалось преодоление страха. Но указания на биологически-инстинктивный характер гнева и злобы могут способствовать проявлению доблести в подавлении и этих чувств. Есть основания надеяться, что эта попытка мобилизировать агрессивные побуждения на борьбу с самим собой сможет когда-нибудь принести свои добрые плоды. Может быть, осознание ограниченных возможностей логически-рассудочной деятельности в деле регулирования своего поведения и межчеловеческих отношений побудит человечество предоставить высшие полномочия в этой сфере иному уровню ралума, а именю; опитальщемуся на объективное знание инакственному чувству.

В заключение - несколько слов об определении личности с учетом изложенных нами представлений о взаимоотношениях бессознательных психических процессов и сознания.

Личность определяется системой внутренних ценностей-ориентиров, тем, в какую иерархию они выстроены, каков приоритет этих ценностей, какие из инх избраны субъектом в качестве главных, а какие вяляются для иего второстепенными и третьестепенными. Однако такое определение личности было бы неполным. Выбор чего-либо одного одновременно означает отказ от чето-то другого. И хогя индивид, свободен в своем выборе, однако разным людям в разной степени трудно отказаться от внешне как будто одинаковых ценностей и в разной степени трудно отстаивать также как будто одинаковых ценностей и в разной чески слабому человеку храбрость дается труднее, чем сильному. Поэтому дичность характеризуется также и степенью усилий, которые ей необходимо применить для построения и сохранения своей системы ценностей.

Личность также характеризуется прочностью системы внутренних ценностей (ориентиров), то есть степенью субъективной актуальности интрапсихической реальности по сравнению с реальностью внешней. В этом отношении объективное научное психологическое определение личности совпадает с житейским пониманием этого термина, под которым подразумевается "сила духа", "духовность", то есть значительная независимость внутреннего мира человека (его интрапсихической реальности) от реальности внешней. И именно это качество, по мысли Ф.В. Бассина, является источником активности личности, поскольку побуждает человека воздействовать на внешний мир с целью привести его в соответствие со своей интрапсихической реальностью.

Данное определение личности описывает ее лишь как психологический феномен, но не включает в себя морально-оценочные признаки. И сила, и актибность, и духовность, и бескорьстине, и даже субъективно позившвыме идеаль личности вовсе не тождественны ее реальной социально-положительной роли. Эта роль определяется тем, какова объективная ценность субъективной интрапскической системы ориентиров личности.

В.С. РОТЕНБЕРГ

СНОВИДЕНИЕ КАК ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ

Теория формирования сновидений и их роли в психической жизни явилась краеугольным камнем психоаналитической концепции бессознательного. Прошло более полувека, и открытие физиологической основы сновидений - фазы
быстрого сна - привлекло внимание психологов, психофизиологов и клиницистов. Такое невнимание к этой проблеме неадекватно ее значимости. Мы остановимся в этой статье на трех наиболее активно обсуждаемых аспектах пробле-

- Особенности сознания в сновидениях.
- II. Роль "правополущарного", образного мышления в сновидениях.
- III. Функциональная роль сновидений и ее связь с характером сновиленческого мышления.
- Сновидения характеризуются своеобразной психической активностью, и многие авторы затрудняются ее квалифицировать; в литературе отсутствует дажений.
 Водения точка зрения относительно состояния во время "просмотра" сновилений.
- Иногда высказывается крайняя точка зрения о принадлежности сновидений целиком к сфере бессознательного психического на том основании, что субъект в этом состоянии не выделяет себя из реального окружающего мира и не осознает себя спящим и видящим сновидения. В других работах так же подчеркивается отсутствие рефлексии, активного контроля сознания над содержанием сновидений, пассивный характер их восприятия. Признавая это, нельзя все же согласиться с безоговорочным отнесением сновидений к сфере неосознаваемой психической активности. Это означало бы парадоксальное утверждение, что мы можем достаточно подробно отчитываться о переживаниях и представлениях, которые не осознаем. Коме того. Ебо-фочкция полностью сохранна и адек-

ватна во время сновидений, а возможна ли такая полноценность функции "Я" в бессознательном состоянии?

Но если сознание во время сновидений сохранено, то оно, безусловно, претерпевает существенные изменения по сравнению с сознанием в болрствовании Основным отамимем сновилениеского мышления является его эпефлексивность: у субъекта нет осознания себя спящим; нет осознания, что образы сновидений галающинаторны, нет аискриминации межау сновилениями и реальностью. Копоткие периоды арефлекии бывают и в болрствовании, но для сновидений это наиболее уарактерно и пролоджается горазло дольше. Кроме того, сновидения нереако солержат такие образы, которые, если бы они возникли в болоствовании, заставили бы субъекта очень удивиться и критично отнестись к их происхождению и своим переживаниям. В сновидении они же воспринимаются как естественные. А рефлексивность сознания - не обязательное свойство образного мышления при галлюцинациях, вызванных лекарственными препаратами, втоличный контлоль сознания нередко сохранен. Из этого следует, что не отсутствие рефлексии сознания вторично по отношению к галлюцинаторному характеру сновидений, а наоборот - специфическая галлюцинаторность сновиденческих образов является следствием арефлексии. Второй карлинальной особенностью сновилений иногла считают, как это ни паралоксально, некоторую "ограниченность" возможностей образного мышления. В сновидениях, по этому мнению, отсутствует симультанное восприятие нескольких образов. Приволится такой пример: когда человек пишет в состоянии бодрствования, он одновременно с ярким представлением описываемых сцен воспринимает и все атрибуты самого процесса письма (стол. бумагу, чашку кофе на столе и т.п.). Внимательное наблюдение за какой-то реальной сценой (например, за спортивным состязанием) может сопровождаться яркими воспоминаниями событий, не имеющих к этой спене никакого отношения. В сновилении же созерпание одной спены практически полностью исключает представление аругой. Только в одном проценте случаев испытуемые докладывают, что наряду с основным сюжетом сновидения они видели что-то еще, никак с этим сюжетом не связанное. Высказано предположение, что во время сновидений субъект сосредоточен каждый раз на одном, наиболее четком и изолированном от других образе. И именно вокруг него когнитивно "лостраивается" сюжет сновилений с использованием других образов, находящихся на периферии поля зрения.

Но утверждение, что в этой особенности сновидений проявляется некая неполноценность образного мышления как следствие неспособности к симультанному восприятию нескольких образов, с нашей точки зрения, является недоразумением. Когда субъект в бодрствовании представляет себе что-то одновременно с текущей деятельностью, это значит, что он способен отвлечься от этой деятельности и взглянуть на нее и самого себя со стороны. Но ведь это и называется рефлексией.

Очевидно, субъект в меньшей степени личностно вовлечен в деятельность, от которой может отвлечься, чем он обычно вовлечен в просмотр своих сновидений. Что же касается симультанности восприятия, то, с нашей точки зревия, она становится фактором образного мышления только в том случае, когда симультанно воспринимаемые образы вступают друг с другом в многозначную контектачльную связь. Та же симультанность восприятия предполагает радоположе-

ние различных образов и представлений, не связанных друг с другом многозначными связями и не формирующих в итоге новое целостное представление.

Таким образом, арефлексивность сознания во время сновидений во многом определяет их специфику. Однако некоторые качественные характеристики сновидений плохо объясняются арефлексивностью и могут даже восприниматься как противоречащие этому принципу. В частности, ослабление контроля сознания над содержанием сновидений парадоксальным образом сочетается с высокой ЕСО-фичкцией но время сновидений.

Дезорганизованность и хаотичность снов, странность и нелепость сюжетов, казалось бы, сами по себе должны были бы свидетельствовать об ослаблении БСО- функции, но специальные исследования показывают, что это не так. Преодолеть это противоречие пытаются с помощью предположения, что сновидения только производат впечатление дезорганизованных и регрессивных в силу неспособности субъекта запомнить и пересказать их целиком. Предполагается, следовательно, что в действительности сновидения лучше организованы и сюжетно связаны, чем это обычно удается выявить. Но при таком предположении упускается из вида одно очень существенное обстоятельство. Независимо от того, сколь структурирован и логичен отчет о содержании сновидений, у субъекта, остается интуитивное ощущение, что пережитое сновидение значит для него горазало больше, чем это можно выразить, понять и объясить.

Следовательно, каким бы ни было манифестирующее содержание сновидений - ясным и логически связанным или совершенно непонятным, личностный смысл сновидений все равно остается скрытым и для его адекватного понимания необходим дополнительный сложный исихологический анализ (психоанализ).

Как показал Фрейд, прямая связь между манифестирующим латентным содержанием сновидений прослеживается не всегда. Возникает диссоциация между тем, что несет сновидение бодрствующему сознанию самого субъекта или любого другого слушателя, и тем, что оно значит для сновидно-измененного сознания. Каким бы хаотичным ни воспринималось сновидение после пробуждения, в момент просмотра оно воспринимается как цельное и значимое. Отсутствие рефлексии объясияет, почему субъекта не удивляют фантастические и несообразные события в сновидениях, но этого мало для обеспечения субъективной значимости и цельности картин сновидения и тем более для обеспечения сохранности ЕСО-функции. Остается так же неясным - почему сновидения так быстро забываются, нескотря на личностную значимостъў.

II. Что же тогда цементирует формально разрозненные картины и образы в измененном сознании субъекта и в чем особенность такого изменения сознания? Предположим, что для сновидения характерна своеобразная диссоциация сознания. Мы исходим при этом из определения как знания о собственном знании объективной реальности, противостоящей познающему субъекту, и о себе как о субъекте познания.

Отсюда выводим две основные функции сознания:

 а) объективирование и закрепление в речи сознания об объективной реальности и выделение из окружающей среды самого себя как субъекта познания этой реальности. С этой функцией сознания связано формирование значений; выделение себя из окружающей среды в качестве субъекта - личности. Эта функция сознания обеспечивает возможность самовосприятия и самооценки, и с ней связано формирование личностного

В состоянии неизменного бодрствующего сознания обе эти функции неразрывны, и сновидное изменение сознания сводится к утрате первой при сохранности второй. Действительно, человек не сознает себя видлицим сновидением, и в этот момент не способен к отражению объективной реальности (выделению, и в этот момент не способен к отражению объективной реальности (выделению и воспринимает как само собой разумеющееся все, что в бодрствовании вызвало бы крайнее удивление. Но выделению себя как субъекта-личности сохранено, со-хранен образ "Я". Благодаря этому, в сновидении сохранена Ебо-функция, возможны самовосприятие и самооценка (как минимум, на уровне представлений о "Я" как о действующем лице в сновидении). Эта самооценка может, как и в одретовании, приводить к самоосуждению, к появлению чувства вины или стыда; благодаря этому, все происходящее в сновидении имеет глубокий личностный смысл.

Психологические исследования показали, что и в бодрствовании личностная оценка изображений, особенно недостаточно определенных, осуществляется по вмоциональным параметрам и не вполне совпадает с оценкой понятий, которые условно обозначают эти изображения. При этом оценивается не объект как таковой, а его отношения и связи. Такое рассогласование в оценке смыслов и значений тем более характерно для сновидений.

Но для того, чтобы сделать наш личностный смысл достоянием других людей или объектом анализа собственного бодрствующего состояния, его необходимо объективизировать и закрепить в значениях. Но описанная диссоциация сознания делает это затруднительным. Пока развертываются события сновидений, они плохо поддаются переводу в категорию значений. Такой перевод становится возможным в какой-то мере после пробуждения, но к этому времени от сновые дений остаются в полном смысле слова - воспоминания. Лишенные объективных значений эти воспоминания не несут бодрствующему сознанию прагматически важной информации, которую можно было бы включить в сформированную систему значений. Поэтому они довольно легко амнезируются.

Кроме того, смыслы всегда богаче и многостороннее значений, так что при самом детальном запоминании событий и аффективной окраске невозможно исчерпывающе проанализировать и пересказать все, что увидели. К механизмам этого явления вернемся позже. Пока же подчеркнем, что простой пересказ сновидений (независимо от того, хаотичен их сюжет, либо структурирован) не может сообщить ни нашему аналитическому мышлению, ни слушателю личностный смыл слоявлений.

III. Таким образом, арефлексия сознания во время сновидений - это проявление диссоциаций сознания. В чем смысл такой диссоциаации и каков ее психологический механизм?

Одной из основных задач сновидений практически все авторы считают психологическую защиту.

В последние годы начинает проясняться конкретная роль сновидений в механизмах психологической защиты. Показано, что в сновидениях, которые спо-

собствуют восстановлению эмоционального равновесия, происходит переход от пассивного переживания субъектом ощущения потери, поражения или беспомощности к их преододению, к поиску выхода.

В других исследованиях показано, что после сновидений повышается готовность к взаимодействию с нерешенной проблемой, восстанавлявается чувство компетентности, что аналогично-преодолению чувства беспомощности.

Эти положения, развиваемые клиницистами, в том числе клиницистами пси коаналитического направления, хорошо согласуются с развиваемой нами и В.В. Аршавским концепцией поисковой активности. Поисковая активность, направленная на изменение ситуации или изменение отношения к ней в условиях пратматической неопределенности, повышает резистентность организма и спосиствует адаптации. Стижение поисковой активности, и особенно отказ от поиска, снижает устойчивость организма к разнообразным вредным воздействиям и является неспецифической предпосылкой к развитию психосомотозов. Поиск, осуществляемый во время быстрого сна и сновидений, компенсирует дефицит поисковой активности, потенциальные возможности субъекта к поиску в период бодрствования. Все эти положения получили разностороннее эксперементальное и теоритическое обоснование.

Возникает важный вопрос о содержательной стороне поисковой активности во время сновидений. Совершается ли в сновидении творческий акт, приводящий к открытию нового? Происходит ли при этом поиск способов разрешения тех реальных задач и проблем, с которыми не удалось справиться в бодрствовании, осуществляется ли в сновидении поиск выхода из мотивационного конфликта, приведшего во время бодрствования к состоянию отказа от поиска и вытеснению из сознания неприемлемого мотива?

В отдельных случаях все это действительно имеет место. Так, открытие Менделеевым в сновидении бензольного кольца в своей таблице и некоторые другие случаи получили широкую известность. Но, сопоставим частоту сообщений о таких открытиях с тем фактом, что множество людей каждую ночь видит, как минимум 3-4 сновидения, станет очевидно, что решение творческих задач не может ститаться основной функцией сновидений.

Более сложен вопрос о разрешении мотивационного конфликта во время сновидений. Начиная с классического психоанализа, этой функции сновидений придавалось решающее значение. В течение ряда лет мы также предполагали, что во время сновидений происходит поиск способов взаимного "примирения" конфликтующих мотивов с использованием возможностей образного мышления. Но возникает следующая проблема. Если сновидения регулярно обеспечивают подлинное "примирение" мотивов, и в результате мотивационный конфликт лействительно устраняется, то, при функциональной полноценности сновидений, можно было бы ожидать разрешения всех основных конфликтов буквально в течение нескольких ночей. Между тем психически адаптированные люди видат сновидения, как известно, из ночи в ночь. Трудно представить, чтобы ежедневно на смену только что разрешенным конфликтам приходили столь же значимые новые; клинический опыт подсказывает, что один и тот же конфликт может определять состояние и поведение человека на протяжение очень длительного времени.

Итак, нельзя утверждать, что во время сновидений постоянно происходит разрешение эмоционального конфликта, во всяком случае, окончательное его

разрешение. Но на что же тогда направлен поиск во время сновидений? Напомним, что, согласно предложенной концепции, задача сновидений заключается в преодолении отказа от поиска, в восстановлении поисковой активности. Окончательное же разрешение проблемы, вызвавшей этот отказ, необязательно. После функционально полноценных сновидений субъект должен быть готовым к активному поиску в бодоствовании.

Эти представления согласуются с вышеупомянутыми наблюдениями восстановления эмоционального равновесия во время сновидений, достигаемого переходом от пассивного переживания потери (поражения) к активному функционированию в ситуации обретения выхода. Они также соответствуют выводу. что сновидения восстанавливают чувство собственной компетенции и повышают готовность субъекта к взаимодействию с нерешенными проблемами. При этом совершенно не обязательно, чтобы обнаруживался выход из той реальной жизненной ситуации, которая привела к появлению чувства беспомощности и обусловила капитуляцию. Чувство беспомощности в определенных условиях, сложившихся в бодрствовании, компенсируется ощущением способности справиться с совершенно другими обстоятельствами в сновидениях. Могут быть использованы воспоминания о более или менее сходных ситуациях в прошлом, которые удалось изменить в желаемом направлении (иногда эта прошлая ситуация "переписывается" в сновидении так, чтобы ее преодоление выглядело более успешным). Таким образом, в сновидении может решаться не та (по формальным признакам) проблема, которая является основной причиной эмоционального напряжения. Можно, конечно, предполагать, что в сновидениях актуальная проблема предстает в некой символической форме, и сторонники ортодоксального фрейдизма считают именно так. Но символизация, в сущности, и представляет собой своеобразную подмену. В бодрствовании такого рода подмена практически невозможна, ибо человек целиком поглощен конфликтной проблемой и не способен переключить свою поисковую активность на что-либо другое (не говоря о том, что состояние отказа от поиска иррадиирует на все поведение и интерферирует с любым видом деятельности).

Замечено, что в повторяющихся сновидениях отражаются не столько повторные безуспешные попытки преодолеть определенное препятствие или конфликт, колько чудетво собственной беспомощности. При этом конкретная причина его возвикновения имеет меньшее значение. (Нельзя, разумеется, полностью отрицать принципивльной возможности полного и адекватного решения эмоциональной проблемы в сновидениях. Но это случается не так часто, как предполагалось ранее нами и другими авторами, и более универсальной функцией сновидения кальется восстановление поисковой активности).

В этой связи представляют интерес различия между нашей концепцией и концепцией, согласно которой основной задачей сновидений является интеграция новой, необычной и эмоционально значимой информации с прошлым опытом. Мы уже указывали, что с позиции этой гипотезы не вполне объяснимы некоторые экспериментальные данные, на которые опираются ее же авторы. Кроме того, эта гипотеза, имплицитно предполагает, что интеграция новой информации (если речь идет именно о самой информации, а не о типе и стиле реатирования на нее) должна в том или ином виде быть представлена в сновидении. Если же сновидение может, как пишут сами авторы, успешно выполнить свою функцию, оперируя "подменной" проблемой, содержащей только символческие черты сходства с реальной, то говорить об интеграции новой информации довольно трудно. С концепцией интеграции связаны и другие противоречия. Если сам процесс усвоения новой значимой информации (по-видимому, неосуществимый без ее интеграции) требует участия сновидений и быстрого сна, то не понятно, почему достаточно высокий уровень обучения нередко достигается еще до увеличения быстрого сна. Если же быстрый сон и сновидения служат лишь для закрепления уже усвоенной информации в долговременной памяти, то не понятно, почему они необходимы только для закрепления необычной и значимой информации, коль скоро в процессе ее усвоения ее необычность уже должна была не быть инвелирована. Поэтому более продуктивно представление, согласно которому сновидение преодолевает состояние отказа от поиска, отрицательно сказывающееся на любых функциях, в том числе мнестических. Наконец, интеграция новой и значимой информации - необходимое условие адаптации лиц любого психологического склада, между тем известно, что у здоровых короткоспящих снижена потребность в быстром сне даже в периоды экстремальной творческой активности, хотя процесс творчества невозможен без интеграции новой информации. Вышесказанное заставляет нас предположить, что сновидения лишь опосредствованно участвуют в процессе интеграции новой информации, восстанавливая необходимую для этого процесса поисковую активность и устраняя мешающую любым психическим процессам эмоциональную напряженность.

Но поисковая активность восстанавливается в сновидениях не только за счет подмены одной проблемы другой, но и благодаря тем особенностям мышления, которые расширяют потенциальные возможности для поиска. В чем же они состоят?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть некоторые условия возникновения неразрешимого конфликта, приводящего к отказу от поиска. Во время бодрствования мотивационный конфликт неразрешим потому, что целостное поведение субъекта строится по принципу альтернативы: какое-либо действие (или отношение) автоматически исключает другие, противоположные. Водрствующее сознание в норме функционирует на основе установления однозначных связей межку предметами и явлениями.

Благодаря такой формально-логической упорядоченности информации, белое не может быть (одновременно) черным, привлекательное - отталкивающим. Если "А" и "В" ппорэмь равны "С", то они образательно равны друг другу.

В столь жестоких рамках четко очерченных координат поиск выхода из сложной ситуации легко заходит в тупик, очень ограничена возможность компромиссов.

В сновидениях границы возможного расширяются. В сновидениях отсутствует альтернативность, делающая противоречия неразрешимыми. В результате обнаруживаются неожиданные аспекты ситуации, она перестает восприниматься как безнадежная: открываются новые перспективы поиска.

Действительно, в большинстве случаев решение реальных или "подставных" проблем в сновидениях происходит без помощи рационального анализа. Оно приходит само собой, возникая из взаимного сцепления событий и образов. Алгическая же связь между ними, обеспечивающая стойкость и сюжетную последовательность пересказа сновидения, его манифестирующего содержания, со-

здается благодаря вторичному мышлению. Но основной функциональный смысл сновидений не в этом.

Главное в сновидении - первичная связь между образами, не поддающаяся рациональному анализу и основанная на принципах многозначности образного

Внимательный анализ содержания сновидений показывает, что переход от пассивного переживания к активной позиции и решению проблем, как правило. логически не вытекает из сюжета сновидений или непосредственно предшествующих событий, а носит характер творческого озарения. Многие сны (особенно те, которые приводят к восстановлению поисковой активности и психического гомеостаза) имеют остродетективный сюжет, благодаря полной невозможности прогнозирования дальнейших событий. Тем не менее сновидения при пересказе выглядят более или менее стройными и сюжетно последовательными. Но является ли такая последовательность имманентным свойством сновидений, или это результат вторичной когнитивной "доработки" содержания за счет вторичного мышления? Существует точка зрения, что в образной структуре сновидений нет никакой упорядоченности, что она не связана с эмоциональными установками, и только благодаря вторичной когнитивной интеграции устанавливается связь как между самими образами, так и между образами и эмоциональным настроем, формирующимся в период бодрствования. Более того, основной функцией сновидений объясняется именно эта вторичная когнитивная интеграция, придающая сновидениям логическую оформленность. Такая упорядоченность действительно нужна для вербального отчета о сновидениях, но надо ли считать такие логические связи единственными, обеспечивающими целостность сновиденческого конструкта и его значимость для субъекта? С нашей точки зрения, субъективная целостность и субъективная значимость сновидения мало зависит от этой вторичной интеграции и основана преимущественно на возможностях образного контекста.

Образный контекст создается благодаря установлению многочисленных симультанных связей между различными свойствами и гранями образов, придающих этому сплетению образов многозначность и семантическую неисчерпаемость. Одно и то же сочетание образов может отражать разное состояние EGO, ибо возможности взаимодействия образов в рамках образного контекста очень вшироки. С позиций формальной логики в сновидениях действительно нет когерентности актуальных переживаний и образов с теми, которые были минуту назал. Но вель в процессе переживания сновидений нас не удивляет их хаотичность и бессвязность. Следовательно, работают иные психологические механизмы, обеспечивающие субъективную целостность сповидений.

Конечно, в сновидениях встречаются эпизоды и целыс сюжетные линии, развивающиеся по законам логической последовательности. Но, они легко и безо всяких переходов могут сменяться логически совершенно с ними не связанными сюжетами, а субъект не воспринимает эту смену как нечто невозможное. Следовательно, субъективная смысловая связь при этом сохраняется. Далее, логически связной и последовательной может быть лишь манифестирующее содержание сновидений, которое, как известно со времен Фрейда, не адекватно латентному, основному содержанию, требующему расшифровки. Именно для латентного содержания, вероятно, важны многозначные связи между образами. Соотношение между манифестирующим и латентным содержанием сновидений

соответствует соотношению сюжета и глубинного содержания подлинно худото фильма, приводит не формальный поступкам героев, определяющим смысл всето фильма, приводит не формальный сюжет, не цепь событий, а только накладывающаяся на эту канву динамика их характеров, внутреннее развитие. Оно же определяется особенностями многозначных связей между персонажами и в свою очередь влияет на развитие сюжета.

Образный контекст сновидений отражает интеграцию образов и эмоциомодильного настроя. Благодаря многозначности и многогранности связей, образное мышление свободно от альтернатив, приводящих к неразрешимым конфликтам, и открывает новые возможности для поиска и решения задач; отсутствие
рефлексии и рационального контроля обеспечивают такую раскованность образного мышления и поиск в более широком семантическом поле, где возможны
одновременное принятие и отвержение, притяжение и отталкивание, и "A" не
обязательно равно "В", даже если они порознь равны "С". Чем богаче связи, характерные для образного контекста, тем легче запоминаются и лучше воспроизволятся сновидения при пробуждении. Экспериментально доказана тесная
связь между эффективностью запоминания и оригинальностью порождаемого
продукта. Способ субъективного структурирования предъявленного материала
является тем фактором, определяющим эффективность процессов восприятия
и запоминания.

Особенность режима работы сознания в сновидениях заключается в том. что. хотя образы сновидений осознаются и даже формируется вторичная когнитивная связь между ними, основная функция сновидений - манипулирование образным контекстом для расширения возможностей поисковой активности - остается вне сознания, как и процесс созревания любого творческого решения. И в бодрствовании при образном обобщении сложных ансамблей объектов не все их связи и отношения осознаются. В сновидениях мы часто сталкиваемся с ситуацией внезапной смены доминировавшего чувства страха, бесшабашной смелостью или радостью, которая вытекает непосредственно из самих событий сновидения. Первичный язык образного мышления и является, по-видимому, тем "языком другого", о котором пишет Лакан, по отношению к языку бодрствующего сознания это действительно "язык другого". Эти особенности сновидений, определяющиеся богатством образного контекста, и создают основные предпосылки к преодолению отказа от поиска. И здесь не важно, имеет ли сновидение дело с реальной или подставной проблемой. Часто выход даже из "подменной" проблемы отыскивается не путем однозначного догического анадиза. а с использованием возможностей образного мышления.

Поскольку решение проблемы в сновидениях адекватно только сновидно измененному, но ин бодрствующему сознанию, сюжетная сторона сновидения не столь существенна. Важно лишь осуществление поиска.

IV. Правомочен вопрос: как соотносится предлагаемая концепция с представлениями о том, что сновидения компенсируют механизм вытеснения и устраняют его необходимость? Вытеснение мы рассматриваем как сугубо человеческий вариант отказа от поиска способов решения мотивационного конфликта. При этом неприемлемый для сознавия мотив не интегрируется с приемлемыми (для Супер-Эго) установками поведения, а не реализуется в поведении и, сохраняясь в бессоэнательном, вызывает эмоциональное напряжение, проявляется в виде тревоги (тоски), страха. Следовательно, во время сновидений происходит успешный поиск путей "примирения", интеграции конфликтующих мотивов, необходимость в вытеснении устраняется. Если такой поиск безрезультатен, тревога после сна не уменьшается, а в сновидениях доминируют образы, в которых более или менее явно проявляются вытесненные мотйвы; поэтому сны носят аффективно-негативный характер. Если образы отражают вытесненный мотив в слишком явной форме, они сами вытесняются и сновидения не осознаются. Но как затрагивается вытесненный мотив сновидениями, в которых осуществляется поиск выхода из других, "подставных" ситуаций, лишь отдаленно напоминаюпих актуальный мотивационный конфликт или вообще с ним не связанных?

Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, необходимо вновь обратиться к анализу варианта успешного "примирения" мотивов. Выше мы показали, что примирение считаться коокчатасьно и носит условный характер - оно полномочно и действительно лишь в условиях сновидения, в его пространстве и времени. Только во время самого сновидения сохраняется неальтернативный подок к проблеме. Наше бодрствующее состояние не в состояния полностью воспользоваться плодами творчества образного мышления, и вытесненный мотив интегрируется с другими только до тех пор, пока длится сновидение. При ином положении вещей нам было бы достаточно всего одной-двух ночей, чтобы на длительный период решить все наши проблемы. Но этого не происходит. Поэтому вопрос о том, что происходит с вытесненным мотивом после пробуждения и почему сновидения могут достаточно долго понижать уровень тревоги, остается актуальным и для тех случаев, когда сновидения манипулируют не с символическим, а истинным мотивационным конфликтом, реальной нерешенной задачей.

Исходя из этих рассуждений, мы полагаем, что основным "действующим началом" сновидений является интенсификация, поиск, конкретная направленность поиска менее существенна. По механизмам положительной обратной связи поисковая активность может поддерживать себя сама (биохимические аспекты этой проблемы мы совместно с В.В.Аршавским рассматриваем в книге "Поисковая активность и адаптация", М., Наука, 1984г.). Поиск, независимо от его направленности, находится в реципрокных отношениях с отказом от поиска, и поэтому сновидения, восстанавливая психические резервы, способствуют возобновлению попыток решения мотивационного конфликта и в условиях бодрствования. Вот почему положительное влияние оказывают и сновидения, в которых происходит поиск решения совсем не той проблемы, которая находится в центре внимания субъекта. Поэтому сновидения легко используют разнообразный материал из случайных впечатлений недавнего прошлого и из малосвязанных с актуальными проблемами событий далекого прошлого. Таким образом, основная функция сновидений - изменение состояния человека, характера его реагирования, его позиции по отношению к любой проблеме.

Допустима следующая аналогия. Известно, что, если больного неврозом, накодящегося в ситуации неразрешимого мотивационного конфликта, удается "переключить" на решение творческих задач, его состояние улучшается. Многие направления психотерапии используют именно такие способы изменения поведенческих установок. В процессе такой психотерапии субъект сам на неосознаваемом уровне находит путь к разрешению своего конфликта. Возможно это происходит не только благодаря дезактуализации вытесиенного мотива, но и изза стимуляции психофизмологических механизмов поиска. Симптоматично, что манифестующее содержание функционально полноценных сновидений здоровых людей гораздо в меньшей степени отражает их глубинные конфликты, чем сновидения больных неврозами и психосоматозами.

V. Субстратом образного мышления и организации образного контекста является правое полушарие мозга.

В целом ряде исследований установлено повышение активности правого полушария в быстром сне, особенно в двух первых циклах. Высказано предположение, что это усиление активности носит компенсаторный характер и необходимо для восстановления баланса межполушарных отношений: поскольку в бодрствовании в условиях нашей цивилизации доминирует активность левого полушария, во время сна должна доминировать активность правого. Но это объяснение является слишком упрощенным. Наши исследования совместно с В.В.Аршавским, Ф.Б.Березиным и А.И.Ланеевым показали, что у представителей некоторых восточных народностей доминирование правого полушария сохраняется и в быстром сне. С другой стороны, у больных неврозами и психосоматозами дефицит правого полушария, при нарушении образного мышления и эмоционально-чувственного контакта с миром, сопровождается выраженным объединением сновидений. Кроме того, анализ соотношений латеральной активности должен приводиться с учетом того, что функциональные системы правого полушария могут активироваться по нескольким совершенно различным причинам. Одна из них - это организация образов по законам образного контекста. Сюда относится и медитация, и гипнотические состояния, и разрешение интрапсихического конфликта в сновидениях. Но активация полушария может отражать и представленность в нем вытесненных из сознания образов, связанных с запретными для субъекта мотивами.

Эта последняя причина противоположна предыдущей, и есть основания считать, что функциональная включенность мозговых систем правого полушария имеет различную электроэнцефалографическую картину при двух этих причинах. Очевидно, что и структура сна при этом меняется не однонаправленно: при вытеснении, представляющем собой вариант отказа от поиска, потребность в быстром сне и сновидениях растет, а при решении проблем в бодрствовании средствами образного мышления - снижается. Таким образом, мы вновь возвращаемся к выводу, что сдвиг межполушарной асимметрии в быстром сне определяется основной задачей сновидений - расширением возможностей поисковой активности за счет спецификации образного контекста.

Мы полагаем, что сам факт осознаваемости сновидений отражает интеграцию сознавия и бессознательного психического в этом состоянии. Если бы помсковая активность, осуществляющаяся в сновидениях, не соответствовала осознаваемым установкам личности, против ее проявления на уровне сознания был бы использован тот же механизм вытеснения, который в бодрствовании препятствует осознанию неприемлемых мотивов и установок. Поскольку и сознание, и поисковая активность человека во многом детерминированы социальными отношениями, можно принять идею Г. Аммона о том, что сновидения преаставляют собой функцию развития не только отдельной личности, но и социальной группы, в которой эта личность формируется.

Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

Давно замечено, что сюжеты, мотивы, поэтические образы и символы часто повторяются в фольклоре и литературе. И чем древнее или архаичиее это сль весное творчество, тем повторение чаще. Впрочем, традиционные сожеты, взятые из давно сложившегося арсенала поэтического воображения, абсолютно господствуют в литературе Запада вплоть до начала XVIII века, а в литературе Востока до еще более поздних времен. Большинство традиционных сюжетов восходит на Западе к библейским и античным мифам, а на Востоке - к буддийским, индуистским и т.п. Но за этими конкретными традициями, отчасти связанными с высшими религиями, стоит огромный массив архаических мифов буквально всех стран, весьма однородных и сходных между собой.

В XVIII-XIX вв. литература демифологизировалась, а в науке возобладало позитивистское представление о мифах как только плодах незрелой мысли, неумелых, ложных обобщениях и пережитках первобытных институтов. Исключение составляли романтическая философия (прежде всего Шеллинг) и романтическая литература, которая если и прибегала к мифоподобным сюжетам, то
не традиционным, а собственного изобретения (сосбенно Гофман).

Но с конца XIX века началась "ремифологизация". Ее пионерами были в теории Ф. Ницше, а в плане практики - Р. Вагнер. Этнология XX века начиная с Б. Малиновского, Ф. Боаса, Дж. Фрезера и учеников последнего - так называемой "Кембриджской школы", показала фундаментальную роль мифа и ритуала в жизни архаического общества и генезисе социальных институтов. Восходящая в ницше "философия жизни" (особенно подчеркием роль Анри Бергсона) проложила путь к восприятию мифа не как полузабытого эпизода предыстории культуры, а как вечной вневременной живой сущности культуры. Глубокое понимание мифа как важнейшей "символической" формы человеческой деятельности сее особой спецификой проявил неокантианци марбургской школы Эрнст

Кассирер. В отличие от представителя французской социологической школы Л. Леви-Брюля, подчеркивающего иррациональный прелогизм мифа на основе мезанизма "партиципаций", Кассирер выявил и рациональные элементы мифа. Лидер структурной антропологии Клод Леви-Стросс описал мифологию в качестве интеллектуального и достаточно плодотворного мышления, но своеобразного и весьма громоздкого, с использованием механизма "медиации" и "бриколажа", т.е. как бы решение интеллектуальных задач - рикошетом.

Отзвуки архаических схем, мифоподобные элементы если и встречаются в литературе второй половины XIX в., то в завуалированной форме, бессознательно. Зато в литературе XX века появляется настоящий поток "ремифологизации", закватывающий поэзию (Йетс, Паунд и др.), драму (Ануй, Клодель, Кокто, Жироду, О'Нил и др.) и роман (Т. Манн, Дж. Джойс, Г. Брох, Дж. Апдайк, Дж. Лоуренс, А. Карпентьер, А. Астуриас, Х.М. Аргедас, Г.Г. Маркес, К. Ясин, М. Булгаков). В странах "третьего мира" при этом используются отчасти сохранившиеся местные фольклорно-мифологические традиции, а в европейской литературе имеет место манипулирование традиционными мифами и древними сюжетами с оглядкой на современную науку и философию. Мифы при этом привлекаются ценой некоторой иронии для выражения именно вечных начал человеческой психики и для описания ее современных бед, как, например, "отчуждение" и социальное одиночество - бед, совершенно немыслимых в архаических обществах. С указанным потоком мифологизации в литературе корреспондирует ритуально-мифологическая школа в литературоведении (М. Бодкин, Н. Фрай и др.), рассматривающая мифологические системы не как источник, к как сущность литературного произведения. Теоретической предпосылкой подобного понимания традиционных сюжетов мифологии и их применения к индивидуалистической психике человека XX века, кроме указанных выше философских и этнологических концепций, является психоанализ как в первичной фрейдистской редакции, так и в юнгианской.

Как известно, 3. Фрейд усматривал в мифических сюжетах буквальные или аллегорическое выражение откровенных сексуальных влечений, якобы направленных на родителя противоположного пола и впоследствии вытесненных в подсознание, порой порождающих болезненные "комплексы", и завуалированных в сюжетах сказки и последующей литературы.

К.Г. Юнг индивидуальным "комплексам" З. Фрейда удачно противопоставил коллективно-бессознательные "архетипы", непосредственной реализацией которых К.Г. Юнг и его последователи (К. Кереньи, Дж. Кемпбелл, Э. Нойман и многие другие) считали мифологию народов мира и ее отголоски в литературе. Понятие коллективно-бессознательного К.Г. Юнг отчасти заимствовал у французской социологической школы ("Коллективные представления" Э. Дуорктейма и Л. Леви-Броля). Под архетипом Юнг понимал в основном (определения в разпосылки образов, существующих в сфере коллективно-бессознательного и, возможно, "биологически" наследуемых, как концентрированное выражение психической энергии, актуализированной объектом. Юнг подчеркивает метафорический, или символический, а не аллегорический, как у Фрейда, характер архетипов.

В качестве важнейших архетипов Юнг выделяет архетипы "Матери", "Дитяти", "Тени", "Анимуса", "Анимы", "Мудрого старика" и "Мудрой старухи".

"Мать" выражет вечную и бессмертную бессознательную стихию. "Дитя" симводизирует и начало пробуждения индивидуального сознания из стихий коллективно-бессознательного, и связь с изначальной бессознательной недифференцированностью, и "антиципацию" смерти и нового рождения. "Тень" - оставшуюся за порогом сознания бессознательную часть личности, которая может выглядеть как демонический двойник: "Анима" для мужчины и "Анимус" лля женшины воплошают бессознательное начало личности, выраженное в образе противоположного пола, а "Мудрый старик" и "Мудрая старуха" - высший ауховный синтез, гармонизирующий в старости сознательную и бессознательную сферы души. Юнговские архетипы представляют собой преимущественно образы, персонажи, в дучшем случае - роди, в гораздо меньшей мере - сюжеты. и, что особенно важно, все эти архетипы выражают главным образом ступени того, что Юнг называет процессом "индивидуации", постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, изменения соотношения сознательного и бессознательного в человеческой личности до их окончательной гармонизации в конце жизни. Таким образом, коллективно-бессознательное практически противостоит индивидуально-сознательному, и мы с самого начала имеем дело с сугубо индивидуальной сферой психики, которая вырывается из тенет коллективно-бессознательного. И эта ситуация нисколько не меняется от первобытности до наших дней.

Таким образом, в плане исторической психологии имеет место совмещение модернизации по отношению к архаической культуре и архаизации по отношению к современному индивидуалистическому сознанию. Кроме того, по Юнгу архетицы описывают бессознательные аушевные события в образах внешнего мира. С этим можно согласиться, но практически получается, что мифология полностью совпадает с психологией, а эта мифологизированная психология есть только самоописание души, пробуждающейся к индивидуальному сознательному существованию, есть только история взаимоотношения бессознательного и сознательного начал личности, процесса их постепенной гармонизации на протяжении человеческой жизни, переход от обращения вовне "Персоны" ("Маски") к высшей "Самости" дичности. Окружающий мир при этом только поставляет некоторые реалии для метафорического выражения душевных состояний. Творение мира в мифах трактуется юнгианцами (например, Э. Нойманом) как история рождения "я", постепенная эмансипация человека (Творение Света только в смысле света Сознания). Также и героическая борьба в мифе с драконами и т.д. интерпретируется как отделение сознательного "Я" от "Бессознательного"

Думается, что взаимоотношение внутреннего мира человека и окружающей его природной и социальной среды - не в меньшей мере предмет мифологического воображения, чем соотношение бессознательного и сознательного в душе" что внешний мир - не только материал для описания внутренних конфликтов, и что жизненный путь человека отражается в мифах и сказках в плане соотношения личности и социума, личности и космоса не в меньшей мере, чем в плане конфронтации-гармонизации сознательного и бессознательного.

Если мы обратимся к архаической культуре и древней мифологии, то прежде всего столкнемся с тем, что первобытный человек, взаимодействуя с социальной и природной средой, не выделял себя из природной среды; поэтому природа часто мыслилась в человеческих формах, космос представлялся великаном, небесные светила - богами или героями, человеческое общество описывалось в природных терминах (сравни анимизмы, тотемизмы и тотемические классификации).

Очень долго человек никак не выделял себя как личность из социума. И в этом смысле мифический герой предперсонален. Во множестве мифов различные сферы природы или конкретные участки ее (леса, реки) олицетворяются духами-хозяевами, а социум, т.е. человеческую общину, субъективно отождествляемую со своим родом-племенем, представляют древнейшие мифологические персонажи, сочетающие черты первопредков, первоначально тотемических, т.е. неотделимых от "природы", - демиургов - культурных героев.

Эти существа мало соотносятся с индивидуальным самосознанием "я" и моделируют человеческое начало в целом. Другое дело, что человечество часто при этом совпадает со своим племенем, а чужие племена порой сливаются с "нелюдьми", с враждебной частью природы. Рядом с "культурным героем" часто в качестве его брата-близнеца или даже его собственной "второй натуры", иной ипостаси, выступает мифологический плут-трикстер с чертами шута. Трикстер или неудачно подражает деяниям культурного героя в делах создания элементов Космоса, введения обычаев и культурных навыков либо нарочно порождает "дурные" элементы природы и культуры, например, гористый рельеф, злых зверей, враждебные племена ("не-людей"), саму смерть. Кроме того, трикстер способен на всевозможные проделки ради утоления собственной жадности и в ущерб другим членам общины. Такая "индивидуалистическая" направленность их деятельности часто им не удается и во всяком случае решительно осуждается. Культурный герой - прообраз положительного героя, а трикстер - прообраз антигероя. "Культурные герои" являются историческими предшественниками и образов богов, и образов эпических богатырей. От трикстеров тянется нить к хитрецам сказок о животных и к персонажам плутовских романов.

Выше указывалось на первоначальную связь первопредков-демиургов культурных героев с тотемизмом. Отсюда - звериные их имена, например, Ворон, Норка, Койот, Кролик (у индейцев Северной Америки) их т.п. Яркий пример враждующих близнецов - культурного тероя и трикстера - находим в меланезраждующих близнецов - культурного тероя и трикстера - находим в меланезраждующих близнецов - культурного тероя и трикстера - находим в меланетропоморфны. Также уже антропоморфны герой полинезийского фольклора - Мауи. Последний, как и, например, Ворон, Норка, Койот в Северной Америке, он сочетает в себе черты и культурного героя, и трикстера.

Если тотемическая зооантропоморфная природа некоторых культурных героев затемияет дифференциацию культуры (социума) и природы, то знаменитый древнегреческий Прометей отчетливо противостоит богам именно как защитник человечества. Его брат - Эпиметей, принявший Пандору с ее злыми дарами, есть вариант "негативного" культурного героя (трикстера).

Культурные герои богатырского типа, наподобие греческих Геракла, Тесея, Ясона или скандинавского бога Тора, некоторых персонажей героического эпо-са, например, в эпопеях тюрко-монгольских народов Сибири, индийской "Рамаяне", тибето-монгольской "Тесэриаде", англо-саксонском "Беовуьлфе", русских былинах, представляют силы Космоса, борющиеся против демонических, хтонических "чудовищ" Хаоса, угрожающих мирному существованию людей. Эти герои, при всей своей "сверхчеловечности", тоже в основном пре- персональ-

ны и олицетворяют коллективное начало природно- и социально-упорядоченного Космоса.

Совершенно очевидно, что магистральной темой мифа, фундаментальным архетилом является "творение" элементов природы и культуры обожествленными предками, которые элементы или магически порождают, или даже "биологически", как родители детей. Демиурги изготовляют их, как ремесленники. Культурные герои добывают их, иногда похищают у первоначальных ("природных") хранителей. И речь идет о создании внешнего мира, а не только о пробуждении индивидуального самосознания.

Специфика мифа заключается и в том, что в виде рассказа о происхождении элементов мироздания и социума дается описание некоей модели мира. Происхождение мира дополняется его упорядочением, победой Космоса над Хаосом, и этот Космос - не аллегория индивидуации, а Хаос - не аллегория коллективно-бессознательного.

Упорядочение мира выражается также в борьбе сил Космоса против демонических сил Хаоса - чудовищ и т.п., эта больба описывается в героических мифах и является тоже важнейшим архетипом. Кроме мифов творения и продолжающих их героических мифов, имеются мифы эсхатологические - о конце мира, о временной или окончательной победе Хаоса над Космосом, т.е. мифы творения "наизнанку", а также мифы календарные о периодическом обновлении природы и обновляющих ее богах и героях, причем обновление происходит через Смерть, Хаос и новое Творение в виде возрождения (Воскресения). Сюда же примыкает и мифологическая тема, тоже архетипическая, стоящая на грани "природы" и социума, - тема смены поколений, замены старого царя, жреца, колдуна, вождя молодым (сравни теогонии о смене поколений богов). Эта смена часто описывается как борьба Хаоса (старшее поколение) с Космосом (младшее поколение) и как успешное прохождение молодым героем "посвящения" в зрелость, т.е. инициации. При этом инициационные испытания сливаются с попытками старого вождя-отца или брата матери героя извести молодого претендента на власть. Зрелость героя также обычно проявляется в некоем гиперэротизме и в том, что герой вступает в любовные отношения с женой старого вождя, которая может оказаться даже его собственной матерью. Однако это не следует трактовать в фрейдистском духе как выражение инфантильной эротики в адрес матери и сексуального соперничества с отцом.

Примеров разработки темы смены поколений бесчисленное множество. Упомянем только два: первый - тлинкитсткий миф о борьбе молодого Ворона, будщего культурного героя, со старым вороном, его дядей. Рассказ включает инцест с женой дади, попытки старого Ворона извести героя разными способами, вплоть до насылания потопа, т.е. водяного Хаоса. Второй пример - известный греческий миф об Эдипе, который до сих пор нещадно эксплуатируют психоаналитких.

Как сказано, в теме смены поколений отражается первобытный обряд инициации, посвящения по достижении половой зрелости в полноправные члены племени. Несомненно, что архетипические мотивы инициации истретаются и в других, упомянутых выше, героических и календарных мифах. Но инициация в мифе - акт социальный, переход из одной социальной группы в другую, акт, который можно рассматривать как своеобразную "космизацию" личности героя, покидающего аморфное сообщество женщии и детей; отсюда и естественное сближение с мифами творения. Но это не только символика пробуждения индивидального сознания, но и символика приобщения к социуму. Что касается инцеста (запрещенной кровосмесительной эротической связи), то он в ряде сюжетов сигнализирует о зредости и готовности героя к инициации, способности успешно ее пройти, причем речь может идти и об инициации высшего уровня - посвящения в вожди.

Но за исключением подобных случаев мифы не одобряют инцест. Так, в мифах о детях Ворона у каряков и ительменов (выше упоминался миф о Вороне у индейцев-тлинкитов) сын ворона Эмемкут женится двяжлы один раз неудачно, а второй раз - удачно. Первый, неудавшийся брак - это либо брак с "бестологаным" существом, либо неправильный инцестуальный брак с родной сестрой Иннанавут (Синаневт); второй удачный брак - с мифологическим существом, дающим хорошую погоду и удачную охоту. Прибавим, что популярный мифологический, а затем и сказочный архетипический сюжет женитьбы на чудесной жене, сбросившей временно звериную (тотемную) оболочку, при всей фантастичности, утверждает экзогамный брак с женщиной из другого рода (с другим тотемом). Эти и подобные им мифы не всегда подходят под психозаналитическое истолкование и, являясь социогенными, выражают процесс социогенеза общества за счет запрещения внутриродовых инцестуальных браков. Таков двойной аспект архегила инцеста.

Следовательно, мифы и архетипические сюжеты не только имеют корпи в коллективно-бессознательном, но обращены на Космос и социум, они бессознательно социальны и сознательно космичны в силу сближения и отождествления социума и Космоса; мифические герои пре-персональны, моделируют социум.

Персонализация и элементы того, что Юнг называет индивидуацией, появляются на постмифологической ступени развития словесного искусства.

Далее обратим внимание на исключительность геров в героических мифах и в героическом эпосе. Эта исключительность антиципирована в чудесном рождении героя, в происхождении его от богов, зверей (реликт тотемизма), от инцестуальной связи брата и сестры (аналог первых людей), в непорочном зачатии или чудесном рождении у престарелых и прежде бездетных родителей, или от вкушения плода, или вследствие водшебства и т.д. Чудесное рождение дополняется героическим детством, во время которого герой-ребенок проявляет недожинную силу, убивает чудовищ, мстит за отца и т.д. или, наоборот, временно проявляет крайнюю пассивность, медленно развивается (сравни юнговский архетип "Дить").

В героическом мифе архетипический характер только намечается. В героическом эпосе он окончательно формируется как характер смелый, решительный, гордый, неистовый, стролтивый, склонный к переоценке своих сил. Вспомним "гнев" Ахилла, "неистовое сердце" Гильгамеша, буйство и чреамерную гордыню библейского Самсона, наказанных за гордыню богоборцев Амирана, Абрскила, Артавазда, строптивого Илью Муромца, "храброго" Ролана в его противопоставлении "разумному" Оливеру и т.л. Неистовость, толкающая богатырей на конфликты с властителями и богами, явно подлеркивает их индивидуальность. Неслучайно эти конфликты (например, в случае Ахилла, Сида, Ильи Муромца) гармонически и самым естественным образом разрешаются. Это происходит потому, что зпические герои продолжают олицетворять прежде всего родо-плетому, что зпические герои продолжают олицетворять прежде всего родо-плетому.

менной коллектив; их личные чувства не в силу особой "сознательности" или "дисциплины", а совершенно стихийно и естественно совпадают с общинными мощиями и интересами. Личная строптивость на фоне социальной гармоничности- важная специфика героико-эпического архетипа. Подчеркием, что в эпосе социум выступает уже не в космическом, а племенном или даже государствериом обличии

И только в волшебной сказке, гле мифический Космос уступает место не племенному государству, а семье, процесс "персонадизации" проявляется ощутимым образом, несмотря на то, что сказочные персонажи гораздо пассивнее эпи-MACKEY (BULACTE AC RECHUSECROTO MESHVIIIRM-AVESURE) R STOR B RESECTION CHICAGO за них действуют волшебные помощники. В сказке герой часто дается в соотношении со своими соперниками и завистниками, которые стремятся приписать себе его полвиги и овладеть наградой. Выяснение, кто именно истинный герой. очень важно аля сказки, и в памках ее возникает апхетипический мотив "илентификации", установления авторства полвига. Для нас важно полчеркнуть, что терой противопоставляется не только хтоническим чуловищам (например, дракону, которого он должен победить, чтобы спасти наревну), но и членам своего узкого социума, например, старшим братьям или сестрам, мачехиным дочкам, парским зятьям. Сказка в отличие от мифа открывает путь для свободного сопереживания, аля психологии исполнения желаний: приобретения чулесных предметов, исполняющих желания, и женитьбы на паревне - прежде всего. Сказочная паревна, с точки зрения юнгианцев, есть "Анима" тероя, т.е. женский вариант его души (что достаточно спорно).

Пре-персональный мифический герой в известном смысле имплицитно отождествялся с социумом, эксплицитно действовал на космическом фоне. Персональзованный сказочный герой представлялет личность, действующую на социальном фоне, выраженном в семейных терминах. Важнейший архетип, порожденный сказкой, это мнимо "низкий" герой, герой, "не подакощий надежа," который затем обнаруживает свюю героическую сущность, часто выраженную волшебными помощниками, торжествует над своими врагами и соперниками. Изначально низкое положение героя часто получает социальную окраску обычно в рамках семьи: сирота, младший сын, обделенный наследством и обиженный старшими братьями, младшая дочь, падчерица, гонимая элой мачехой. Социальное унижение преодолевается повышением социального статуса после испытаний, ведущих к братному союзу с принцессой (принцем), получением "полцарства". Сам образ принцессы символизирует этот социальный сдвит в судьбе героя, а не только его женскую мпостась (Анмун), как утверждают онгиваны.

Указанный архетип отражает исторический переход от рода к семье, разложение родового укада. При этом младший сын в сил уперехода от архаического минората к патриархальному майорату и падчерица в силу того, что само появление "мачехи" есть результат нарушения родовой эндогамии, т.е. возникновения браков на женщинах за пределами "класса жен", вне своего племени, являются жертвами этого процесса. Эти архетицические мотивы, имплацитно социальные, обычно обрамляют ядро сказки, в которой реализуются более старые
архетицические мотивы, унаследованные от имуфа и лишь слегка трансформированные. В частности, связанные с обрядом инициации и борьбой против сил
Хаоса, добыванием объектов из иного мира, женитьбой на "тотемной" жене и
т.а. В бытовой сказке место волшебных сил занимает собственный ум тероя и

его судьба, в сказке о животных и анекдотической сказке развивается архетип трикстера, торжествующего над простаками и глупцами. В легендах о пророках и подвижниках используются архетипические мотивы мифов о культурных героях и периферийные мотивы впоса и сказки.

В рыцарских (куртуазных) романах завершается трансформация архетипов, намеченных в сказке и эпосе. Более того, именно в куртуазном романе архетипы выступают в наиболее "очищенном" виде, очень напоминающем то, что юнги-

По сравнению с эпическим героем, рыпарь вполне персонализирован и обуолится без буйного сроеволия в нем больше пирилизоранности. На стапьий апический архетип героя оказывает давление новый романический идеад. Собственно рыцарское начало, которое можно соотнести с представлением об эпическом герое, приближается, отчасти, к тому, что К.Г. Юнг называл "Персоной". Это начало вступает в противоречие с глубинным, полсознательным проявлением как раз не коллективного, а инливилуального начала луши. Это инливилуальное начало проявляется прежде всего в стичийном фатальном любовном чувстве к уникальному объекту. Попытки заменить его аругим объектом не улаются. Самый яркий пример: Тристан не может забыть Изольду белокурую в объятиях Изольды белорукой. Межау тем это фатальное чувство социально леструктивно, оно ведет к супружеским изменам, инцесту (связь Тристана с женой дяди, сюзерена Марка, или связь Рамина в персилском романе "Гургани" с женой старшего брата и властителя Мубала, или связь Генлзи в японском романе "Мурасаки" с наложницей отца-императора и т.п. - все это преображенные мифологемы смены поколения вождей), позору племени (дюбовь Кайса-Меджнуна к Лейде у Низами) или просто к отвлечению от рынарских приключений и выполнения рыцарского долга (в романах Кретьена де Труа).

В ранних рыцарских романах (например, в "Тристане и Изольле") конфликт не получает разрешения и угрожает герою гибелью. Психоаналитические критики (например. Кемпбеда) видят здесь исконную связь дюбви и смерти, восходящую к эротическим элементам аграрных обрядов. Эта отдаленная связь не исключается, но мало что объясняет в сюжете романа. В более развитых романах происходит гармонизация за счет куртуазной или суфийской концепции любви. т.е. дюбовь сама вдохновляет героя на подвиги. Этот процесс гармонизации внешнего и внутреннего, рационального и иррационального (подсознательного) осуществаяется во времени и через новые испытания, которые сравнимы с тем. что Юнг называет индивидуацией. Любовный объект во всех этих романах сопоставим с юнговской "Анима" без натяжки в отличие от сказочных паревен. Но подсознательная стихия здесь как раз сугубо индивидуальна, а не коллективна, именно она как бы сопоставима с "Самостью". Архетип инициации здесь преобразован в сложные рыцарские приключения и испытания верности как эпического, так и романтического начала. В "Персевале" Кретьена ле Труа в сюжете используется архетип смены поколений. Персеваль должен заменить больного Короля-Рыбака в качестве хозяина чулесного замка Грааль, оба начала (эпическое и романическое) постепенно гармонизируются уже с точки зрения христианской любви.

Европейский рыцарский роман, используя традиционные мифы, охотно прибегает к разным традициям - христианской, античной, явыческо- кельтской и т.а. Такое совмещение способствует выявлению аржетипических сущностей. Такое же впечатление производит византийский роман при сравнении с более древним греческим романом эллинистического и римского времени.

Таким образом, картина оказывается более сложной по сравнению с юнгианскими представлениями, не говоря уже о фрейдистских, ибо пробуждение суубо индивидуального сознания происходит постепенно, на протяжении определенной исторической дистанции и связано с некоторой мерой эмансипации
личности. Поэтому рыцарский роман гораздо адекватнее юнговской картине,
еме арханческие мифы. С другой стороны, ученые, находящиеся под влинием
юнгианства (например, Кембелл в качестве автора книги "Маски бога" или упомянутая выше ригуально-мифологическая школа в литературоведении), не делают существенных разлачий между древней мифологией и мифологиязрующим романом типа Джойса, а также авторами XX века, не прибегающими к традиционным сюжетам, но создающим свою личную мифологию, как это делает
Кафка.

Между тем Ажойс с помощью иронически преобразованных мифодогических архетипических мотивов выражает не только пробуждение индивидуаль-HOTO COSHAHUR WS KONNEKTURHO-DECCOSHATENNHOTO, YOTH MOTUR OCRODOWNEHUR OT социальных клише у него присутствует, но и трагелию отчужления и покинутости индивида в XX веке. У Джойса мы находим отчетливую дисгармонию личности и социума, личности и Космоса. То же и у Кафки, но без использования тралиционных мотивов. Вопреки мифологичности Джойса и квази-мифологичности Кафки, вопреки их игре архетипами достаточно очевидна противоподожность смыслов в молернистском романе и в фольклорно-литературной архаике от поллинного мифа до рыцарского романа: например, в настоящих тотемических мифах и в волшебной сказке о чудесной жене - превращение в животное есть соединение со своим социумом, а в "превращении" Кафки - разрыв с семьей и полное отчуждение. В мифах, сказках и рыцарских романах герой в конечном счете удачно проходит инициацию и получает доступ к высшим социальным и космическим ценностям, а джойсовский Улисс (Блум) не может уколениться в семье и в городе, где он живет, так же как землемер К. у Кафки в романе "Замок". Герой Кафки как бы не может пройти инициацию, необходимую для вхождения в желанный социум, так и для героя "Процесса", другого знаменитого романа Кафки, остаются недоступными "врата закона". Герой Кафки в противоположность архаическим ("архетипическим") персонажам отторгнуты и от общества. и от высших небесных сил, от которых зависит их судьба.

В большинстве "мифологизирующих" произведений XX века нарушен основной пафос древнего мифа, направленный на устранение Хаоса и создание модели достаточно упорядоченного, целесообразного и "укотного" Космоса.

В.В. ИВАНОВ

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ, ЯЗЫК И ТВОРЧЕСТВО

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Начну с истории болезни. Во время лечения шизофрении односторонними электросудорожными шоками, которое проводимого в Ленинграде группой, руководимой Л.Я.Балановым, мне пришлось летом 1979 года наблюдать такой случай. Молодая девушка, одаренная художница, не выходит месяцами из тяжелейшего бреда. В него вплетено столько разнообразных символов, что один из психиатров, знакомившийся вместе со мной с историей ее болезни, жаловался на почти полную невозможность выделения основного ядра в этом потоке ассоциаций. После правостороннего шока, когда поведением больной управляло в основном левое (доминантное по речи) полушарие, она, отвечая на вопросы, стала четко описывать мучащий ее комплекс сексуальной вины перед своей матерью (ей чудится, что она потеряла невинность, хотя по данным медицинского обследования, она - девушка). До описываемого шока, при шоках с противоположной стороны, девушка (чьим поведением в короткие промежутки после левостороннего шока управляло преимущественно правое полушарие, ведающее образным восприятием) сделала несколько хороших рисунков. После же правостороннего шока в ответ на просъбу нарисовать что-нибудь девушка изобразила нечто, что я не мог бы истолковать сразу же, если бы не занимался раньше сексуальной символикой наскальных рисунков пещер Верхнего палеолита (замечу, что эти рисунки на протяжении длительного периода истории Homo sapiens характеризовались схематизацией и установкой на деталь, поданную как бы "крупным планом", которая типична для левого полушария, видимо, игравшего особую роль в разных видах знаковой деятельности после победы звукового языка как главного средства общения). Психиатры, не имевшие культурно-антропологической подготовки, не поняли изображения и стали расспрашивать больную. Она им пояснила: "Это - мои половые органы". В течение нескольких десятков минут после правостороннего шока девое подущарие больной сосредоточенно занималось самознализом, пезультаты которого мы наблюдали и в ее словесных объаспениях и в таких символических писмихах Затем с увеличением активании правого полушария снова стал проявляться комплекс вины уже в лостаточно трансформированных формах бреда, которые новому наблюдателю могли бы опять показаться загалочными. Рисуя, больная приговаривала: "Бумага, прости меня! Карандаш, прости меня! И фон, прости меня!" и падада на колени (отбитые от того, что она постоянно бухалась на них). Завершая рассказ об этой больной. AONO BANO UTO V HEE WE CHEAN CYEMATURUDORAHHAY DUCYHKOR NAA N DUCYHOK DVKU с тем значением симвода бога, который характерен для первобытного искусства и искусства шизофреников. Подчеркну, что метаязыковые операции весьма характерны для первого часа после правостороннего щока, когла девое полущарие демонстрирует все свои возможности, относящиеся к языку, в том числе и к его метаязыковому употреблению, при котором язык, оборачиваясь на самое себя. CAVWAT CDEACTROM AND CONCERNATION OCCAPADRAMA STATE MOWET MOTOR NORTH CO для уяснения самим человеком себе не только языковой деятельности (в норме по отношению к родному языку бессознательной), но и для осознания других сторон поведения, без вербализации остающихся неосознанными.

Перейду сразу к формулировке предлагаемой гипотезы. Несколько авторов в разных странах, занимающихся функциональной асимметрией мозга, неза-BUCKMO ADVI OT ADVIS IDMINAK K ADIVINEHUM, TO DECCOSHATE AND CRESSED IDEXAE всего с правым полущарием, в норме немым. В частности, многими обращено внимание на возможность участия именно правого полущария в формировании сновидений (в этом смысле дечение депрессии посредством депривации сна в фазе REM сходно с лечением депрессии правосторонним шоком). Позволю себе лобавить к этому допушению еще одно: осознанное понимание сферы пода, характерное для взрослого, относится к доминантному по речи (левому) полушарию (и к управляемым им подкорковым областям). Пенфилду при стимуляции электродами определенных зон правого полушария во время операций на мозге удавалось вызывать различные бессознательные воспоминания, но они никогла не относились к сексуальной сфере. Правое полушарие - неречевое (в известных отношениях "доречевое") хранидище зрительных образов, но образов уже трансформированных или инфантильных и не содержащих в себе обычно их явной "взрослой" сексуальной интерпретации (даже в тех случаях, когда она весьма вероятна). Целесообразно исходить из противопоставления речевого полушария, к которому относится и осознаваемые через слово области половой жизни взрослого, и полушария неречевого, которое по характеру своей сексуальности может быть инфантильным и отражать доречевой (неосознанный) период развития сексуальности. Период словесного обучения сексу (в норме весьма длительный) следует за периодом, когда ребенок обучается родному языку. Это представляется возможным показать на таких предельных случаях, как "волчьи" дети (типа Маутли), не только не владеющие языком, но и оказывающиеся "сексуально необученными" и потому неспособными к половой жизни, и как слепоглухонемые, которые при отсутствии особого обучения долгое время (уже после совершеннолетия) остаются на весьма инфантильной стадии развития сексуальности. Вместе с тем в норме неречевое правое полушарие может быть источником образов, основанных на инфальтильной и трансформированной (и сублимированной) сексуальности. Оно связано с образным творчеством A C AND CORE OF SAK TROPHECTROM A ACTORNACION TROPHECTRA (ACCTATORNO HARIOMHUTE хотя бы круг образов, дежащих в основе вступительных строф к "Витязю в барсовой шкуре" и близких к ним представлений в других произведениях средневековой аитературы). Правое полушарие отвечает за образность пушкинского "Я помню чудное мгновенье", но не за известный девоподущарный авторский прозаический комментарий к биографическому эпизоду, отраженному в этом стихотворении. Личная драма Блока, как и соотношение между разными жанрами стихов (возвышенных, обращенных к Софии, и непристойных) Владимира Содовъева (полдинники которых, как и писем, продиктованных им самому себе от имени Софии, написаны разными почерками, возможно, разными руками и это может объясняться тем же отличием образного (инфантильного или сублимированного надсексуального) содержания эмоций правого полушария и вербализуемой (в том числе в цинических или эротических высказываниях) половой активности левого полушария и контролируемых им подкорковых областей. Любовь и творчество в норме, как и бред (типа того сдучая комплекса вины. с которого я начал), в патологии могут быть соотнесены именно с правым полущарием, а осознаваемый разумом секс - с девым. Девое и правое полущария противопоставлены и как системы управления, с одной стороны, подожительными эмоциями (вплоть до эйфории), с другой стороны, депрессией (чем объясняется возможность ее лечения депривацией сна иди правосторонним шоком) и тенденцией к саморазрушению. В этом смысле значительную опасность может представить неконтродируемое сдедование друг за другом правых и двусторонних шоков, что можно подтвердить некоторыми примерами из американской клинической практики минувших десятилетий.

Гипотетической форме можно было бы предположить, что самоубийство (или близкие к этому формы поведения, например, провоцирующие дуэль у русских поэтоя XIX в.) и фрейдовский "институте плефти", на роль которого должное внимание было обращено лишь в недавнее время, можно связать с правым полушарием (самоубийство - предельный случай, который с этой точки зрения можно описать как убийство правым полушарием, небото, Голда не только различение "Я" (соотносимого с левым полушарием), "Сверх-я" и "Оно" (соотносимо с правым полушарием), "Сверх-я" и "Оно" (соотносимо с правым полушарием), но и противопоставление Эроса (левоплушарного) и Танатоса (правополушарного) у позднего Фрейда можно было бы истолковать (в дуже его раннего опыта "Психологии для неврологов") с точки зрения функциональной асимметрихи полушарий.

Для психоанализа характерна ориентированность на слово, доведенная до предела в школе Аакана, но заложенная уже во фрейдовском анализе оговорок (иетэ/песлем) и игры слов в каламбурных остротах. Если речевая деятельность левополушарна, то естественно, что при речевом осмыслении (вербализация) оессознательного на первый план и выдвигаются словесно осознанные сексу-альные влечения как таковые. Но остаются нерешенными вопросы взаимодействия двух полушарий и тех нижних уровней организации мозга, которые с ними сявзаны. Вопрос первый: мы знаем, что субдоминантное (правое) полушарие пользуется зрительными жестовыми образами, во многом запечетленными (по-редством imprinting) еще с раннего детства (когда дифференциация функций полушарий только начинается). Остается выяснить поставленный еще в письмах Фрейда Флиссу вопрос о том, как рано могут датироваться первые словесные, еще не понимаемые до копца, внечатьения. Каким образом ранние несловесные еще не понимаемые до копца, внечатьения Каким образом ранние несловесные

впечатления могут быть переведены на словесный язык? Возможно, что переводу способствует запись и первых услышанных слов и других рано воспринятых образов в каждом из полушарий еще до закрепления латерализации. Но и позланее подобный перевод с языка неречевых образов на естественный язык необходим и для психоаналитического сеанса. Напрашивается глубокая аналогия стипнозом, при котором, по-видимому, осуществляется отключение левого полушария и более или менее изолированное функционирование правого (напоминающее левовсторонний шок). Следует выяснить, не навязывается ли сексуальная интерпретация символики правого полушария при ее вебрализации левым, для которого характерна установка на осознанный секс.

Возникает аналогичный вопрос: как субдоминантное (правое) полушарие использует словесные символы, типичные для доминантного (левого)? Еще Джексон, открывший первым более 100 лет назад протипоставление функций двух полушарий, отмечал, что афатики сохраняют способность ругаться. Более того, снятие цензуры левого полушария, управляющего "официальными" нормами речевого поведения, способствует более свободному употреблению ругательств. Но нецензурируемая ("неофициальная" в терминах М.М.Бахтина) речь правого полушария обычно не относится к сексуальной сфере как таковой. Правое полушарие использует соответствующие слова не в прямом, а в образном употреблении, соответствующем той карнавальной правополушарной образности "гротескного тела", которая по отношению к площадному языку толпы изучена тем же М.М.Бахтиным. В этом плане особый интерес представляет роль слова для осознания всего макрокосма через соответствия с человеческим телом у догонов. Употребление этих же слов только в прямом смысле характерно для некоторых особых форм сексуального поведения (например, у гомосексуалистов), где, вероятно, участие левополушарных механизмов (эротическая роль, в частности, как вид извращенности). Более нормальным (в фольклоре некоторых народов обязательным) является использование таких слов в двух смыслах, напоминающее описанный Фрейдом механизм каламбура.

Правое полушарие в норме (когда осуществляется цензура левого полушария) - бессловесно, и именно в этом лежат истоки его творческого потенциала. Крупнейший лингвист Роман Якобсон обратил внимание на особенности мышления Эйнштейна, которое опиралось не на слово, а на бессловесные образы, бесспорно правополушарные. Особый интерес представляет то, что уже в зрелом возрасте Эйнштейн хотел найти такие музыкальные и цветовые образы (явно относящиеся по самому своему характеру к сфере правого полушария), которые бы соответствовали его физическим и геометрическим идеям; по свидетельству Л.С.Термина, соответствующие работы в его студии в Нью-Йорке велись Эйнштейном вместе с Бьют, позднее получившей известность как кинорежиссер. Интересно обратить внимание и на особенности речевого развития (или точнее, раннего недоразвития) Эйнштейна. Еще в 9 лет Эйнштейн пользовался словами детского языка, позднее он испытывал затруднения при обучении чтению. Ретроспективно сам Эйнштейн видел в своем замедленном речевом развитии одну из причин, облегчивших открытие им основ теории относительности: он говорил, что понял по-новому пространство и время именно благодаря тому, что научился употреблять слова "Raum" и "Zeit" только в таком возрасте, когда другие молодые люди давно уже их говорят, как правило, не задумываясь об их значении, полученном в готовом виде при обучении языку. В качестве проблемы

для психологической и биографической истории лингвистики XX в. следует отметить и вероятную связь раннего заболевания Н.С. Прубецкого, приведшего к афазии и аграфии с последующим депрессивным состояниям (указывающим на преобладание правого полушария), с геометрической ориентированностью позднее им предложенных классификационных типов фонологических систем (показательны и его продолжавшиеся занятия музыковедением).

Цензура левого полушария в некоторых случаях должив быть сията (заторможена) для усиления или хотя бы для обеспечения творческой образной деятельности. С этим связано четкое отрицательное отношение к психоанализу крупных художников слова. Всем известны часто повторяющиеся нападки Набокова на венскую школу. Стоило бы посвятить особый психоаналитический этюд выяснению причин этой враждебности автора "Лолиты" (фрейдисткое истолкование которой естественно напрашивается) к Фрейду. Позволю себе привести один пример из собственных воспоминаний. Как-то я спросил А.А.Ахматову, почему она так враждебна к психоанализу. На это она мне ответила, что если бы она прошла курс психоанализа, искусство для нее было бы невозможно. Я поддерживал ее мысль, сославшись на два письма Рильке, написанных 24 января 1912 г. В это время подруга Ницше, Рильке и Фрейда Лу Андреас-Заломе уговаривала поэта пройти курс психоанализа; он же ей ответил, что это было бы возможном только в случае, если бы он больше ничего не писал. Выслушав мой пересказ письма Рильке, Ахматова заметила: "Ну, вот видите, значит, я не ошиблась. Со мной это иногла бывает".

Конфликт между стереотипной психоаналитической терапией и поэтическим творчеством лежит в основе фабулы цикла повестей и рассказов Сэлинджера о поэте Симуре. Его герой, пройдя по настоянию своих свойственников-мещан курс психоанализа, кончает жизнь самоубийством. После того, как творческая образная функция правого полушария заторможена из-за включения психоаналитической вербализации, среди разных функций этого полушария побеждает депрессивная - деструктивная. В замысле Сэлинджера отчетливо противопоставлена психоаналитическая клиническая практика в ее вульгаризованном виде и поэтическое творчество, к представителям которых Сэлинджер склонен отнести Фрейда, но не его эпигонов. Любопытно, что в одном из писем к своей невесте сам Фрейд писал, что он надеется в науке достичь того, чего ему не удалось в поэтических опытах (сходно о себе говорил и Эйнштейн, считавший, что свое безграничное воображение он полностью мог использовать в физике. а не в искусстве). Отмеченное Эриком Эриксоном "зрительное любопытство" Фрейда, позволявшее основателю психоанализа проникнуть в сны и воспоминания своих пациентов еще до введения окончательных словесных формулировок, бесспорно говорит о наличии в интуиции самого Фрейда этой правополушарной составляющей (для ее исследования представляет интерес и самонаблюдение Фрейда в письме Флиссу о его "обеих левых руках"). Этой интуиции не хватало многим его последователям (разумеется, особняком стоит Юнг, много сделавший для глубинного понимания зрительных архетипов при всей спорности, а зачастую и фантастичности предложенных им словесных толкований). Наибольшее достижения Фрейда (в изучении сновидений и остроумия) связаны именно с проявлением этой его интуиции. Мне кажется, что художественная интуиция Фрейда сказывается и в таких его суждениях об искусстве, как приводимое в

воспоминаниях Рейка замечание об излишнем увлечении Достоевского патологическими случаями.

Среди примеров, иллюстрирующих взаимодополнительность (в смысле Бора) психоаналитической вербализации и творческой образной переработки цензурируемых девым полушарием (как представителем социума в мозге) комплексов. приведу биографическую предысторию "Steppenwolf" Германа Гессе. Напомню последовательность основных фактов. Гессе, несколько лет страдавший тяжелейшей депрессией, сразу после окончания первой войны начал проходить курс психоанализа. Его жизненная ситуация все отягощалась, облегчение на наступало, невроз усиливался. В трагической и художественно выкристаллизовавшейся форме этот круг депрессивных переживаний выражен у Гессе в позднее опубликованном стихотворении "Степной волк". Но только художественная сублимация в замечательном одноименном романе принесла Гессе освобождение от страданий. Тогда и возникает тот просветленный взгляд на мир, который присущ позднему Гессе. Творчество оказалось завершением процесса лечения, начатого психоанализом. Отчетливое построение всего произведения как описания проведенных автором над самим собой опытов вербализации прошлого, частично сходных с психоаналитическими, лежит в основе книги Зошенко "Перед восходом солнца". По написании ее Зощенко в 1943 г. в моем присутствии говорил, что ему удалось избавиться от тоски, всю жизнь его мучавшей; он хотел с помощью книги сделать этот метод общедоступным.

Возвращаясь от художественной литературы к науке, в заключение приведу слова одного крупного физика, познакомившегося с проблематикой функциональной асимметрии. По его выражению, суть состоит в достижении совершенной гармонии правого и левого. Как мне думается, это и есть современная форма той мысли Э Сепира о нормальном функционировании бессознательного.

А.В.ДОБРОВИЧ

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ЕЕ СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПАТАЛОГИИ

(1) Вопрос о психосоматических отношениях, поднятый еще в античную эпоху, в наши дни приобретает особенно актуальное звучание. Вместо бесплодного противостояния "психиков" и "соматиков" сегодня время выдвигает требование синтеза, всего ценного, что было накоплено обоими направлениями мысли. Каковы же складывающиеся сегодня представления о связи психического и соматического;

Начием с того, что психоаналитики все чаще отказываются от расширительного толкования основного постулата 3.Фрейда том, что главным источником как психических, так и соматических страданий являются "противоречащие биологической природе человека" социокультурные нормы, формирующие на бесознательном уровне индивидуальной психики "психодинамический конфликт", который далее конституирует болезнь. Многие последователи Фрейда сегодня отдают предпочтение мысли о том, что социокультурные факторы в их индивидуально-психодогическом преломление создают толком предрасположенность к заболеваниям разного рода, и лишь в особо оговоренных случаях детерминирует само заболевание. Отсюда вытекает ограничение показаний к психованамия, а порой и отказ от этого метода.

С другой стороны, даже исследователя, глубоко чуждые методологии фреймая, в наше время не отвертают участия психологических факторов (в том числе неосознаваемых) в этиопатогенезе разнообразных болезней и динамике их
излечения. Имеющесся заболевание может приобретать для субъекта различное
значение в зависимости от общего смысла его деятельности, занимая в осознаваемой и неосознаваемой иерархии его ценностей либо одно из первых, либо
одно из последних мест. Это, безусловно, влияет на характер течения и темп обратного развития заболевания. Хорошо известно, например, что в психологи-

ческой атмосфере активной и целенаправленной деятельности, постоянно питающей оптимизм субъекта, болезнь может быть легче перенесена и эффективнее преодолена, чем в атмосфере пессмизмаи и фиксации на страданиях. Но если это так, то анализ социокультурных влияний, формирующих предпосылки заболеваемости и устойчивости к болезням, перестает казаться бесплодным умствованием.

Даже противникам психоанализа нелегко отрицать сегодня участие личностных факторов в динамике психозов, не говоря уже о неврозах и патохараю терологических развитиях. Тенденция психотика к "драматизации" действитерьности, к бредообразованиям с иллизорным обнаружением врагов, преследователей, вредоносных сил и т.п. не может быть выведена непосредственно из патологии межней ронных связей, обмена веществ и т.д. Заго заесь явно выступают вперед "поиски смысла" (см. "закон смысла" у В Бассина), то есть проявления психологической, личностной активности индивида на фоне патологически измененной работы мозга. Нет надобности подчеркивать зависимость психического статуса от таких факторов, как действие токсинов или аутотоксинов на мозг, действие трави, но это не дает оснований утверждать, что любо психическая дисфункция возникает в силу органических причин. Существуют и иные механизмы формирования психических дисфункций; в частности, механизмом такого рода является нарушение отношений между сознанием и бессознательной сферой психики человека.

При этом ссылка на "бессознательное", в понимании Фрейда, необязательна . Психологический уровень адаптации индивида, как иные ясио, включает в себя, помимо сознания, систему неосознаваемых психологических процессов. С на ибольшей полнотой и продуктивностью эти процессы осмыслены, очевидно, теорией установки Д.Н.Узнадзе. Предполагаемое нейрофизиологическое "обеспечение" межанизмом установки орошо согласуется с воззрениями И.П.Павлова, А.А.Ухтомского, П.К.Анохина, Н.А.Бериштейна на организацию высшей нервиой деятельности. Проблематика бессознательного оживленно дискугируется с егодят также в слете новейших данных с полушарной асимметрией головного мозта. Иными словами, исследование бессознательных психологических факторов, влияющих на нарушение психики, в наше время становится общепризнанной сферой начки.

Коснемся теперь соматических дисфункций, предположительно связанных с позиция ортодоксального фрейдизма предписывала усматривать в любом соматозе не что иное, как следствие интрапсихического конфликта, то уже в подходе Ф.Александера и представителей его школы безоговорочно принимается ограничительное толкование тезиса о "психогенном" происхождении болезней тела. Исследования этой школы позволили выделить лишь семь соматических заболеваний, детерминируемых психодинамическим конфликтом. Это пептическая дуоденальная язва, язвенный колит, бронхиальная астма, нейродермит, ревматоидные артриты, артериальная гипертония и тиреотоксикоз. Однако психодинамический конфликт рассматривается данной школой как болезнетворный фактор, действующий совместно с такими факторами внепсихологиского порядка как: врожденные конституциональные особенности субъекта, родовые микротравмы, органические заболевания младенческого возраста и т.п.. Сам же психодинамический конфликт увязывается этой школой с особенностями ухода за субъектом в младенческом возрасте (способы от груди,

приготовления ко сву и т.п.), с эмоциональными травмами младенческого и детского возраста, с эмоциональной атмосферой семьи, специфическими чертами личности родителей и с дальнейшим эмоциональным опытом субъекта.

Такой контекст психогенного детерминирования некоторых соматических страданий становится более приемлемым для современных представителей противостоящей фрейдизму позиции. В таком контексте спор может идги лишь о значимости тех или иных психологических факторов в ряду всех прочих патогенных моментов, а также о том, каким конкретным образом указанные факторы приобретают свою соматическую патогенность.

Далее, по Фрейду и его ортодоксальным последователям (например, С.Ференчи. Ф. Лейчу. М. Клейн и ар.). в любом соматическом заболевании следует искать "символическое" отображение психодинамического конфликта: заболевание любого органа коренится в "символическом использовании" этого органа для выражения психодинамических коллизий на "языке тела". Выражаясь клинически, всякий соматоз должен рассматриваться (если следовать этой доктрине) как возникший по механизму исторической конверсии. Это представление находится, однако, в явном противоречии с фактами клиники. Коверсивно-исторические соматозы, имеющие достаточно очерченную синдромологическую картину, развивающиеся у лиц с известными особенностями психического склада и встречающиеся относительно нечасто, разумеется, не могут расцениваться как "модель" формирования всех психогенных соматических заболеваний. Для современных исследователей психоанализа более характерно представление об опосредственном влиянии психологических факторов на соматическую сферу организма. С точки зрения школы Ф. Александера, таким опосредствующим звеном является "эмоциональный отклик" субъекта.

Мнение о болезнетворной роли отрицательных змоций и целительной - положительных давно стало общим местом. Интересной и плодотворной является мысла Ф Александера о том, тот внеобходимо музчать влияние на соматику специфических эмоций, таких как испуг, заинтересованность, удовольствие, страдание, стыд, страх, гнев, настороженность и т.п. Ведь нет оснований заведомо отрицать, тот опецифика эмоционального состояния может иметь отношение к специфике соматического отклика организма. Действительно, именно со специфике соматического отклика организма. Действительно, именно со специфическими переживаниями этого рода сопряжены для индивида и способ отучения его от груди в маденчестве, и установившаяся в го детские годы психологическая атмосфера семьи, и прочие упоминавшиеся моменты. Стереотипы аффективного реагирования, сложившиеся в дегстве, могут, видимо, наложить свой отпечаток на эмоциональные реакции последующей какви, что в свою очередь может за счет специфического вегетовисцерального отклика организма повысит уязвимость тех или иных органов и систем к болезнетворным факторам внепсихологического поряжка.

Общая для всех исследователей проблема заключается в том, чтобы постичь, каким конкретным образом взаимосвязаны психическое и соматическое. Для решения этого вопроса необходимо прежде всего решительно преодолеть методологические ошибки, типичные для некоторых психологов и психиатров, занимающихся психосоматической проблемой.

(2) В этом плане заслуживает краткого обсуждения мнение американского специалиста Г.Вайнера. Он приводит три "классические" модел и психосоматических отношений: "А". - психическое и соматическое независимы друг от друга, "В" - то и другое суть "две стороны медали", они сопутствуют друг другу, но не находятся в причинно-следственной связи. "С" - психическое и соматическое взамино дегеминированы и могут "переходить" друг в друга. Решительно отдавая предпочтение модели "С", автор рассматривает несколько теоретических вариантов такого перехода. И все же сам этот переход остается для него непостижимым. "Каким образом, - спращивает он, - нематериальный процесс такой, как эмоциональная реакция на "стрессогенную" ситуацию, порождает такие метарильные изменения, как повышение концентрации катехоламинов в моче или учащение сердцебиеннуй". В тушк ставит автора и переход в обратиом направлении: "Каким образом нервные импульсы, изменения в концентрации энзимов или концентрации веществ-медиаторовать" (подчеркнуто нами - А.Д.) идек, впечатления, чувства, настроения и т.п."

Мы убеждены, что сама постановка этих вопросов в картезианском духе обрекает автора на бесплолное топтание по кругу. Задавая свой первый вопрос. Г.Вайнер итнорирует хорошо понимаемую школой Ф.Александера двойную роте эмонионального одкумка; его роте переживания на уровне психического и одновременно его родь веготовисцерального отклика на уровне соматического. Кажется, Г. Вайнер упускает из виду, что по данным современной нейрофизиологии центры аффективного реагирования и центры вегетативной регуляции тесно взяимосвязаны посредством гипотадамуса и скорее всего являют собой единое цедое как регудяторная система. Задавая свой второй вопрос, автор игнопирует то обстоятельство. Что по современным представлениям психический уровень адаптации индивида доджен располагать собственной структурой (в системном смысле слова) и собственной линамикой, которые не сволимы к структуре и динамике церебральных или иных материальных процессов. Информапионный полхол к психике который требует четкого разграничения категорий направляющего фактора и реализующего механизма психических феноменов. Если, например, реализующий механизм мысли вне всякого сомнения связан с церебральными процессами, то поиски направляющего (смыслообразующего) фактора мысли столь же несомненно выводят нас в "эстрацеребральное пространство" - сферу отношений между субъектом и его средой (в первую очередь социальной средой). Указание отношения и определяют содержательную сторону психических процессов что, в принципе, недоступно физиолгическому или ней рохимическому исследованию.

Говоря языком нейрокибернетики, психический уровень адаптации индивида есть система информационная, а она не отождествима с материальной системой, на базе которой функционирует. Структурные элементы информационной системы суть сигналы в контексте сигнальной деятельности, а не вещества или нервные мипульсы, принадлежащие материальной системе (в данном случае - мозгу). При этом, как известно, один и тот же сигнал, в принципе, может быть реализован в информационной системе различными материальными средственоми. Динамика сигналов и является "субстратом" таких психологических феноменов, как мысли, впечатления, настроения и т.п. Таким образом, о прямом "продуцирования" мыслей, впечатлений и т.п. из нефорхмимческих или биозаектрических изменений в мозгу вообще говорить не приходится (здесь мысль Г.Вайнера смыкается с известной максимой П.Кабаниса "мозг выделяет мысль, как печень желэй»). Указанные материальные изменения могут лишь модуфициро-

вать характер сигналов, перерабатываемых на психологическом уровне: приводить к зашумливанию одних сигналов, к усилению или искажению других, что в конечном счете и оказывает влияние на мысли, впечатления, воспоминания, настроения и проч. Последние "продуцируются" все же на собственно психологическом уговие. а не "ло" или "пол" ини.

(3) С нашей точки зрения, именно эмоционально-вегетативная сфера организма заслуживает наибольшего интереса как возможная инстанция "перевода" интрансихических ромлизий на язык соматических дисфункций и наоборот. Психогенный аффективный отклик может индуцировать через гипоталамические механизмы вегетовисцеральной регуляции определенные изменения в сонатической сфере, а, с другой стороны, веготовисцеральные изменения в организме могут отображаться через гипотоламус возбуждением центров аффективного реагирования диэнцефально-лимбической системы, что становится достоянием психики как эмоциональное переживание. То обстоятельство, что иные аутогенные переживания как бы "отсутствуют" в сознании человека, не противоречит сказанному, а лишь полтверждает в очередной раз участие бессознательных процессов в психической жизни. Как указываль С Л. Рубиштейн, "чувство может существовать и не будучи осознанным... Осознать свое чувство - значит не просто испытать связанное с ним волнение, а именно соотнести его с поичной и объектом, его вызывающим".

При возбуждении аффективных центров межуточного мозга (или их торможении) меняется, очевидно, эмоциональная (сигнальная) окраска психически перерабатываемой информации, а уже вслед за этим меняется вся направленность психической деятельности. Возможно, указанное изменение состояния дизинефально-лимбических аффективных центров модифицирует формирование актуальной установки индивида (как осознаваемого звена его психологической активности), вслед за этим неизбежно меняется и ассоциативный процесс, и мышление, и настроение, и т.а.. Так, если на психологическом уровне возникает переживание тревоги, будь оно вызвано течением внешних событий или экспериментальной подачей слабого тока непосредственно в определенный участок диэнцефально-лимбической системы, то внимание, прошлый опыт, механиямы прогнозирования и все прочие болки психической исстемы индивида, сознательные и бессознательные, начинают отслеживать во внешней или во внутренней среде организма возможные "причины" тревоги и формировать в органияме предимпозицию ко эжидаемому отрицательному фактору.

Конечно, конкретный способ перекодирования психического в соматическое и обратно пока неизвестен, и здесь возможны далеко идущие допущения. Например, по типотезе И.Т Беспалько, "... клетки организма обладают какими-то формами, психического отражения... При этом высшие уровни отражения функциональной системы определяют в известных пределах деятельность и условия огражения инзших ее отделов и наоборот". Авторо опирается на мысль П.К. Анохина: "...в организме, несмотря на принципиально различные средства перекодирования, информационный эквивалент сохраняется". Отдавая должное смедости Г.И. Беспалько, мы находим, что она выгладият отнюдь не фантастической, если не принимать формулировки слишком буквально и считать, что именно эмоционально-вететативный способ перекодирования содержаний психики используется для передачи информации на все уровни организации соматической

сферы организма, вплоть до клеточного¹. В пользу этой мысли свидетельствуют данные о сдвигах в организме, сдвигах биохимических и одновременно информационных, которые сопряжены с возникновением эмоции.

Коснемся в свете сказанного психосоматических отношений. В случаях истории перевод психического в соматическое может выглядеть "дословным". В большинстве же других случаев мы имеем дело не с соматическим "изображением" подспудных психологических трудностей, а с более или менее специфическим тессинм откликом на них. Как бы то ин было, есть основания утверждать следующее: психологические коллизии отражаются на соматическом состоянии постольку, поскольку они затративают эмопцонально-вегетативную сферу. Коснемся теперь сомато-психических отношений, изучение которых не менее актуально. Речь идет не о влиянии на моэт тех или иных агентов-"вред-ностей"; в центре вашего вимания - те соматические влияния на психику, которые могут быть детерминированы именно перекодированием сомато-вегетативных дисфункций организма в специфические аффективные состояния субъекта, пусть и неосознавляемые им. Наше рассуждение таково.

Точно так же, как, например, состояние страха имеет в организме свой вегогуморальный эквивалент, некоторые ветегогуморальные сдвиги в организме сподучают на диэнцефально-лимбическом уровне мозга свое отображение в виде страха. Соматические сдвиги другой специфики, согласно этой идее, могут давать другие сдвиги в аффективных центрах межуточного мозга: тоску, настороженность, гнев, веселость и т.п. Следует учитывать, что связанные с вегетативкой "темные ощущения", всегда приобретают для субъекта известную эмоциональную окраску: их повышенная интенсивность обычно имеет субъективный отклик в виде тревоги, утнетенности, страха, гневливости и т.п. Основываясь на этом, мы считаем возможным предположить, что соматическое заболевание, в принципе, способно оказывать влаияние на психику, и именно через вегето-эмоциональное опосредствующее звено, т.е. еще на том этапе, когда токсические факторы, сопряженные с этим заболеванием, не проникают через гемато-энцефалический барьер.

Не случайно в среде врачей-интернистов сложилось мнение, что самым ранним признаком развивающейся болезни тела оказывается изменение характерологических особенностей пациенты. Специфика этого изменения иногда позволяет опытному интернисту догадываться о природе предполагаемой соматической дисфинкций;

Изложенный подход к роли эмоционально-вегетативной сферы в взаимоотношениях соматического и психического позволяет иначе взглянуть на традиционный спор о "примате социального" или "примате биологического" в возникновения психосоматических заболеваний. Аффективный отклик на социальные факторы, так и на факторы сомато-церебрального порядка осуществляется с

 Отрицать существование такой передачи в наше время было бы бессмысленным: достаточно сослаться на исследования Л.Шертока о внушенных под гипнозом ожогах, дающих на биопсии "совмествикую с диагнозом ожога" гистологическую картину.

2 Психиатр в таких случаях может ограничиться констатацией неврозо- или психопатоподобного согояния; психиатр психовналитической школы нередко считает своим долгом приступить к анализу психодинамики пациента, постулирую природу его состояния. А между тем его природа иная, и место психиатра вскоре занимает врач-нитеренныст.

помощью одного и того же диэнцефально-лимбического вегето-аффективного аппарата. Поэтому социальные влияния (актуальные либо преломленные через психический склад субъекта) не могут болезненным образом перестроить ни психику, ни соматику, минуя аффективный отклик организма. Точно так же посредством этого отклика - перестраивают психику вегетовисцеральные дисфичктии.

И, однако, социальные влияния, опосредствованные личностью человека, способны обеспечить на сознательном и обессознательном у ровнях психики ту или иную форму психологической защиты индивида от аффективного отклика отрицательной окраски. Эта защита должна вводиться в действие независимо от того, имеет ли болезнетворный фактор социально-психологическое или биорганическое, "эндогенное" происхождение. Развертывание механизмо психологической защиты парадоксальным образом приводит подчас к усугублению патологического статуса субъекта. Эта проблематика психологической защиты будет подлобнее заточовить ниже.

(4) Если диэицефально-лимбические регуляторы вегето-аффективного статуса организма действительно играют столь важную роль для перекодирования психического в соматическое и обратно, то стоит задаться вопросом: какими могут быть последствия органического или функционального поражения самих этих регуляторов? Моделью токого поражения нам представляется эндогенная депрессия - ремитирующее заболевание с преимущественной заинтересованностью диэицефально-лимбической области мозга, связанное с периодическим лисбалянском обмена серотогния и моновлицов в потанизме.

Как известно, при этом заболевании в его типичной форме субъектом переживается длительное состояние непереносимой тоски, в некоторых случаях с мучительной тревогой, а в других - с глубокой апатией и болезненным чувством "бесчувственности". Что касается сопутствующих расстройств в соматической сфере, то они исчерпываются именно вегетативными сдвигами (нярушение ритма болрствования и сна, отсутствие аппетита, запоры, нарушения обменно-трофического и вазамоторного характера и т.п.). Если проанализировать собственно психологический отклик на это страдание, то обнаруживается, что пациент вначале не находит ему никаких объяснений, либо переживая безотчетную ("плавающую") тревогу дибо считая себя "уставщим от жизни", "утратившим сиау воли" и т.п. Как бы то ни было, на этом начальном этапе он затрудняется связать происшедшую с ним перемену с конкретными фактами своей дичной сопиальной или духовной жизни. Однако в дальнейшем он неизменно приходит к "обнаружению" такой связи, к выведению своего состояния из своего осознанного бытия: причем его истолкование происходящего сразу приобретает характер некорригируемых идей. Это депрессивный бред, всегда имеющий вид убеждения в несостоятельности: моральной (идеи греховности), социальной (идеи неспособности к каким-либо достижениям), психической (идеи помещательства, потери памяти и т.п.), физической (ипохондрический бред - ожидание неотвратимой инвалидизации или смерти от неизлечимого недуга), либо тоталь-

Поставим себя на место психоаналитика, столкнувшегося со случаем эндогенной депрессии, но трактующего ее как следствие психодимического конфликта. Он приступает к постепенному вскрытию комплексов пациента, делает содержание этих комплексов доступным для сознания и отреагирования и со временем убеждается, что депрессия прошла. Уместен, однако, вопрос: не оказывается ли он введенным в заблуждение?

Следует иметь в виду, что длительность депрессивной фазы колеблется у разных больных от нескольких месяцев до нескольких лет; по прошествии этого срока депрессия проходит сама по себе, поскольку спонтанно восстанавливается оптимальный модус обмена серотонина и моноаминов в организме. Не может не броситься в глаза, что длительность депрессивных фаз соответствует эмпирически найденной длительности психоаналитического лечения. Следовательно, современным сторонникам психоаналитического метода предстоит нелегкая задача: привести научные доказательства того, что именно разрешение психодинамического конфликта способствовало избавлению пациента от эндогенной депрессии. Мы не отрицаем, что переносить это заболевание, так сказать, "рядом с психотерапевтом" легче, чем в одиночестве. Однако по клиническим соображениям психиатру, распознавшему эндогенную депрессию, следует как можно быстрее перейти к психофармакологическим средствам. Дело в том, что без применения антидепрессантов, анксиолитиков, ноотропов больной в состоянии депрессии часто приходит к суицидальным намерениям, иногда внезапно реализуемым в состоянии отчаяния и страха.

Достаточно часто эндогенная депрессия имеет атипичное течение; в рамках данной работы нам наиболее интересны случаи "маскированной" депрессии, открытие которой является, на наш взгляд, выдающимся событием психиатрии XX века. Маскированная депрессия характеризуется отсутствием отчетливого аффекта тоски; место этого аффективного расстройства здесь занимают обильные и разнообразные сенестопатии на фоне нарастающей тревоги больного за свое здоровье. Речь идет, по-видимому, о "темных ощущениях", которые в данном случае становятся чрезвычайно яркими и мучительными, поглощают все внимание больного и вызывают у него предположения о тех или иных тяжелых недугах. Иногда при этом субъекта внезапно охватывает "животный страх", побуждающий его к суициду. Дальнейшее течение заболевания характеризуется обилием вегетовисцеральной симптоматики, имитирующей самые разные заболевания (от стенокардии до перемежающейся лихорадки, от экземы до почечной колики) и дающей повод для множества ложных диагнозов. (Отметим, что выделенные школой Ф. Александера психосоматические заболевания часто фигурируют в ложной диагностике при маскированной депрессии). Далее болезнь может перейти в депрессивно-ипохондрический бред, и тогда она наконец распознается как атипичная эндогенная депрессия, но может и начать обратное развитие без того, чтобы быть распознанной, т.е. оставив у клинициста впечатление соматического либо "психосоматического" (в фрейдовском смысле) заболевания. Свою истинную природу она тем не менее высказывает целым рядом клинических признаков, из которых выделим здесь два:

- 1) соматические симптомы, будучи резистентны к какой бы то ни было форме терапии, проходят при применении антидепрессантов,
- каким бы ни было лечение, пациенту в течение нескольких месяцев или лет становится лучше (что вполне понятно, т.ж. эндогенная депрессия имеет фазное течение).

Поставим себя на место психоаналитика, не распознавшего маскированную депрессию. В данной ситуации шансы впасть в заблужение (иногда роковое для пациента) резко возрастают. Внешняя сторона дела такова, как если бы за счет разрешения психодинамического конфликта исчезло "классическое" конверсионное заболевание. Фактически же закончилась депрессивная фаза, самопроизвольно восстановился метаболический баланся в организме. После всего сказанного нас не должно удивлять, если в ближайшее десятилетие интерес многих исследователей и врачей к психодинамическим коллизиям ("фиксация либидо", "эдипов комплекс", "вытеснение", "перенесение" и т.д.) заметно утаснет. Факты исченовения "психосоматической" симптоматики вместе с окончанием депрессивной фазы и вне зависимости от вмешательства психоаналитика переворачивают едва ли не вековую веру в необходимость такого вмешательства, и как раз это обстоятельство делает открытие маскированной депрессии выдающимся собитием современной теории лушевных болееней.

(5) Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, все большее число соматических и психических дисфункций "отвоевывается" у психоанализа данными клиники и параклинических дисциплин. С другой стороны, именно непредубежденный клинический взгляд на некоторые соматические заболевания, неврозы, патохарактерологические развития и даже на психозы выявляет несомненое участие бессознательных механизмов психологической защиты в формировании, течении и обратном развитии этих болееней.

Приглядимся хотя бы к той же эндогенной депрессии, о которой только что шла речь. Обратим внимание на одно уже упоминавшееся обстоятельство, а именно: если на первом этапе депрессии заболевание не нахолит постижимых для сознания больного причин своей угнетенности, вядости и т.п., то в последующем его умственному взору открывается непререкаемо "убедительная" связь переживаемого с внешними и внутренними коллизиями его жизни либо с "точно угаланным" им мелипинским диагнозом. Этот савиг в трактовке больным своего состояния было бы необычайно трудно вывести из динамики ней-DOXUMUJECKUX U GUODAEKTDUJECKUX IIDOIJECCOR (MAKCUMA "MOST BUAEASET MUCAU. как печень желчь" оставалась бы единственным методологическим приемом для объяснения происходящего). Зато этот сдвиг со всей определенностью распознается как поиск смысла того, что происходит, - поиск и обретение, согласно "закону смысла", действие которого мы уже упоминали, касаясь механизма бредообразования вообще. Причем такого рода осмысление, концептуализация атакующих сознание переживаний и ошущений явно принадлежит собственно психологическому уровню адаптации индивида, а не вегетовисцеральному, нейрогуморальному и т.п. Что же стоит за этой психологической процедурой, осуществляющейся вне сознательных интенций и превращающей непонятное и страшное для субъекта в осмысленное, "опредмеченное" и уже поэтому менее страшное? Очевилно, за этим стоит организуемая психикой на бессознательном уровне психологическая защита, которая способствует эффективности защиты аругих модальностей: вегетогуморальной, нейрохимической и т.д.,

Именно защитно-психологический характер ложных убеждений (например ипохондрических при депрессиях) объясняет нам их некорригируемость, их бредовую форму. Ведь известно, что лица с бредовыми идеями лишь в отдельных случаях являются вообще интеллектуально сниженными и необучаемыми; чаще можно наблюдать парадоксальную сохранность интеллекта у бредового больного, но сохранность применительно ко всему тому, что лежит за пределами го бредовой системы, будь то игра в шахматы, художественное творчество, изобретательство и даже житейские расчеты, если они не "агглютинированы" с бредом.

Упомянутая форма психологической зашиты (концептуализация), как нетопроявления рационализации по 3 Фрейду. Мы убеждены, что проявления рационализации обнаруживаются не только в обыденной жизни и при неврозах, но и при психозах, способствуя в последнем случае бредообразованию. Здесь уместно напомнить, что Фрейдом выделен целый ряд феноменов этого рода, (сублимация, символизация, фантазия, вымещение, проекция и т.п.). Их функция - "предотвращение клинически проявляющихся следствий и т.п.). Их функция - "предотвращение клинически проявляющихся следствии и т.п.), обавили бы мы. Саногенное, но в некоторых случаях и патогенное действуе этих динамизмов в обыденной жизни и при неврозах общенявестно и достаточно широко освещено в литературе; действие их при психозах раскрыто в меньшей степени. Мы попытались отчасти восполнить этот пробел, обратившись выше к клинике эндогенной депрессии. Не меньшего внимания заслуживают данные из клиники шизофрении.

Профессиональный клинический подход к этому заболеванию отчетливо коррелирует с психоаналитической доктриной, согласно которой причину психоза следует искать в "психогенно" измененной динамике либидо в форме аутоэротизма (парциссизма), а доведение до сознания пациента вытесненных аутоэротических комплексов становится лечебным фактором. Психологизация шизофрении во многом потерпела крах; хотя странно было бы думать, что болезненные явления в мозгу больного шизофренией, имеющие нейрогуморальную природу и грубо изменяющие его душевную жизнь, отменяют сам факт душевной жизни и лишают смысла изучение динамики сознания и бессознательного при этом заболевании. "Каковы бы ни были причины этого психоза, - писал о шизофрении Л.С Выготоский, - психология вправе изучать явления распада личности с психологической точки зрения, ибо этот распад происходит по психологическим законам, хотя бы первичным толчком, первопричиной этого распада служими причины внепсихологического порядка".

(6) Наш собственный многолетний опыт изучения субъектиной стороны переживаний больных шизофренией убеждает нас в том, что личность заболевшего, пока она полностью не разрушена болезьью мозга, является до какой-то степени "соавтором" психоза: "интерпрепаратом", "защитником" или "оппонентом" переживаемого. Даже на далеко зашедших этапах шизофрении личность больного, как бы ин была она "расцеплена" знадогенным процессом в мозту, остается активизированной. Парадоксальным образом факт такого расщепления свидетельствует о ее сохранности, при глубочайшем изменении модуса ее существования. Это и неудивительно, принимая во внимание подтверждающийся нашими наблюдениями аутоэротизм больных. Он проявляется в клинически бесспорной регрессии либидо на все более ранние стадии: томосексуальную, ин цестуозную, генитальную, анальную, оральную. Но при этом объектом фиксации либидо все в большей мере становится психическое "Я" больного, что и обуславливает активные психодинамические процессы в сфере его личности, включая сознание и бессознательный уровень психики.

Мы не придерживаемся ни мнения Фрейда о психогенной природе аутоэротизма при шезофрении, ни его концепции об "энергии либидо". Наша собственная точка вкратце такова. Нейрогуморальный патологический процесс при этом заболевании высказывает еще в продромальной стадии явную дефицитарность CAREALS B CAPICYS BUSHOCKA HUNDARD HOVOR HUNDARD BOOK OF KONTAKES с внешними стимулами. Это и есть аутоэротизм (наршиссиям) больного шизофпенией Собственное тело и собственное психическое "Я" оказываются единст-PARTITION WAS ASSETTED WITHOUT TO A CONTRACT LINE AND THE BASE TOWN OF MALE AND THE BASE TOWN OF THE BASE TO A STATE OF THE BASE TOWN OF THE B мать об особой перестройке всей той схемы функционирования мозга, которая в норме обеспечивает возбуждение "центров удоводьствия" в дизнцефальнолимбической системе при контакте организма с соответствующими внешними пазапажателями. Ланная гипотеза позволяет по-новому взглянуть на аутизм больных. По мере развития болезненного процесса они все меньше нужлаются B KANOK- MOO KOMMUHUKATIMU KIDOME BHUTDEHHEĞ ODLUHO DESANSVEMOĞ B BUAE ODшения с "голосами", но в проявлении "голосов" немалую роль играет сохранная психологическая защита, как бы отщепляющая одну часть содержаний психики от аругой и создающая идаюзию "контакта с собеседниками". Здесь весьма уместен термин "патопсихологичская защита", предлагаемый В.М.Блейхером с соавторами. Психодинамические процессы при шизофрении хорошо прослежи--VOLOV SAVERE MANDEMAUVICENDA MINHHMININ CHT BACKAN ABERANE BENANDER HAR KYMPHAC-MCHAC YOLHAGCAM

Обратимся к одному из наших наблюдений, выступаемому в качестве своеобразной "модели" психодинамики при шизофрении. Больная К., 26 дет. В десятом классе чрезвычайно привязалась к преполавательнице. Окончив школу. прододжада навещать ее дома, дарила цветы, книги. Когда у нее были гости, это огорчало К.: было ясно, что сеголня ей уделят меньше внимания, чем обычно. Однажды в такой ситуации ей пришло в голову, что столь уважаемая многими женщина в действительности является "агентом иностранной разведки", а ее жилье - "явочная квартира". К. стала часами регистрировать всех, кто входил в парадное, отмечала, как лолго каждый остается в доме и с каким выражением лица выходит. Она не сомневалась, что разные люди, войдя в парадное, направдяются именно в известную ей квартиру. "Обнаружила", что иногла при появлении очередного посетителя у учительницы гаснет свет или задергивается штора на окне; "заметила", что, покидая дом, каждый посетитель "воровато озирается по сторонам", и т.п. Обратилась в органы госбезопасности, где ее поведение дало повод заподозрить психоз. После длительного стационарного лечения выписалась с диагнозом: "шизофрения, параноидная форма".

По-прежнему наблюдала за домом учительницы. Объяснилась с ней и "понала", что теперь ей "несдобровать". Стала замечать за собой слежку на улицах. Набросилась на прохожего, который якобы сопровождал ее несколько кварталов. Снова прошла курс стационарного лечения; после выписки наблюдение за домом учительницы продолжала. Однажды по ракрасневшемся щекам мужчины, выходившего из дома, "поняла", что у него только что был половой акт с учительницей. В дальнейшем регистрировала десятки мужчин, с которыми будто бы за сожительствовала. Со временем обнаружила, что "для сексуальных оргий" к учительнице ходяттакже и женщины. Теперь "догадалась", что та еще в 10 классе приблизила е е к себе, чтобы сделать со временем сексуальной партнершей. Считала себя морально и физически обестещенной, вспоминая "лаусмысленные обнимки" учительницы. Идеи "шпионского гнезда" получили при этом новое развитие: учительница будто бы завлекает женщин для разврата, а затем, влюбив их в себя, кпользует как "связяных атентов". В последующем у К. появились идеи гипнотического воздействия со стороны учительницы на ее мозг (с "мысленной передачей" угроз и оскорблений), иде стовора "шпионки-лесбиянки" с аппаратом милиции и госбезопасности ("все через нее прошли") и г.п. Больная стационируется ежегодно, переведена на Пгрупгиу инваильности.

К анализу случая: трудно не заметить, что идея "шпионского гнезда" заместила в сознании К, вытесненное гомосуксуальное влечение, которое можно трактовать как аутоэротическую ориентацию дибило (влечение к субъекту, в значительной мере индентифицированной с "Я"). Толчком к патологической фантазии (на фоне начавшегося болезненного процесса в мозгу больной) явилось не что иное как чувство певности. Гомосексуальное влечение к учительнице оказалось вытесненным, замещенным и лишь спустя определенной время вернулось в сознание больной в виде паталогической проекции (это учительница. а не она. К., является булто бы извращенным субъектом). Далее мы наблюдаем явления патологической рационализации: больная по-своему "логично" приводит в систему то, что кажется ей "фактами". Чрезвычайно любопытно (с точки зрения психодогической защиты), что бред шпионажа, пресдедований и т.п. поначалу маскирует аля сознания больной истинные мотивы ее стойкого интереса к бывшей наставнице. Ладее начинает действовать патодогичский динамизм диссопиании: вытесненные вожделения возвращаются в сознание больной как "дистанционное возлействия" со стороны объекта влечения, как перелача "чужих" идей непосредственно в голову. Случай, как нам представляется, хорошо иллюстрирует участие механизмов патопсиходогической защиты в формировании психотической продукции: от паранойяльного бреда до синдрома Кандинского-Клепамбо.

Согласно ряду наших исследований, аутоэротические побуждения, возникающие при шизофрении, изгоняются ("вытесняются") из сознания как табуированные, несовместимые с нарцисиссическим возвеличиванием "Я". При дальнейших прорывах этих побуждений в сознание начинают действовать бессознательные патопсиходогические защитные механизмы: фантазия, симводизация, проекция, рационализация и т.п., способствующие бредообразованию. По мере угдубления болезненного процесса действие этих динамизмов приобретает все более патологический характер, участвуя в возникновении и сюжетном оформлении идаюзорно-газающинаторной симптомики. Аадее динамизм диссоциации допускает в сознание вытесненный материал в виде "чужого" материла - "сделанных" мыслей, чувств, ощущений и т.п., переданных в голову (или другую часть тела) воображаемыми "партнерами контакта". Далее нарастающее нарциссическое возвеличивание собственного психического "Я" способствует формированию парафренных явлений (фантастический бред величия). Динамизм регрессии переводит поведение больного на инфантильный уровень. Лишь в кататоно-гебефренных состояниях шизофрении дезорганизация личности столь глубока, что больной может онанировать на глазах окружающих, пожирать собственный кал (регрессия к анальному аутоэротизму) или стремиться к изнасилованию матери (регрессия к инцестуозной стадии либидо). Но в этих состояниях личность прододжает "звучать", по меньшей мере, как объект протеста. "сбрасываемое ярмо". Шизофренический психоз выступает, можно сказать, в роли психоаналитика, постепенно делающего тайное явным, обнажающего те пласты бессознательного в психике больных, которые не так то легко наблюдать в начале болезни. С нашей точки зрения, шизофрения, гротексным образом раскрывая отношения сознания и бессознательного в психике человека (в данном случае на материале зугоэротической психодинамики), является уникальным и еще недостаточно используемым полигоном для изучения этих отношений как таковых на любом материале.

(7) Таким образом, мы прослеживает участие бессознательных механизмов психологической защиты в самых разных случаях паталогии, включая эндогенные психозы и не говора уже о соматических, психосоматических заболеваниях, о неврозах и патохарактериологических развитиях, где действие этих механизмов считается неоспоримым. Поэтому взамен устаревших концепций "тотальной" психогении либо "тотальной" соматогении современной науке предстоит разработать системный, синтетический подход к проблеме психосоматических и соматолеских ческих отношений.

Разумеется, все изложенное в настоящем сообщении носит характер постановки вопроса и нуждается как в теоритико-методологической, так и эмпирической проверке. Однако, с точки зрения практической медицины, несомненным сеголыя представляется следующее:

- а) невозможно итнорировать психологические (в том числе бессознательные, "глубинно"-психологические) моменты, даже при безусловно соматогенных заболеваниях;
- 6) невозможно игнорировать вететовесцеральные и соматические моменты, даже при несомненных психогениях. Для современной медицины характерно как использование психогерапии даже в случаях соматической патологии, включая церебральную, так и использование психофармакологических средств и средств, нормализующих вегетовисцеральные функции, в случаях, безусловно, психогенной патологии. Взамен "конкурирующих" тактик на повестке дня стоит их осмысленное взаимольбствие.

Резюмируя, подчеркнем еще раз, что в свете современных научных данных методологически несостоятельными оказываются и попытки психоанализа "все объяснить" за счет психогении, и физикалистские попытки редуцировать всю соматическую патологию и даже всю психопатологию к соматоцеребральным дисфункциям. И тот, и другой путь этиопатогенеза (если только теоретически допустимо отрывать один от другого) висстрает лишь как частный случай в более общей и куда более сложной системе психосоматических зависимостей. Раскрытие подлинных закономерностей формирования и обратного развития соматических и психических заболеваний настоятельно требует системного подхола.

в ф БЕРЕЗИН

(НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО)

Вопрос о природе, функциях и методах исследования бессознательного требует рассмотрения связи между осознаваемыми и неосознаваемыми аспектами этой деятельности и проблемы интрапсихической интеграции. Без рассмотрения такой связи может создаться впечатление, что бессознательное есть некоторая обособленная целостность, которая может быть противопоставлена сознательному, и исследована вне контекста единой, интегрированной психики.

Представление о постоянном взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых аспектов исихической деятельности является существенной предпосылкой для разработик методических подходов к изучению обоих этих аспектов. С одной стороны, неосознаваемые психические процессы могут вызывать изменения в осознаваемой психической деятельности и могут регистрироваться за счет этих изменений. С другой стороны, понимание осознаваемых психических проявлений не будет полным без учета влияния неосознаваемых механизмов, без учета взаимодействия осознаваемой психической деятельности. Осознаваемые психические процессы не только видоизменяются в результате воздействия неосознаваемых аспектов психической деятельности, но и оказывают обсатное влияние.

Живая, динамическая связь между бессознательным и сознанием делает невозможным исследование бессознательного как изолированного феномена и позволяет считать, что методические подходы адекватны, если только они учитывают постоянное взаимодействие между осознаваемым и неосознаваемым; как отметил А.Е.Шерозия, "нет никакого сознания и бессознательного психического вне единой системы их отношений". В этой связи определяются не только соответствующие методы, но и адекватные направления исследования, пути анализа, полученные с помощью избранных методов результатов.

При всем многообразии теоретических подходов и исследовательских приемов возможны только два направления, позволяющие исследовать неосознаваемые аспекты психики. Первое из этих направлений базируется на изучении осознаваемых психических проявлений, характер которых может быть поставлен в зависимость от неосознаваемых процессов, второе – на исследовании физиологических параметров, которые могут рассматриваться как коррелять определенных особенностей актуального психического состояния и личностных характеристик. Таким образом, в основе изучения неосознаваемой психической деятельности лежат представления о психической психофизиологической интегралии.

К первому из указанных направлений относятся исследования, выполняемые с применением психодиатностических методик. Вие зависимости от той или иной классификации этих методик (разделение личностных методик на прожективные и анкетные, выделение среди прожективных методов методик на структурирование, конструирование, конструирование, нитепритетацию и т.п.) в основе их применения лежит представление испытуемому недостаточно определенного материала. Структурирование субъектом этого материала, которое осуществляется при участии механизмов неосознаваемой психической деятельности, позволяет получить данные, дающие возможность судить о характере и особенностях этих метанизмов.

Эти методики различаются степенью неопределенности и способом представления материала. В качестве классического метода с высокой степенью неопределенности материала может быть назван тест Роршаха, в котором материал сам по себе в минимальной степени определяет объем, сферу, сюжет конструируемых образов. Именно благодаря этому, указанные характеристики дают представление о психической сфере субъекта, о его внутреннем мире, опрелеляемом вазимодействием осознавленых и неосознавленых аспектов.

По мере уменьшения неопределенности материала возрастает роль его смыслового содержания в формировании реакций индивидуума и уменьшается число возможных их разновидностей. Это, в частности, можно отнести к тематико-апперцептивному тесту и в особенности к его специализированным вариантам (например, к варианту для изучения мотивации достижения, предложенному Хекхаузеном). При применении их ограничение области исследуемых реакций позволяет использовать жесткий ключ и количественно оценивать всю полученную информацию. Однако и в этом случае степень неопределенности ситуаций достаточно велика, чтобы особенности ее структурирования представляли материал для суждения об изучаемых психодиагностических параметрах вне зависимости от степени их осознаваемости испытуемым.

Еще больше возможные реакции ограничиваются при использовании анкетных личностных тестов. Крайний вариант такого ограничения представляет собой принудительный выбор между "да" и "нет", "верно" и "неверно". Этим достигается четкое количественное выражение всей информации, абсолютное совпадение данных, полу-ченных независимыми исследователями. В то же время множество, образуемое совокупностью выборов, обеспечивает необходимую многомерность оценки особенностей психической деятельности субъекта, его личностных характеристик и актуального психического состояния независимо от того, в какой степени эти особенности осознаются самим субъектом и в какой мере выявляемая картина соответствует его представлению о собственной личности.

Использование анкетных тестов (как и предъявление сюжетных изображений) не ориентировано на установление прямого соответствия между смысловым содержанием ответов испытуемого и реальными фактами его жизни, его личностными чертами. Множество выборов позволяет судить о личности испытуемого только в силу объективно установленной связи между склонностью субъекта к определенным утверждениям и теми или иными особенностями его личности, его психического состояния. Очевидно, что субъективность этих суждений, наличие осознаваемых или неосознаваемых искажений не ставят под сомнение ценность теста, а напротив, представляют для исследования необходимый диагностический материал.

Таким образом, общим для всех перечисленных методов является получение информации о психической деятельности испытуемого, благодаря проявлению его индивидуальных особенностей в структурировании более или менее неопределенных совокупностей образов и суждений, в результате чего субъективные особенности становятся доступными объективном и заучению.

Аналогичная ситуация возникает и в том случае, если испытуемый конкретизирует недостаточно определенный образ, обозначенный исследователем в инструкции (например, "нарисуйте дерево" при применении Baum test) или вносит определенность, завершая незаконченный тест (например, при завершении незаконченных предложений).

Ясно, что исследование неосознаваемых аспектов психической деятельности путем изучения осознаваемых психических проявлений не ограничивается областью применения психодиатностических тетогь. По существу сэтим подходом связаны любые психологические или клинические методы исследования рассматриваемой проблемы. Не являются исключением и методические приемы, градиционные для психоданалитического направления. Так, анализ сновидений, который Фрейд считал "королевским путем в сферу бессознательного", базируется на предположении, что бессознательное находит свое выражение в образах сновидений, вполне осознанных, вербализованных и, только благодаря этому, доступных анализу. Внимание, уделенное психодиагностическим тестам, связано с такими преимуществами этих методик, как наличие формализованной процедуры проведения исследования и последующего анализа результатов, возможность эмпирически устанавливать валидность и надежность методики, количественно выражать и статистически контролировать оценку, обеспечивая сопоставимость и воспочаводимость результатов.

Эти преимущества психодиагностических методик проявляются тем больше, чем меньше включенность в процедуру обследования исследователя и чем более формализована (т.е. чем меньше зависит от опыта исследователя) процедура обработки данных.

При проведении психодиагностических процедур с целью изучения неосознаваемых психических процессов необходимо иметь в виду, что хотя испытуемым не осознается связь между определенным типом реакции и теми или иными аспектами его психической деятельности, личности, состояния, сами эти аспекты мотут быть и осознаваемыми, а исследуемые психодинамические характеристики формируются в результате постоянного взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых колпонентов психики. Соответственно, рассмотренные и аналогичные методы не могут расцениваться как инструмен направленного изучения неосознаваемых психических процессов, а отражают особенности психической деятельности субъекта, в которые неосознаваемые процессы входят как одна из составляющих и оцениваются только в связи с типом осознаваемых реакций индивидуума.

Второе направление предполагает исследование физиологических характеристик как компонента единой психофизиологической реакции. Вне зависимости от выбора этих характеристик (спонтанные или вызванные биоэлектрические потенциалы мозга, те или иные показатели вегетативного регулирования и т.п.) их изучение может быть использовано для исследования психических процессов (в том числе и неосознаваемых) только при наличии воспроизводимых зависимостей между этими характеристиками и определенными психическими явлениями. Перспективность рассматриваемого направления связана с представлениями об относительной стабильности психофизиологических соотношений, отражающей закономерные зависимости между психической деятельностью, определяющей поведение человека, и физиологическими механизмами, их обеспечивающими. Исходя из этих представлений, можно полагать, что тому или иному типу психического состояния будет соответствовать определенный стереотип вегетативных, гуморальных и моторных характеристик. Формирование психофизиологических соотношений, физиологической основой которых является функционирование вертикально-организованного комплекса интегративных церебральных механизмов, в котором ведущую роль играют гипоталамические структуры, происходит вне зависимости от желаний и намерений индивидуума и от степени осознавания им особенностей своего психического состояния. Изменения указанного стереотипа могут быть использованы и для суждения о неосознаваемых психических процессах.

С другой стороны, изменения психофизиологических соотношений и связанные с ними вегетативно-гуморальные и моторные савиги могут способствовать возникновению и поддержанию определенных психических состояний, в свою очередь имеющих осознаваемые и неосознаваемые аспекты, образуя в результате еще один канал взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого. Таким образом изменения психофизиологических соотношений, вызванные даже заведомо неосознаваемым (например, субсенсорным стимулом), будут сопровождаться осознаваемыми савигами, в существенной мере влияющими на последующие изменения состояния.

Таким образом, при различных условиях исследования, различных типах функциональных нагрузок значение неосознаваемых механизмов в изменении психофизиологических соотношений может быть выражено в большей или меньшей степени, но в любом случае характер и динамика этих соотношений будет отражать особенности интегрированной психической деятельности, протекающей в постоянном взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых психических процессов.

Выделение психофизиологических изменений, преимущественно отражающих неосознаваемые аспекты психической деятельности, облегчается в ситуации строго контролируемого эксперимента. Примером эффективного использования такого подхода могут служить сообщения Э.А. Костандова и Shevrin о

физиологических механизмах психологической защиты и безотчетных эмоций. Однако следует иметь в виду, что ценные данные такого рода дают возможность оценить только непосредственную реакцию и не неосознаваемый стимул, поскольку при дальнейшей его переработке неизбежно будут возникать осознаваемые феномены, которые неизбежно будут оказывать влияние на развитие и трансформацию этой реакции, что должно оцениваться и учитываться. Область экспериментального изучения может быть расширена за счет экспериментальной психосоматики, позволяющей создать условия, в которых наблюдаемые сдвиги могут быть отнесены за счет неосознаваемых механизмов.

Необходима разработка методов, позволяющих создать представление о рооди неосознаваемых механизмов в условиях реальной, а не экспериментальной ситуации, об участии этих механизмов в обеспечении эффективной психической адаптации или тенезе ее нарушений в формировании и динамике психофизиологических соотношений. Возможность такого исследования базируется на использовании обоих указанных направлений: применении психодиагностических методов в изучении физиологических коррелятов психических явлений. Комплексное построение таких исследований дает возможность учитывать взаимоотношение различных психодиагностических характеристик, выявлять их в связи с теми или иными физиологических характеристик, выявлять их в связи с теми или иными физиологических нарактеристик, выявлять их в связи с теми или иными физиологических израктеристик, выявлять их в связаимодействия осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической дектельности в формировании целостной психической активности, а также психофизиологической интеграции целостной психической активности, а также психофизиологической интеграции целесообразно рассмотреть более подробно с привлечением материала конкретных исследований.

Исследования, базирующиеся на указанном подходе, позволяют проанализировать представляемые им возможности.

Во-нервых, комплексные исследования дают возможность оценить раздельно влияние как осознаваемых, так и неосознаваемых психических процессов. Значимость полученных в этом случае результатов будет тем больше, чем более существенен избранный параметр для целостной психической деятельности, для организации поведения. В проведенных исследованиях в качестве существенной характеристики, определяющей поведенческую активность и требования к интегративным механизмам, была рассмотрена напряженность неудовлетворенных потребностей.

Во-вторых, такое исследование предусматривает изучение тех психических процессов, которые тесно связаны с взвимодействием осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической деятельности. В качестве характеристики, в наиболее общем виде отражающей указанное взаимодействие, может быть оценена интеграция поведения.

В-претьих, проведенные исследования позволяли получить данные для суждения о роли механизмов, которые являются неосознаваемыми в силу своей природы. Это относится, в частности, к механизмам интрапсикической адаптации

Приведенные результаты получены в исследованиях, которые быль выполнены в отделе пеихофизиологии и пеиходиатистики ЦННА 1 МИИ им. ИМ. Сченова, а в чель, касающейся обмена катеходаминов и кортикостеромды, совместно с межкланической гормональной дабораторией (руководичель Т.А. Больщакова) того же институте.

(психологическим защитам), само функционирование которых оказывается возможным, благодаря неосознаваемости их воздействия.

Значение маучения напряженности потребностей определается тем обстоятельством, что мотивация, которая представляет собой выражение той или иной актуальной потребности, является необходимым условием поведенческой активности. Как отмечает П.В. Симонов, "признание потребности в качестве определающей причимы человеческих поступков представляет велччайшее завоевание, послужившее началом подлинно научного объяснения целенаправленного поведения людей". Однако далеко не все аспекты мотивации, не все актуальные потребности, играющие столь важную роль в поведении, могут быто осознаны. В простейшем случае неосознавание потребности может быть обусловлено наличием неосознаваемой стадли ее становления (как это было показано, в частности, В.М. Ривиным и И.В. Ривиной при изучении эндокринного механизма мотивации. Более сложным механизмом является предотвращение осознавания потребности в результате функционирования псклотвращение осоз-

Психодиагностическое изучение напряженности неудовлетворенных потребностей и степени осознанной неудовлетворенности позволяет оценить роль неосознаваемой компоненты неудовлетворенных потребностей, а одновременное определение физиологических коррелятов психической деятельности - особенности, вносящие в психофизиологические соотношения осознаваемый и неосознаваемый компоненты потребностей.

Это позволяет исследовать воздействие общей напряженности потребностей и осознаваемой неудовлетворенности на характер психической интеграции, облагодаря возможности проследить связи каждого из этих параметров с другими психодиагностическими характиристиками. При таком рассмотрении обнаруживается корреляция напряженности обоих компонентов потребностей (осознаваемого и неосознаваемого) с ветегативными савитами и изменениями психического состояния, но выраженность вегетативных сдвигов эрготропного характера (таких, как укорочение минимального и среднего интервала R-R на ЭКГ, увеличение амплитуды спонтанных кожно-гальванических потенциалов и кожно-гальванической реакции на различные функциональные нагрузки), судя по полученным результатам, более тесно связана с неосознаваемой компонентой.

Осознаваемая неудовлетворенность коррелирует с суммарной экскрецией веществ катехоламиновой природы, отражающей общую гуморальную активность симпатоадреналовой системы, тогда как напряженность неудовлетворенных потребностей, включающая и неосознаваемую компоненту, более тесно связана с повышением кортикостероидной активности. С неосознаваемой компонентой в значительной степени связана зависимость межум напряженностью потребностей и уровнем тревоги. С другой стороны, осознавание неудовлетворенности сочетается с расширением круга заинтересованных психологических зарактеристик, в частности, с длительной идеаторной переработкой фрустрирующей ситуацией, уменьшением реальности ее оценки, с более низким уровнем энергетического потенциала, необходимого для достижения удовлетворения потребностей.

² В приведенном материале учитываются только достоверные корреляции при коэффициенте корреляции 0,3 и более.

Следует отметить и различия в степени связи сопоставляемых компонентов потребностей с право- и левополушарными механизмами переработки информации. О них можно судить, в частности, по реакции на предъявление зрительного образа, т.е. функциональной нагрузки, адресованной правополушарным (пространственно-образным, а не вербально-логическим) механизмам переработки информации кожно-тальваническая реакция при этой нагрузке и уровень церебральной активации обнаружкивает сильные корреляции с суммарной напряженностью несудовлетворенных потребностей, включающей неосознавае-мый компонент, и только слабые - с осознаваемой нечловаетворенностью.

Рассмотренные различия зависимостей проявляются, когда фрустрация потребностей приводит к нарушению психической адаптации. Если психическая адаптация оказывается эффективной, эти различия выражены слабее. В то же время своеобразие неосознаваемой компоненты напряженности неудовлетворенных потребностей обнаруживается и в труппе лиц с эффективной психической адаптацией при сопоставлении связя этой компоненты и уровня церебральной активности при предъявлении нагрузок, адресованных правому и левому полушариям. При таком сопоставлении обнаруживается корреляция осознаваемой неудовлетворенности с нарастанием активации при функциональных нагрузках, адресованных левому полушарию, тогда как включение неосознаваемой компоненты приводит к нарастанию истребральной активации при нагрузках, адресованных плавому полушарию.

Мотивационный уровень может рассматриваться как первичный уровень организации целенаправленного поведения, ибо формирование мотивированного поведения предлолагает выделение измногих потребностей наиболее значимых, распределение в соответствии с этим энергии между отдельными линиями поведения, сопоставление значимости потребностей и усилий, необходимых для достижения их удовлетворения. Сказанное касается всей сферы потребностей вне зависимости от степени их осознавания, интеграция поведения уже на этом уровне предполагает взаимодействие механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической леятельности.

Такое взаимодействие реализуется и на других уровнях системы интеграции, к которым относят установки, отношения и ролевые структуры.

Возможность существования неосознаваемых установок была убедительно показана работами школы Узнадзе. Неосознаваемые установки влияют на по-следующие осознаваемые передвижения, их характер и динамику и соответственно воздействуют на целостное поведение. Но может быть рассмотрен и обратный процесс. Если установки обусловливают ожидание определенното типа переживаний и готовность к определенном типу поведенческого ответа, следует ожидать, что опыт предшествующих осознанных переживаний и поведенческих реакций будетиспользоваться при формировании установок, в том числе и неосознаваемых.

Примером такого взаимного влияния могут служить приведенные в уже цитированной работе Э.А. Костандова данные исследования психопатических личностей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, у которых отмечается увеличение времени опознавания эмоционально значимых слов, выбор которых определяется их непосредственной связью с ситуацией. Увеличение времени опознавания может рассматриваться как результат влияния неосознаваемой установки, сформировавшейся под влиянием опыта предшествующих вполне осозновки, сформировавшейся под влиянием опыта предшествующих вполне осозновки, сформировавшейся под влиянием опыта предшествующих вполне осозновки,

наваемых переживаний и поведенческих реакций. Ценность представленных данных тем более велика, что автором детально проанализирован нейрофизи-ологический механизм, дежащий в основе описанного явления.

На основе установок формируются отношения, т.е. система предпочтений, струппированных вокруг определенных представлений, субъектов вили объектов. В психологии отношений, развитой В.Н. Мясищевым, личность рассматривается как сложившаяся система отношений. Однако накопленный опыт изучения бессознательных психических процессов показывает, что характер предпочтений и их генезис, далеко не всегда осознается индивидуумом.

Ролевые структуры, т.е. стереотипы поведения, съязанные для индивидуума с той или иной конвенциональной или межличностной ролью, зависят от взамодействия осознаваемых и неосознаваемых аспектов психической деятельности. Включение неосознаваемых компонентов в ролевые структуры может происходить при формировании образа той или иной роли. Осознаваемые аспекты этой роли, которые поддаются логическому анализу, вербализуются, но не исчерпывают этого образа.

Приведенную схему интеграции поведения целесообразно дополнить двуми моментами. Зависимость между мотивациями, эмоциями и поведением позволяет рассматривать змоции как привод от погребностей к соответствующей форме поведения. На этом уровне взаимодействие бессознательных и осознаваемых процессов проявляется в возникновении безотчетных эмоций, которые сами по себе осознаются, но связаны с неосознаваемыми отребностями, с неосознаваемыми аспектами ситуации. Это в наибольшей мере относится к тревоге, изучение которой сыграло значительную роль во всей истории исследования бессознательных психических процессов. Вместе с тем вполне осознаваемые аспекты мотивации могут быть связаны с эмоциями, доступными объективному наблюдению, но неосознаваемыми субъектом в результате психологической защиты.

Второй момент связан с тем, что индивидуум воспринимает себя не как совокупность размичных ролеемых структура, а как целостную личность и имеет о своей личности определенное представление. Образ собственной личности тажже формируется на основе взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых меканизмов. В той мере, в какой этот образ осознается и вербализуется, он представляет собой концепцию своего "Я", но не может быть к ней сведен. На физиологическом уровне взаимодействие образа "Я" и "Я-концепции" огражает взаимодействие право- и левополушарных механизмов переработки информации. Сохранение образа "Я" и подлержание "Я-концепции" представляет собой одну из существенных потребностей индивидуума, благодаря чему осуществляется обратила связь между наиболее высоким уровнем интеграции поведения и первичным, мотивационным уровнем. При этом поддержание "Я-концепции" реализуется, как это рассматривает, в частности, М. Кобта, благодаря функционированию неосознаваемых психологических защит.

То обстоятельство, это интеграция поведения осуществляется на всех уровнях в результате взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, позвольет расцениять степечь интеграции поведения как важный показатель эффективности этого взаи: одействия. Понижение способности к интеграции поведения сопровождается усилением осознанной неудовлетворенности, снижением порота фрустрав и, усилением тревожности, снижением сознательного контроля, уменьшением способности к организации алекватного междичностного взаимодействия.

В психофизиологических соотношениях понижению уровня интеграции поведения соответствует усиление восходящей церебральной активности в покое и при всех формах функциональных нагрузок. В меньшей мере этот уровень сказывается на вегетативных и гуморальных характеристиках, хотя и обнаруживает значимые корреляции с частотой серечных сокращений и длигельностью кожно-гальванического ответа при орментированной реакции. Относительно слабое влияние рассматриваемого показателя на психовететативные и психогуморальные соотношения обусловлено тем, что на вегетативно-гуморальных характеристиках сказывается не только способность к интеграции поведения сама по себе, но и соответствие этой способности степени напряженности потребностей.

Поскольку целенаправленное поведение связано с реализацией актуальных потребностей, требования к интеграции поведения возрастают по мере роста напряженности потребностей. Все это обусловлявает целесообразность исследования изменения психодиагностических характеристик и физиологических коррелатов психической деятельности при разном соотношении напряженности неудовлетворенных потребностей, в том числе и неосознаваемых, и эффективности интеграции поведения. Такое исследование тем более существенно, что интеграция поведения может облегчаться в случае синергичности осознаваемых и неосознаваемых мотиваций или затрудняться при наличии осознаваемых и неосознаваемых и потребностей, сравнимых по силе, но различных по направлению (ситуация интрапсихитеского конфлыкта).

Увеличение отношения напряженности потребностей к уровню интеграции поведения, даже при достаточной эффективности психической адаптации, достоверию коррелирует с повышением уровня церебральной активации (преимущественно в правой гемисфере и при нагрузках, адресованных правому полушарию, что, как уже отмечалось, можетбыть связано со своеобразием переработне неосознаваемых потребностей) и усилением эртотропных вегетативно-гуморальных реакций (увеличением частоты сердечных сокращений, снижением уровня кожного сопротивления, усилением кожно-гальванических потенциалов в покое, а при функциональных нагрузках- повышением интенсивности синтеза катехоламинов, в особенности норадреналина, и повышением уровня экскреции свободного повладеналина и доломанна).

Для изучения связи механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности существенно, что возникновение корреляций с осознаваемой неудовлетворенностью сопровождается появлением значимых корреляций с левополушарной активацией и усилением церебральной активации при нагрузках, адресованных левому полушарию.

Подтверждается тесная корреляция между уровнем напряженности потребностей и интенсивностью тревоги, которая представляет собой одно из центральных звеньев в механизмах неосознаваемой психической деятельности и во взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых ее аспектов.

Тревога в значительной степени связана с неосознаваемыми потребностями и элементами ситуации. Она может рассматриваться как результат расхождения между стереотипом поведения и изменившейся системы потребностей. Механизмы неосознаваемой психической деятельности играют важную роль в генезе явлений тревожного ряда, их феноменологии и динамике.

С тревогой связано и включение неосознаваемых механизмов интрапсихической адаптации, которые оказывают влияние на уровень и характер структурированности ситуации, на степень осознаваемости тех или иных элементов.

Именно при изучении тревоги наиболее широко использовалось исследование физиологических коррелятов. Тесная зависимость между аффектами тревоги, вегетативными, гуморальными и моторными сдвигами давало основание считать эти сдвиги компонентами самого синдрома тревоги.

Большинство исследователей, изучавших состояние тревоги, возникающее при фрустрирующем воздействии, реально существующем или ожидаемом, отмечали связь тревоги с эрготропным синдромом, с повышением активности симпатоадреналов, усилением выделения их предшественников и метаболитов и сответствующими изменениями вегетативного регулирования). В то же время острая и интенсивная тревога может сопровожаеться выраженным вагоинсулярным сдвигом, а тревога при подостром стрессе - неустойтивым равновесием межау симпаточаленаловой и вагонисулярным сактивацией.

Однако существенно, в какой мере указанные изменения могут быть связаны с функционированием механизмов неосознаваемой психической деятельности, с тревотой как таковой или с теми или иными механизмами интрапсихической адаптации (психологическими защитами). Характер психофизиологических соотношений, определяемых тревожными явлениями зависит от интенсивности и стабильности тревоги и от ее влияния на эффективность психической адаптапии.

При умеренной выраженности тревоги напряженность защитных механизмов относительно невысока и между активностью тех или иных механизмов интрапсихической адаптации и интенсивностью тревоги корреляции либо отсутствуют, либо отридательны (исключение составляет механизм фиксации тревоги). В этом случае вегетативно-гуморальные соотношения определяются умеренно выраженными эрготропными сдвигами, связанными с интенсивностью тревоги.

При высокой интенсивности тревоги обнаруживаются выраженные положительные корредяции между интенсивностью тревоги и активностью защитных механизмов, и, хотя возрастание ряда эрготропных вегетативно-гуморальных изменений, а также уровня церебральной активации по мере увеличения интенсивности тревоги сохраняется, психофизиологические соотношения во все большей степени определяются характером механизмов интрапсихической адаптации.

Если тревога развивается парадоксально в течение короткого промежутка времени, не превышающего нескольких часов, могут наблюдаться все явления тревожного ряда любой интенсивности: от ощущения внутренней напряженности до чувства неотвратимости надвигающейся катастрофы. В то же время влияние психологических защит на психофизиологические соотношения будет оказываться в минимальной мере.

Такая пароксизмальная тревога, феноменологические проявления которой вполне осознаются и интенсивно переживаются, резко нарушают интетрацию поведения, нередко сопровождается чувством беспомощности и невозможности осуществления целенаправленной деятельности. Она может рассматри-

ваться как классическая молель нарушения алекватного взаимолействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической леятельности. Хотя пароксизмальная тревога нередко протекает с эрготропным савигом вегетативно-гумора акного регулирования, ситематические исследования в период самих паро-ACASMOB & B ULMUCALEVENO CHOKOMANIE HDOMEWALK DASVEYAMINE SAR HADORCASмы, показывают, что илентичные по феноменологическим проявлениям пароксизмы тревоги могут сопровождаться прямо противоподожными по характеру BELEATABRIO-LAWODS VPHOLO DELAMODOBSHIR CRIMITADS DEHS VORPIM BALORICA VANDA ными кризисами или сменой (нередко неоднократной) характера физиологических савигов в течение одного пароксизма. С другой стороны, однотипные ве-PETATURHO-PUMODA ARRIGE HADVIHERING MODUT COPETATION C HOUSENERS HADORS ACниями, различными по характеру и выраженности расстройств тревожного ряда и по структуре психопатологических явлений, сопровожлающих эти расстройства. Наконец, в течение светлых промежутков, разлеляющих пароксизмы, направленные исследования могут обнаруживать объективно регистрируемые изменения вегетативно-гуморального регулирования, не сопровождающиеся субъективными пеакциями и закономерными изменениями психического состояния. Все эти факты указывают на нарушение стабильности психофизиологи-THE THE TOTAL CONTROL WAS

Такие же нарушения выявляются и при исследовании психомоторной интеграции. Моторные характеристики, отражающие ажитацию или скованность, уровень эмотивности, психомоторный тонус, выраженность и направленность агрессивных реакций, обнаруживают крайнюю неустойчиюсть, вариабельность в течение одного исследования, нарушение стабильности психомоторных корпедений.

Полученные данные дают основание считать, что нарушение адекватного взаимодействия, осознаваемого и неосознаваемого, характерное для пароксизмально возникающих тревожных расстройств, закономерно проявляется нарушением интрапсикической и психофизиологической интеграции.

Связь тревоги с изменением соотношения между системой потребностей (включая потребности неосознаваемые) и стереотипом поведения, направлежного на удовлетворение этих потребностей, предполагает, то ее минимизация обеспечивается либо изменением ситуации, либо изменением системы потребностей, про обеспечивает реорментацию субъекта по отношению к средь. Соответствие осознаваемого и неосознаваемого в первом случае восстанавливается в результате исчезновения неосознаваемого источника тревоги, во втором – результате исчезновения неосознаваемого источника тревоги, во втором – результате изменения осознаваемых аспектов психической деятельности в значительной степени благодаря включению механизмов интрапсихической адаптации.

Пропорционально связи становления и динамики явлений тревожного ряда с неосознаванием причин тревоги (что делает невозможной направленную деятельность с целью их ликвидации), восстановление нарушенной интеграции может быть обеспечено только благодаря бессознательным механизмам интрапсихической адаптации.

Психодиагностическое и физиологическое изучение механизмов интрапсикической адаптации и сопоставление полученных данных с существующими классификациями психологических защит позволяет прийти к выводу, что воздействие механизмов интрапсихической адаптации может приводить дибо к тому, что вызывающие тревогу факторы не воспринимаются (или не осознаются), либо к тому, что тревога связывается с каким-то конкретным объектом, неза висимо от реальных причин тревоги и потребностей, фрустрация которых и привела к ее возникновению, либо, наконец, к идеаторной переработке тревоги, результатом которой становится формирование новых представлений, касающихся частных или более общих ситуаций и определяющих поведеление индивидуума.

Психологические защиты, выделяемые в принятых классификациях, могут быть соотнесены с этим подходом. В случае психологических защит типа отрицания или вытеснения анкзиогенные факторы не воспринимаются и не осознаются; при перенесении в некоторых формах изоляции тревога связывается с иррелевантным стимулом; наконец, проекция, рационализация и некоторые другие формы защиты придают поведению вторичную ориентацию, благодаря формированию определенных концепций. Наряду с этим, возможна еще одна форма психологической защиты. Поскольку тревога возникает в сяязи с фрустрацией актуальной потребности, уменьшение ее интенсивности может быть достигнуто при уменьшении актуальности этой потребности, ее обесценивании, снижении общего уровия побуждений.

Такой подход позволяет классифицировать механизмы интрапсихической адаптации, разделяя их на:

- препятствующие осознаванию факторов, вызывающих тревогу, или осознавание самой тревоги (отрицание, вытеснение);
- устраняющие неопределенность за счет фиксации тревоги на определенных стимулах (фиксации тревоги);
- снижающие уровень побуждений (обесценивание исходной потребности);
- устраняющие тревогу за счет формирования устойчивых концепций (концептуализация).

Классифицированные таким образом механизмы интрапсихической адаптации образуют иерархию. В случае нарастания тревоги и недостаточной результативности менее эффективных защит они сменяют друг друга в указанной последовательности.

В соответствии с этим наиболее мощный механизм интрапсихической адаптации представляет собой концептуализация, которую (в зависимости от того, относится ли концепция к собственному организму или к окружению субъекта), можно разделять на соматизацию тревоги и вторичный контроль эмоций.

При соматизации тревоги в основе формирования концепции лежит перенесение угрозы из сферы межличностного взаимодействия в сферу процессов, происходящих в собственном организме, чему способствуют неприятные физические ощущения, возникающие на базе связанных с тревогой нарушений вегетативно-туморального регулирования. При вторичном контроле эмоций тревога, эмоциональная напряженность, отрицательная эмоциональная окраска ситуации подвергается интенсивной идеаторной переработке и находят удовлетворяющее субъекта объяснение в результате отбора информации, подтверждающей их адекватность. При этом противоречащая информация не учитывается при построении концепции или полностью игнорируется. Благодаря этому переживаемый аффект субъективно воспринимается как хорошо контролируемый и обоснованный объективными обстоятельствами.

Следует иметь в виду, что понятие "психологическая защита" отнюдь не означает, что выраженность действия соответствующих механизмов обязательно способствует эффективной психической адаптации. Реориентация индивидуума в относительно стабильной среде, которая достигается в результате включения механизмов интрапсихической адаптации, может быть целесообразной; в этом случае психологические защиты действительно позволяют сохранить низкий уровень тревоги и улучшают качество психической адаптации. По-видимому, именно об этом свидетельствует отмеченная выше отрицательная корреляция между уровнем тревоги и активностью защитных механизмов в случае сохранения эффективной психической адаптации. В то же время, если реориентация оказывается неадекватной, что обычно имеет место при чрезмерной выраженности, ригидности или излишней стереотипности защитных механизмов, механизмы интрапсихической адаптации способствуют нарушениям психической адаптации, определяя при клинически выраженных нарушениях тип психопатологического синдрома. Корреляции между интенсивностью тревоги и активностью психологических защит отражают указанную неадекватность, свидетельствуя не только о напряженности защитных механизмов, но и о недифференцированности их. Как было показано ранее, при определенной форме патологии характер психофизиологических соотношений может определяться именно типом психопатологического синдрома.

Результаты исследований показали, что имеется относительная стабильность психофизиологических соотношений, постоянная связь между типом защитных механизмов и характером физиологических сдвигов. В частности, механизму фиксации тревоги соответствуют стабильные эрготропные сдвиги, которые в гуморальном регулировании проявятся усилением активности синтеза и замедлением метаболизма катехоламинов и повышением в результате уровня их содержания в крови и экскреции (это в наибольшей степени относится к норадреналину), усилением активности системы гипофиз - кора надпочечников (увеличение кортикотропной и адренокортикальной реакции). Этому соответствуют и изменения вегетативного регулирования, учащение сердечных сокращений, уменьшение минимального интервала между двумя сердечными сокрашениями. повышение уровня тонического напряжения артерий, снижении электрического сопротивления кожи, увеличении амплитуды спонтанных кожно-гальванических потенциалов. Наконец, фиксации тревоги соответствует увеличение амплитуды движений, первичных отклонений при совершении движений в сагитальной плоскости и вторичных отклонений в плоскости, перпендикулярной плоскости движений. Эти отклонения, отражающие соотношения двигательных и тормозящих импульсов, и характер структурированного моторного тонуса могут рассматриваться как моторные корреляты тревоги и эмотивности.

При установлении тревоги за счет обесценивания исходной потребности характер изменений вегетативно-гуморального и моторного регулирования имеет противоположную направленность. В гуморальном регулировании это относится к изменениям в обмене катехоламинов (снижение интенсивности синтеза и ускорение метаболизма, уменьшение уровня содержания в крови и экскрекции), активности системы гипофиз - кора надлочечников (снижение фонового уровня АКТІ и глюкокортикоидов, уменьшение интенсивности адренокортикотропной

и адренокортикальной реакций). В вететативном регулировании отмечается увеличение минимального интервала между двумя сердечными сокращениями, низкая амплитуда споитанных КГР и уменьшение вететативных реакций на функциональные нагрузки. Наконец, в моторном регулировании отмечается уменьшение амплитуды движений и моторных девиаций.

Аналогичным образом каждому из механизмов интрапсихической адаптации соответствует определенный характер взететативно-туморального и моторного регулирования. При этом комплексы сомато-вететативных показателей сохраняют свойственное каждому механизму своеобразие. Так, при соматизации тревоги характер обмена катехоламинов в значительной степени приближается к типу, наблюдаемому при устранении тревоги за счет обесценивания исходной потребности, но фоновая активность системы гипофиз - кора надпочечников изменяется в противоположном направлении.

Наличие стереотипа вегетативно-гуморального и моторного регулирования, соответствующего каждому из механизмов интрапсихической адаптации, подтверждает правильность выделения типов этих механизмов и показывает, что включение механизмов интрапсикической адаптации, эффект которых зависит от неосознаваемости их возадействия, восстанавливает не только интрапсикическую, но и нарушающуюся за счет тревоги физиологическую интеграцию. Поскольку характер интеграции определяется типом указанных механизмов, исседование психофизиологических соотношений может рассматриваться как один из путей изучения этих механизмов. При этом большое значение приобретают данные, указывающие на вероятную зависимость включения при стрессе различных механизмов интрапсихической адаптации и формирования определенного типа психофизиологических соотношений от исходных психофизиологгическими особенностями субъекта.

Все изложенное позволяет считать, что возможность изучения бессознательного базируется на двух фундаментальных посылках:а) постулировании постоянного взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности на всех уровнях психической интергации; б) представлениях об относительной стабильности психофизилолических соотношений.

Приведенные данные подтверждают продуктивность указанного подхода при изучении психологического и психофизиологического значения таких характеристик, как осознаваемые и неосознаваемые компоненты мотивации, эффективность взаимодействия механизмов осознаваемой и неосознаваемой психической деятельности, тревога и механизмы интрапсихической адаптации.

A.P. 3EHKOB

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И СОЗНАНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

1.1.0. Обнаружение у лиц с хирургически изолированными друг от друга полушариями мозга сложной гностической, эмоциональной и мнестической активности, происхолящей в правом полушарии и, судя по словесным отчетам, не осознаваемой больным, стимулировало поиск решения проблемы мозгового субстрата бессознательного в рамках функциональной асимметрии мозга. При таком подходе необходимо рассматривать бессознательное не как изолированную психическую сферу, а как часть операционального единства "бессознательное - сознание" с системой активного взаимодействия и обмена информацией внутри него.

Имея в виду это исходное положение, попытаемся свести в систему парных оппозиций основные карактеристики и типы поведения и психики, которые приписываются сознательному и бессознательному, а затем попробуем выяснить к какому типу нейропсихологических и нейрофизиологических систем их можно по преимуществу отнести.

Сознательное	Бессознательное
Вербальное Формально-логическое Концептуальное, абстрактное Симболическое Синтаксическая связанность знаков Вторичные мыслительные процессы Рациональное Интенциональное мышление	Невербальное "Нелогичное", неформальная логика Образно-бизуальное, конкфетное Иконическое Свобода комбинации знаков Первичные мыслительные процессы Иррациональное Сновидения, обман чувств, дневные фантизии, сновидное состояние, галлюинании

Сознательное	Бессознательное
Формализация	Творческие научные и эстетические процессы, инсайт, интуиция.
Научная систематизация	Мифологическая систематизация.
Сукцессивность	Симультанность.
Ограниченность в пространстве и во	Несвязанность с пространством и
времени	временем
Стабильность отношений с окружа- юшим	Динамичность, лабильность
Дискретность	Континуальность
Цифровая операциональная система	Аналоговая операциональная система

Не нужно обширной аргументации, подробных сопоставлений, чтобы покаавть, что левая колонка (все, относящееся к сознательному) совпадает с характеристиками нейропсихологических систем и механизмов левого полушария. Правая колонка совпадает с характеристиками правополушарного мышления и психической, поведенической активности.

1.2.0. Видимая простота решения проблемы становится еще более осязаемой, если, как это принимается довольно часто, тип мышления левого полушария принято обозначать как вербальный, а правого - как невербальный. Тогда вся проблема решается по следующей схеме: правое полушарие - невербальная психика - бессознательное, и, соответственно, левое полушарие - вербальная психика - сознание. Однако, как показывает более внимательный аналия, такое упрощение не вполне соответствует реальным фактам, а в ряде случаев прямо противоречит им.

1. Ž.1. Одним из самых веских и впечатляющих аргументов в пользу представлений о необходимой связи сознания с вербализацией являются данные исследования больных с расщепленным моэтом. Драматичность феномена отказа словесно признать собственную сенсорную, перцептивную поведенческую активность, связанную с девым полупространством и левой половиной теад, демонстрируют, по-первых, неосознаваемый характер этой активности, во-вторых, тот факт, что эта неосознаваемый характер этой активности, во-вторых, тот факт, что эта неосознаваемый карактер этой активность обычно делаются авторами, не имевшими собственных наблюдений над подобными пациентами. Ѕрегту, багагапіда Водел и др. имеющие наиболее обширный, длительный и детально обработанный опыт изучения больных с расщепленным моэгом, настаивают на осознаваемом характере активности как левого, так и правого полушарий. Неосознаваемом активность данного полушария является не для самого полушария, а для его партнера, от которого оно отделено вследствие операции.

С методологической точки зрения отказывать в осознаваемой психической деятельности правому полущарию только на основании того, что оно не коммуницирует вербальной форме "левого" сознания, равносильно отказу в осознаваемой психической деятельности человеку, говорящему на непонятном для нас языке. Очевидно, методологически можно принять тезис, когда признаками наличия сознания являются такие аспекты поведения, которые наблюдатель, руководствуясь интроспективным опытом, считает необходимо связанными с

осознаниями. В этом плане целенаправленная интерперсональная коммуникативная активность должна быть принята за один из видов наиболее высокоосознаваемой психической деятельности, независимо от того, какого рода коммуникативная система при этом используется. В качестве примера можно привести такие виды осознаваемой человеческой коммуникативной активности, как язык знаков, живопись, музыка, в осуществлении которых главная роль принадлежит правому полушарию. Ряд данных показывает, что деятельность правого полушария осознаваема и у лиц с разделенными полушариями мозга. Прежде всего, при использовании невербальных знаков (а в определенных контекстах - и вербальных), возможна целенаправленная непротиворечивая коммуникация с правым полушарим у таких больных. Кроме отос, целенаправленная коммуникация левого полушарию у таких больных. Кроме отос, педенаправленная коммуникация левого полушарию предлагают ответить на вопрос о цвете, предъявленном в правом полушарию. Эти эксперименты показывают, что:

правое полушарие	левое полушарие
правильно понимает предъявленную вербальную задачу и безукорыльенно обнаруживает ошибки называния, совершаемые левым полу-шарием	осознает свою неинформирован- ность, безусловно доверяет невербальным сигналам о результатах пробы, по- даваемым правым полушарым в биде жестов и эмоциональных звуков.

Надежность этой внемозговой межполушарной коммуникации такова, что при условии права на исправление ошибочного названия испытуемый дает сто-процентно правильные ответы, причем ошибки называния, допускаемые левым полушарием, расцениваются больным не как таковые, а как оговорки: "Красный, простите. Я имел в виду зеленый!" Очевидно, что левое полушарие признает осознаваемый характер активности правого, несмотря на то, что правое полушарие не пользуется моторной речью. Это однако не следует понимать в том смысле, что процесс решения задачи осознается испытуемым в форме диалога. На самом деле переживания странности ситуации или расщепленности сознания субъективно нет, и больной воспринимает всю ситуацию эксперимента как нормальную. Очевидно, что процессы, происходящие в левом и правом полушариях, переживаются больными в этой ситуацию закиером столушериях, се то личному опыту.

Многочисленные клинические наблюдения показывают, что правое полушарие является доминантным по ряду важнейших функций, связанных с личностным самосознанием. Известно, что психические расстройства (делирий, онейроид, синдромы деперсонализации, анозогнозии, дизморфопсии, неузнавания собственного лица в зеркале, аутотопатнозии), связанные с индентификацией себя с собственным соматическим и окружающим пространством и временем развиваются преимущественно при поражении полушария мозга.

Обратим внимание и на тот факт, что не только правополушарные психические процессы в существенной части оказываются осознаваемыми, но достаточно общеизвестно, что левополушарные процессы могут протекать и на бессознательном уровне. Тут представляют интерес выявленные с помощью метода вызванных потенциалов сложные операции с вербальными стимулами, осуществалемые мозгом на неосознаваемом уровне. Тривиальным является известный каждому по собственному опыту факт чтения (про себя или вслух) без осознавания содержания прочитываемого. Наиболее парадоксальной с этой гочки эрения представляется психическая активность во сне: как известно, психическая активность в быстром сне в виде сновидений, связываемая с правым полущарием мозга, достаточно хорошо осознается, в то время как преимущественно концептуальная, абстрактная, дискурсивная, т.е. по современным представлениям относящиеся к левополушарному типу психическая активность в медленном сне по большей части ввядается неосознаваемой

1.2.2. Очевидно, что попытка упрощенно разделить нейрофизиологические механизмы осознаваемой и неосознаваемой психической активности, фокусируясь только на вербализации и межполушарной функциональной асимметрии (без адальнейших уточнений), оказывается необоснованной.

Ясно, что в психической жизни неосознаваемой оказывается та активность. на которую не направлено в настоящий момент внимание, или внимание это нелостаточно. Обусловленное этой причиной неосознание касается как вербальных, так и невербальных процессов. Клинические и нейрофизиологические данные позволяют считать, что такого пола механизм лежит не только в основе нопмального исключения из поля сознания определенных аспектов психической де-STEADHOCTU, HO U R TEHESE DSAS HERDOADFUYECKUX CUHADOMOR AUCCOLUSIUM (CUH-АДОМЫ ОДНОСТОВОННЕГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО ИГНОВИВОВАНИЯ. ПСИХИЧЕСКАЯ СЛЕПОта конверсионные истерические синаромы, акинетический мутизм и т.а.) Hernandez-Peon выделяет специфическую "систему осознания", докадизующуюся в мезо-а изниефальной неспецифической области мозга. Эта система независима от систем общей активизации и поддержания бодрствования, ибо может функционировать в условиях, когла аве последние функции находятся в состоянии подавления (в частности, в моменты сновидений в быстром сне, при акинетическом мутизме или coma vigile) или же быть инактивированной в условиях. когла система бодоствования, по-видимому, функционирует (психические нарушения, связанные со сложными формами поведения, осуществляемыми при отсутствии сознания). К аналогичным выводам на основе большого ней рохирургического опыта приходит Э.И.Кандель, Законы активации этой мезо-дианиефальной системы сознания в настоящее время остаются в существенной мере неисследованными, но предварительно можно выделить некоторые аспекты работы этой системы. В болоствовании система осознания работает в связи с интенциональностью, ее активность носит целенаправленный характер. Можно констатировать также важное отличие ее работы во сне - неинтенциональность. непроизвольность и явную связь с иной системой, определяющей пиклические смены стадий сна. Неинтенциональный характер активности системы осознания во сне позволяет объяснить кажущуюся парадоксальность соотношения осознаваемости процессов правополушарного и левополушарного типа в этом состоянии. Рассмотрим сначала условия осознаваемости психической активности в бодрствовании. Ясно, что осознаваемость вербальных процессов бывает в норме тогда, когда они наполнены конкретным невербальным содержанием. У здорового человека это имеет место при непрерывном сознательном интенциональном отборе образов, иконических знаков из репертуара правого полушария в соответствии со значением вербальных символов левого. Когда элемента интенциональности нет, осознание вербального текста не происходит. Следовательно, при осуществлении сознательной вербальной активности интенциональность в большей мере присуща правополушарным процессам, покольку развитие осознаваемой вербальной деятельности требует прогнозирующей, соответствующей ей образной динамической системы. Это положение
получило прямое нейрофизиологическое подтверждение. Таким образом, условием осознаваемости процессов левого полушария является интенциональность
процессов в правом.

Обратные соотношения происходят при осознании в бодрствовании невербальной активности правого полушария. Как при создании иконического знака
образа, так и при его восприятии необходимым условием его осознания является наличие определенной его логической, концептуальной структуры, сколь
бы ограниченное значение для всего образа она не имела. При этом необходикым условием восприятия образа является его понимание, преломление через
понятие, прохождение через коммуникативную систему левого полушария.
Можно принять, что для осознания активности правого полушария в бодрствовании необходима интепциональная активность левого полушария в бодрствовании необходима интепциональная активность левого полушария.
Интепциональный характер сознания в бодрствовании протекает так, что функцию управления происссами, происходящими в одном полушарии, осуществляется другим полушарием.

Отметим, однако, существенную асимметричность двух рассмотренных сиучаций. В случае левополушарной активности набор образов и иконических знаков жестко регламентирован вербально-логической структурой левополушарного процесса, жесткой арбитражной кодификацией знаков-символов и их свявей с соответствующими им знаками-образами и объективными денотатами. Таким образом, весь вербальный процесс оказывается строго ограниченным в пространстве и во времени и оказывается в поле сознания. Отсюда - высокая и полная осознаваемость левополушарных процессов, если только осознание вообще имеет место. Осознание здесь работает по принципу, близкому к "все или ничего".

При правополушарной активности набор иконических образов и возможных их свободных ассоциаций в силу специфических особенностей иконической системы коммуникации, присущей правому полушарию, практически безграничен. В связи с этим всякая концептуальная модель, полагаемая в основу правополушарной активности, оказывается только одним из возможных способов передачи и интерпретации развивающихся психических процессов, что и определяет весьма ограниченную, но зато подвижную, текучую, и континуальную форму осознания правополушарных процессов психики в бодретвовании.

Исходи из данных некоторых нейрофизиологических и нейропсихологических их иследований, можно приписать процессам психической активности в быстром сне преимущественно правополушарный, а процессам, происходящим в медленном сне, - левополушарный характер. Отсутствие интенционального сочанния во сне, отмечаемое большинством исследователей, может означать то, что менее активное полушарие в определенной стадии сна играет роль пассивного "наблюдателя" тех психических процессов, которые протекают в более активном полушарии. Для быстрого сна это достаточно явно вытекает из характера отчетов при пробуждении. Возможность пересказа сновидений свидетельствует о том, что левое полушарие было достаточно "воознательным", чтобы наблюдать и запоминать сновидения, происходившее в правом. С другой стороны,

субъективные трудности, испытываемые при пересказе сновидений, невозможность передать своими словами абсурдность сновидения, иррациональность развития событий, противоречие их логическому и липтвистическому синтаксису говорят о том, что левое полушарие не принимало сколько-нибудь активной роли в организации самих сновидений.

Если принять, что в медленном сне правое полушарие не участвует активно в формировании психических процессов девого, то следует признать, что психические процессы, процессы, процессы, процессы, процессы, процессы, процессы, происходящие в левом полушарии, будут при этом иметь характер абстрактного оперирования знаками-символами в соответствии с фиксированным набором логических синтаксических правил. Основной характеристикой знаков-символов виллегоя отсутствие естественной связи знака с обозначаемым. И без активного взаимодействия содержательных процессов левого полушария с иконическими системами правого эти процесси оказываются полностью лишенными какого-либо конкретного содержания. Таким образом, в медленной фазе сна практически нечего осознавать, кроме наличия факта абстрактных мыслительных операций над отвлеченными символами, что и характерно для отчетов в пробуждениях из этих стадий сна.

Специфика психических процессов в медленном и быстром сне может объяснять количественные соотношения этих стадий. Иконические мыслительные процессы правого полушария обладьют свюйством симультанности и мало связаны с временными параметрами. Объем информации, обрабатываемой в этой системе в единицу времени, по некоторым данным, оказывается в 10 большим, чем при вербальном оперировании. Левополушарные психические процессы абстрактного формально-логического мышления связаны с линейным последовательным типом синтеза и находятся в жестой связи с пространственными и временными координатами. Объем информации, перерабатываемый в такой системе, пропорционален времени процесса. Очевидно, что для обработки одного и того же количества информации вбыстром сне требуется намного меньше времени (пропорционально временным соотношениям этих стадий).

1.3.1. Выше говорилось о психических явлениях, которые могут быть осознаваемыми и неосознаваемыми. Их явлючение в поле сознания определяется не их природой, а направлением активности мезо-дмящефальной системы сознания. Эти психические и мыслительные процессы соответствуют "предсознательному" (по Фрейду). Следует, однако, напомнить, что все школы, исследующие обсосознательное, постудируют существование неосознаваемых сфер, которые принципиально не могут быть переведены в сознание и детектируются только по внешней феноменологии и тем проявлениям в сознании, которые они вызывают. Таким образом, неосознаваемость этого рода должна лежать в самой структуре психических процессов. Для выявления ее характеристик наиболее целесообразно верпуться вновь к вопросу об особенностях психических процессов, присущих правому и левому полушариям мозга.

Из изложенного выше следует, что номинальная и феноменальная часть психического содержания правополушарного и левополушарного мышления не явяяются здесь разделительными признаками. При пристальном рассмотрении функциональных особенностей полушарий мозга выясняется, что они различаносте не классами объектов, которыми они оперируют, а спецификой оперирования. Правое полушарие, как это показывают многочисленные исследования, достаточно хорошо знает словесный язык, по крайней мере, в его перцептивной части. Более того, по некоторым данным высшие семантические операции в вербальной сфере являются функцией по преимуществу правого полушария. С другой стороны, левое полушарие может опознавать образы и невербальную информацию. Следовательно, основное отличие заключается в способе обработки, кодирования и считывания информации. Упоминавшееся выше членение коммуникационных знаков на знаки-символы и иконические знаки-образы коренится не в их физической природе, а в том, какого рода значения им придаются и в какого рода коммуникативную структуру они включены. Изображение конкретного объекта в зависимости от контекста коммуникации и введения предварительных условий может служить знаком-образом, означая то, что оно изображает, или же знаком-символом, означая то, что ему приписано в силу концепции. Сильным подтверждающим аргументом в этом отношении являются данные исследования алексии у японцев. В японском языке существуют два способа письма: алфавитное и нероглифическое, причем в обоих используются одни и те же графические знаки. Оказывается, что при поражении правого полушария больной теряет способность иероглифического прочтения текста, знак не воспринимается как пиктограмма, однако сохраняется способность чтения тех же знаков в алфавитной системе. При поражении левого полушария возникают обратные расстройства чтения. В наших собственных наблюдениях мы обнаружили близкие по смыслу нарушения у больных с полушарными поражениями в шахматной игре. При поражении правого полушария наблюдается нарушение способности к творческой, комбинаторной игре, падает класс шахматиста, в то время как полностью сохраняется значение фигур, правил, ходов. При поражении левого полушария возникающие расстройства связаны с утратой значения фигур, непониманием правил игры и ходов.

Следовательно, правоподушарное мышление отличается от левоподушарного не исходным материалом психических процессов и их результатами, а способом обработки материала, процессом формирования образа. Очевидно, что именно эта часть психической активности правого полушария оказывается принципильлю неосознаваемой. Причину неосознаваемости правополушарных механизмов обработки информации можно усматривать в том, что для осознания необходима фиксация осознаваемого факта в пространственных и временных координатах. А именно эта характеристика отсутствует в процессах правополушарной исихики, поскольку важнейшими принципильльными способес переработки (голографический принцип). Таким образом, осознаваемость или неосознаваемость пискического процесса определяется не мерой его верабаизуемости, а особенностями его структурной организации, которая, очевилно, в существенной мере определяется функциональной организацией полушарий мозта.

2.0. Такие соображения открывают широкий диапазон проблем в этой области. Попытаемся выделить некоторые из них.

2.1. Очевидно, одной из актуальных задач является прямое обнаружение тех нейрофизиологических характеристик каждого из полушарий, которые могли бы быть связаны с особенностями их нейропсихилогических механизмов. До настоящего времени представления о голографическом характере работы правого полушария зиждется не на прямом обнаружении этого типа процессов в ней-рофизиологических исследованиях, а на относительно косвенных данных логи-

ческого анализа его высших функций(или синдромов, возникающих при локальных поражениях правого полушария). Наиболее перспективными здесь были бы исследования процессов запечатления и воспроизведения информации в сочетании с методами вызванных потенциалов корреляционного и спектрального анализа ЭЭГ.

- 2.2. Второй проблемой является выяснение нейрофизиологических механизмов взаимодействия полушарий мозга. Отмеченная рецепторность, а иногда и антогонистичность функций правого и левого полушарий должна определенным образом проявляться в нейрофизиологической организации межполушарных связей. Косвенные данные о том, что эти взаимоотношения могут основываться на поперечном торможении, получены в исследованиях больных, которым по медицинским показаниям производились однополушарные электросуфорожные шоки. Инактивация одного из полушарий приводит как бы к растормаживанию функциональной активности его партнера. Нами получены достаточно примые данные о наличии межполушарного поперечного торможения у человека с использованием метола усредненых вызванных потенциалов. Следует полагать, что поперечное торможение играет роль не только регулятора взаимного уровия активности двух полушарий, но и осуществляет кодирование и перенос содержательной информации между полушариями.
- 2.3. Из-за ограниченности возможностей прямого психологического исследования "бессознательного" в его изучении все большую роль будут играть методы нейрофизиологического тестирования и метод регистрации вызванных потенциалов головного мозга. Эти исследования уже позволили получить непосредственные данные о наличии нейропсихических процессов, связанных с обработкой неосознаваемой информации, а также о связи неосознаваемой психической активности с правым полушарием мозга. В ряде экспериментальных исследований получены также данные, говорящие о возможности предсказать на основании вызванных потенциалов, в каком плане интепретируется предъявляемый визуально стимул в символическом или иконическом.
- 2.4.1. Включение проблемы бессознательного сознания в общебиологическую проблематику ставит вопрос о приспособительной роли этой дуальности, включая аспект изучения фило- и онтогонетической эволюции этого феномена с использованием данных и методов этносемиотики, энтопсихологии и археопсихологии.

Исследования в этой области выявили наличие сферы подсознательной активности в психической жизни так называемых примитивных обществ и этнических изолятов, реализующейся в общественном бытии в форме мифа. Анализ значения мифов обнаруживает наличие семиотической неоднородности пространства в представлениях самых разных древних и современных культур. При этом семиотическое значение, приписываемое правой и левой сторонам, оказывается в основном совпадающим с семиотическими аспектами правого и левого перцептуальных полупространств в, и соответственно, левого и правого полушарий мозга, выявляемых в нейропсихологических и нейрофизиологических исследованиях. Так, правое полупространство ассоциируется с правильностью, истиной, логичностью, ясностью, посюсторонним светамы миром, добром, рациональным началом. Левое полупространство наделяется противоположными свойствами, являясь областью неправильности, ложности, местом нахождения потустороннего темного мира, ирадиональных сил. местом пребывания демо-

нов и стихий, не поддающихся обычному рациональному управлению и требующих для овладения и контакта с ними специальных ритуализированных псикических и поведенческих приемов. Соответствующие знаковые ассоциации зафиксированы в языковых формах многих народов мира (сравни: "правое дело",
но "левые доходы"; sinister (англ.) - дурной, зловещий; но right - правый, справедливый и т.д.). Учитывая особую чуткость первобытного человека к движения собственного психического мира, а также тенденцию приписывать своим
внутренним состояниям свойства субъективности, можно с определенным основанием связать эту семиотическую пространственную асимметрию с асимметрией мозга.

2.4.2. Мы обнаружили определенные композиционные особенности, заключающиеся в том, что в полавляющем большинстве рассмотренных нами памятников средневековой живописи статистически достоверно преобладает девоправое направление основного движения событий. Связь такой динамики с асимметрией перцептуального пространства и в конечном итоге с асимметрией мозга нам представляется вполне вероятной. Лело в том, что акт хуложественного творчества представа не собой процесс перевода многозначного и подсознательного солержания в однозначное выражение, представляющие собой, с определенной точки зрения, упорядоченный, догический, хотя и невербальный. текст. чему способствует последовательный способ построения художественного образа из отдельных элементов первого семантического уровня, моделирующий процесс последовательного построения, свойственного системам символической коммуникации. Учитывая велушую поль правой руки в изобразительном процессе, создание живописного произведения в определенном аспекте можно рассматривать как процесс перевода информации, первично содержашейся и обрабатываемой в правом полушарии, в левополушарную систему выражения. Поскольку полушария перекрестно связаны с полями перцептуального пространства, можно подагать, что перевод информации из правого подушария в девое семиотизируется в движении изображаемого из девого подупространства в правое. То, что в основе выбора право-девой композиции дежат неконвенциональные и неосознаваемые пласты, проявляется в том, что фотослайды, данные в обращенной право-девой проекции, воспринимаются как странные и разаражающие. лаже если на них представлены чисто пейзажные сюжеты. Это же касается обращения изображения в произведениях живописи.

2.4.3. Признание того, что в организации пространства живописи отражается семиотическая асимметрия полушарий мозга человека, послужило бы основанием для весьма перспективных архиопсихологических исследований генеза сознательного и бессознательного в эволюции человека. Важнейшим механизмом и одновременно процессом превращения неандертальца в homosapiens было развитие у первобытного человека символической системы коммуникации, являющейся основным его отличительным признаком по отношению к животных являются иконическая: образ растым. Основной знаковой системой животных является иконическая: образ действия и поведения у животного в большинстве случаев полностью совпадает с самим лействием и поведением.

Социальная практика человека потребовала создания символической системы коммуникации с высокой стабильностью значений, однозначностью сообщений, простотой построения моделей реальности. Нарастание роли символической системы коммуникации и мышления представляет непрерывно расширяющийся процесс в развитии человека: человек все меньше делает (в смысле непосредственного рукодельного творчества) и все больше символизирует. Промышленная и научно-техническая революция явилась результатом переноса символической системы коммуникации человеческого мышления и интерперсонального общения на общение с объектами (живой и неживой) внечеловеческой природы.

Если принципиальная неосознаваемость связана с иконической системой коммуникации, то логично считать сознание феноменом, возникшим непосредственно в связи с развитием символической коммуникации. Но было бы ошибкой полагать, что психика человека есть продукт простой суммы иконической системы коммуникации (подсознание), присущей животным, и символической системы коммуникации (сознание), присущей человеку. Животные не обладают ни сознанием, ни подсознанием в том смысле и объеме, которые мы вкладываем в эти понятия при анализе человеческой психики. Бытие животного есть синтетическое общение с окружающим миром (в смысле пластического, биологического приспособления к окружающей среде). Бытие человека есть абстрагирование, отчуждение от окружающего мира и не столько адаптация к природной среде, сколько приспособление среды к потребностям своего бытия. В этом смысле развитие человеческого сознания и подсознания есть качественное преобразование психики, обеспечивающее оптимальное отражение реальности с целью построения моделей ее последующего целесообразного преобразования при сохранении неизменной собственной биологической природы.

Археологические исследования подтверждают эту концепцию эволюции человеческой психики. Показано, что в изобразительном творчестве первобытного человека, начиная с раннего неолита до мезолита, идет эволюция знака от наиболее его иконической формы: обозначение животного его натуральным макетом, смонтированным из наиболее характерных частей его же собственной туши, через скульптурное изображение к настенному изображению, в финале переводимому в наиболее абстрагированную форму, уже приближающуюся к знакам-стиволам.

Если полагать, что развитие дуальной системы подсознание-сознание у человека связано с развитием иконической и символической систем коммуникации и соответственно с асимметризацией мозга и перцептуального пространства, то следует ожидать, что в первобытном изобразительном искусстве это процесс найдет свое отражение в появлении на определенном этапе эволюции семиотизации пространиственной композиции.

В ряде исследований убедительно показано, что в восприятии и отражении пространства произошел существенный перелом при переходе от палеолита к неолиту. Палеолитическое искусство отличается отсутствием какого-либо значимого отношения к пространству собственно изображения. При переходе к нелиту исследователи отмечают коренное изменение в пространственной композиции изображения. Пространстве по только становится важнейшим средством организации сюжета, но и приобретает знаковые свойства. В живописи выделяют верх, низ, правое и левое, причем, судя по этнографическим фольклорным реликтам той эпохи, эти членения принимают и определенные символические значения.

2.4.4. Для выявления особенностей право-левого построения композиции в неолитическом искусстве мы провели собственное полевое исследование пет-

роглифического материала, относящегося к эпохе неодита и бронзы, в верховыях Енисея. Петпоглифы представляют в большей своей части (93-99 процен.) изображения реальных животных, в существенно меньшем количестве - люлей фантастических зооморфных и антропоморфных существ, а также так называ-WHE ANDRUM (NOOFDOWERING MOCON MCHOALORSBIRING HISMORIAN B DUTVOALUMY лействиях). Во всех обследованных группах наскальных изображений (Могур-Саргол. Терезенник-Бююк, Ортаа-Саргол, правый берег реки Чинге. Бежиктык-Хая) выявилась общая закономерность: полавляющее большинство композиций изображает животных, авижущихся в направлении слева направо и представленных, таким образом, на изображении своим правым профилем. Аля большей убедительности мы подвергли статистическому знадизу материал изображений урочина Могур-Саргол, являющегося репрезентативным для данной группы петроглифических местонахождений. Выбор именно этой группы определялся отчасти наличием полной публикации всех петроглифов этого урочища, что обеспечивает введение его в общий научный обиход. Нами подучены сдедующие ланные: из общего числа животных или зооморфных существ (556) правопрофильные изображения составили 393, левопрофильные - 163 (различие статистически в высокой степени достоверно: $\gamma 2=82.4$: p <0.001). Таким образом, наши ланные полтверждают надичие семиотической асимметрии право-девой ориентации у человека эпохи неолита. Эта асимметрия носит тот же знак, который набаюдается в более позаних памятниках изобразительного искусства и соответствует этнографической семиотике правого и левого перцептуального пространства. Не имея возможности давать здесь развернутую аргументацию, которая булет приведена в отдельной публикации, наметим только основные динии рассуждения. По данным большинства исследователей акт творчества в неолитическую эпоху представлял собой ритуальное действие, прагматическое солержание которого включало в себя возлействие на окружающий мир с целью стимулирования плодородия. Изображая животных, художник тем самым вызывал их из небытия, потустороннего мира: акт творчества являл собой одновременный акт творения. Психологически это совпалало с процессом превращения в реальный знак потока образов в подсознательном правополушарном процессе. Согласно уже описанному выше механизму проекции полушарных гностических особенностей и перцептуальное пространство, этот перевод подсознательных процессов в осознаваемый знак изображения должен совпадать с движением изображаемого животного из левого перцептуального поля в правое. Этим можно объяснить закономерность воспроизведения именно этой динамики в изображении. Сравнение с петроглифическими публикациями из других географических ареалов, начиная от Монголии и кончая Европой и Африкой. доказывает надичие той же пространственной закономерности в искусстве неолита и поздней бронзы. Приведенные данные позволяют нам предположить. что четкое выделение сферы подсознания возникло в эпоху перехода от падеолита к неолиту и обусловлено развитием и формированием сложной социальной структуры, символической коммуникации (прежде всего развитого звукового и появлением начатков письменного языка).

В заключение следует отметить, что приведенный обзор базируется в основном на данных исследованиях, не относящихся непосредственно к проблематике связи бесосознательного с функциональной асимметрией мозга. Прямые исследования по этой теме в намеченных здесь направлениях позволят выяснить правильность сформулированных здесь выводов, достоверность и перспективность обсуждавшихся гипотез и методических подходов.

III

МІННАЛА ШОЧП ДКЛІЕВ

эли элисон

EESVMUE U BEDA

Безумие для верующего - понятие иное, чем для психиатра. Каббала называет его "перестановкой светильников". Более всего это относится к тому роду заболеваний, таинственно всплывающих и уходящих, который порожден не органическими процессами, а вечными законами души. Различие душ и своеобразие их природы обусловливает ход этой болезни, по существу религиозной и вырастающей из раздвоения человека между добром и злом, между Богом и грехранстью.

Разлад неверующего разума и души, переполненной сознанием вины, переживается здесь - мистическая тратедия души - не только как видение в скрытых недрах душевного мира, а как живая действичельность. Разум раздвоен и в высшем своем составе перенесен в духовные сферы бытия, удел же души - идти пути стладания и искупления. Посладный дахорд - вель, стивлияя знанием.

Не отрицая клиническую картину болезни, я хочу за пределами ее указать на мир сокровенный, не подлежащий рационалистическому рассмотрению и менее всего объяснению. Сознание нормального человека, связанное предначертанным порядком, протекает привычными путями. Но вот неэримая рука переставляет огоньки на пути, не погашая их, и прежний порядок нарушен, нарушена так называемая нормальная жизнь, и возникает иное: "безумие". В бездну проваливается разум, не постигая более здраюто смысла жизни. Дремавшая доселе сила нового сознания избавлена от уз своих; душа сбрасывает тесные оковы и прорывая трань, совершает взлет свой в мир ирреальный, близкий к высшей реальности.

Безумие - это страшная катастрофа, страшное насильственное потрясение всего существа, подобное землетрясению, из глубин извертающему пламя и темную лаву, и сокрушающему поверхность. Но сама болезье есть лишь следствие фундаментального происшествия - бунта духовного, вулканического извержения внутреннего мира. Сосуду несовершенному надлежит быть разбитым, дабы в новом, расширенном объеме мог он принять и вместить более высокое содержание. Во имя более совершенной природы сокрушается назная, несовершенном учание. Во имя более совершенной природы сокрушается назная, несовершен-

ная природа. Все ограниченное, все мертвое и разлагающееся стирается и сторает в огненном потоке страдания. В мучительных болях рождается новый мир. Не только на пути в Дамаск являет Господь себя человеку. И в стенах желтого дома таятся благостные ясли Вифлеемские. В терновом венце постигает больная душа божественный закон, дабы по избавлению своему преклониться перед чулом небесной любви.

Быть может, в этом и заключается метафизический смысл подобного заболевания. Его религиозный смысл - в искупительном страдании. Проходя через все круги ада, душа кровью своей платит дань за грехи прошаого и за милость в будущем. Таким образом, болезнь является сильнейшим религиозным переживанием - откровением мира невидимого и посвящением в мистерии бытия духовного: умиранием и воскресением.

И раньше уже человек жил в каком-то смутном предчувствии; все видимое казалось ему недействительным, люди - марионетками на искусственных нитях. Неодолимо росло ощущение скрытого смысла всего происходящего; медленнее текла кровь в жилах, вставали вещие сны, вспыхивали озарения.

И вот внезапно занавес взвился, началась божественная комедия! В этот же миг нить, связующая душу с окружающим миром, порывается, никто не знает более, что происходит в этой душе, общение невозможно, слов нет, между миром и душой развернулась бездна.

Одиноким и обособленным вступает дух человека на трудный и опасный путьсвой страстной, проходя через лабиринт превращений. Дерзкой и тщетной попыткой представляется желание описать этот ирреальный мир реальнейших страданий Самое значительное и глубокое о подобном душевном состоянии было высказано эсновидем Э. Сведенборгом и святой Катериной Генуэской.

Аишенная спасительного клубка Ариадны и опоры просветительного Вергилия одинокая душа потерялась в мировом пространстве, словно отверженная Богом и вселенной, словно обреченная дьяволу. Уничтоженная и до последних пределов униженная она пресмыкается на земле, терзаемая и пытаемая всеми пытками ада, гонимая фуриями, самой себе и другим на поругание преданная... А умиранию нет и нет конпа!

В этом лихорадочном беге переживаний нет передышки, нет остановки, время перестало быть, и вне всякой последовательности среди мучений непостижимым образом испытывает душа трепет от близости Божества. Перед лицом вины своей, выявляющейся в невольной исповеди, она содрогается перед видением небесной красоты и гармонии. Погруженная в вечность она перестала быть, она стала лишь зрительницей, хотя мучения ее не прекращаются; душа бессознательно впитывает в себя познавание. Вселенная звучит дионисовой печалью, все творящееся сопровождается ритмами монотонно-экстатического гимна, наполняющего собою душу. Мир стал музыкой. Перенесенная в седое прошлое душа переживает начало веков и рождение мифа. Священная символика, глубокие связи, вековые недра раскрываются перед ее духовным взором, древние видения, мифические личности воплощаются вновь. Хамелеоном проносится душа сквозь цепь превращений, сознавая единство вселенной. Язык зверей без слов понятен. Усталый кошачий взор говорит ей о веках. Слеза сострадания в глазах собаки трогает ее сильнее человеческой жалости. Мученичество лошади, самого одинокого из земных существ, исполняет ее жгучим чувством вины, и в ярких образах является ей звериное Божество, каким зрели его древние народы. А сквозь все это кроваво-алой лентой змеится мука...

Любовь, отчаяние и смерть, и нет смерти, и дикий вопль о конце!..

Но срок исполнен. Занавес падает. Чары исчезли. В трезвом свете нашей реальной жизни стоит выздоравливающий, освобожденный, проясненный и обновленный, в крови своей омытый и очищенный человек. Но или это лишь кажется ему? Никогда уже ему не улыбнуться, ибо забыть невозможно.

Отныне переживается им скрытый смысл Священного Писания, замкнутые врата раскрываются разуму, и подобно Лазарю, разбуженная к новому бытимуща вокресает к свету. Безмерность боли, затаенная любовь, высокое и бесконечное - все, все сливается в одном скорбном потоке, разрывающем душу и тело и наконец разряжается в молитвенно экстатическом жесте! (Речь идет, конечно, о чисто субъективном, а не об общем переживании. И, конечно же, тут не болезнь утверждается, а лишь сделана попытка осветить самую тяжкую из всех болезеней духовным смыслом).

В Евангелии рассказывается про больного, который, не иначе как через крышу, мог попасть к Иисусу, ибо остальные пути и ходы были уже заняты более счастливыми и здоровыми. И вот пришлось разобрать "крышу" и поднять туда больного. Не то же ли происходит и в религиозном безумии, самом таинственном и опасном прорыве к Богу?

Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ

РЕЛИГИОЗНО-АСКЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕВРОЗА

Современный переворот в психологии и психопатологии представляет громадный интерес с религиозно-философской точки зрения. Новейшие открытия в области подсознательного и новые методы его обработки в корне изменяют традиционный материалистический взгляд на психические и нервные болезни. В этом отношении особенно характерны столь распространенные теперь неврозы.

Психоневрозы составляют болезнь современности. Человеку современной цивилизации полагается быть нервным; считается красивым иметь "нервное лищо" и неприличным иметь нервы, "как канаты". И на самом деле неврозы, при
более глубоком знакомстве с ними, некрасивы, пошлы и иногда отвратительны;
их следовало бы стыдиться и скрывать; они способны разрушать жизнь и судьбу
больного, его семы, его близких, аже жизнь общества и государство
больного, его семы, его близких, аже жизнь и государство
посударство
по

Есть міного людей, страдающих иллюзорными страданиями, гонимых иллюзорными страданиями. Есть міного семей, переживающих иллюзорными настроениями. Есть міного семей, переживающих иллюзорныме трагедии, в которых ничего реального не происходит. Все это есть царство психоневроза, ибо сущность психопатологического есть пребывание в иллюзии, или, по замечательной типотезе Жанз, потеря чувства реальности. Несчастье в том, что большинство этих душ, одержимых вредными и губительными фантазиями, считает себя нормальным, иногда даже правым своих странностах, в лучшем случае - нормально первыми в наш "нервный век". Вольшинство не понимает своего положения и положения своих близких и истошает свои силы в истерических "объяснениях" и самообъяснениях.

Это положение может быть угрожающим: неврозы делают человека несимпатияным, невыносимым в общении, он тервет друзей и близких (например, Руссо под старость), иногда становится неспособным к борьбе, груду, напряжению мысли и воли. Общественные связи, профессия, карьера, творчество - все может быть разрушено на этом пути. Вот где необходим диагноз, где необходимо познание себя и связих близких. Те странные особенности жестов, движений, привычек, черт характера, которые мы прощаем себе и своим близким в качестве интимных индивидуальных особенностей и чудачеств как связанных с духовной жизнью и судьбой, на самом деле являются самыми вультарными и общераспространенными симптомами неврозов, давно зарегистрированными и изученными. Эти милые или тяжелые странности и самодурства приближают нас к самым жалким неврастеникам и истепиякам и представляют собою настоящее ослабление и утасание духа.

Но как указать выход из того своеобразного драматизма жизненных поло-

Нужно, чтобы человек увидел в этих своих психопатических особенностях болезнь, а не свойство личности, чтобы он возмутился духом и восстал против этих явлений и почувствовал некоторое отвращение к ним, тогда и только тогда возможно испеление. Этот момент самопознания к райне необходим.

Но возможность широкого синтеза и сопоставлений ставит перед философом и моралистом ряд важнейших проблем, выходящих за пределы специально-психологического кругозора. Однософски-ценные пихологические гипотезы, старающиеся схватить сущность и происхождение неврозов, (как, например, гипотеза Жанэ) в сопоставлении с такими методами лечения, как воздействие на подсознание посредством психоанализа, внушения и так называемого "морального воздействия", подводят нас вплотную к проблеме философского понимания невроза, к тому, что можно назнать метафизикой невроза.

Прежде всего неврозы - суть настоящая болезнь души, которая необъяснима никакими анатомическими изменениями организма, как это установил еще Аксенфельд, в противоположность некоторым другим психическим болезням, например, эпилепсии. Сама душа есть их виновник и носитель и только посредством воздействия на душу их можно лечить. Физическое воздействие носит вспомогательный характер. Что же происходит с душою, когда она больна неврозом? В чем сущность невроза, объясняющая и ократывающая необычайное многообразие его странных проявлений? Наибольший философский интерес представляет не гипотеза Фрейда (невроз как искаженное libido) и не гипотеза Адрей (невроз как оссознательно "плутующая" воля к власти), а гипотеза П. Жанэ, согласно которой невроз есть потеря соприкосновения с реальностью, или, как он выражается, потеря функции реальность. Функция восприятия резальность ве е польноте воздействия на эту реальность. Функция респриятия рефункция, требующая наибольшего психического напряжения, самая ценная и самая тручая функция, самая ценная и самая тручая функция соявания.

И вот невроз есть такое ослабление психического тока, при котором он не способен выполнять эту функцию высшего напряжения; он есть как бы некоторое угасание духа, по замечательному сравнению Жанэ, лампочка накаливания при ослаблении тока показывает ряд качественно новых явлений, она уже не светит бельм светом, а дает красное свечение, а при дальнейшем ослаблении - прекращение световых явлений. В вот странные симптомы неврозов представляют собою такие качественно многообразные проявления ослабленного "горения духа", как, например, субъективный поток образов, фантастические измышления, не стоящие ин в какой связи с реальностью (драктерные для истерии), представляют собою меньшее напряжение духа и потому, при ослаблении духа, замещают собою функцию реальности". Наименьшее напряжение психической энертии представляют бессовлательно бессимьсленные движения, мотор-

ные рефлексы, совершенно нецелесообразные и как бы окончательно порвавшие связь с реальностью. Они и являются наиболее характерным выражением невроза. Жанэ дает целую иерархическую шкалу напряжений духовной энергии. На первом месте стоит "функция реальности" - самое ценное и самое трудное из проявлений духа. Только на третьем месте стоят умственные операции, касающиеся образов и идей, и на последнем месте - некоординированные моторные рефлексы и нецелесообразные движения.

Ремигиозно-философски здесь важно то, что невроз есть пребывание в илмозии, потеря реальности и потеря вследствие угасания духа. Завет Апостола: "Духа не угашайте" есть самая сильная защита от всякого невроза и крайняя противоположность всякой "одержимости" с ее иллюзиями, ее небытием. Ремигиозная установка сознания требует трезвенности, бодрствования, паменности, света духовного и отстранения всякой субъективной "прелести" и всяких субъективных измышлений. Это прежде всего онтологический реализм, требующий причастности к Присносущему.

Поэтому истинная религиозная жизнь противоположна всякому неврозу и психозу и святые суть самые здоровые люди, обладавшие во всей полноте "функцией реальности", о чем свидетельствует их прозорливость, понимание исторического момента, пророческий дар и постижение реальной индивидуальности. Можно было бы сказать, что только религиозный человек в настоящем смысле слова обладает "Функцией реальности", ибо имеет прикосновение к глубочайшему корню и основе всякой реальности, к самому Присносущему Бытию. Но если так, то сама собою напрашивается мысль, что самое радикальное исцеление от всяческого невроза заключается в вере, религиозной жизни и аскетике; только на этом пути уничтожается всякая "одержимость", изгоняется беспокойный дух иллюзорных страхов и терзаний, присущих душе современного человека. Все это для религиозного человека есть самое знакомое и обычное заключение. Духовный отец есть для него прежде всего лекарь духа. Но вот что изумительно: современная наука и медицина, вместо прежнего взгляда на всякую религиозность как на манию и психоз, начинают теперь приходить к заключению, что вера и религиозная жизнь - суть самого мощного средства устроения ауши и исцеления духа. Такая точка зрения начинает все более и более распространяться среди психопатологов, особенно после появления в свете замечательной книги Вильяма Джемса "Многообразие религиозного опыта", которая ясно показывает, что вера есть мощное и, быть может, единственное средство поднятия, усиления и укрепления всех видов человеческой энергии. Еще знаменитый Шарко настаивал на испеляющем значении веры. Наиболее ярко эта мысль выражена у Д-ра А. де Шапл: "В душевной жизни нет феномена более мощного, чем вера, и сильная воля не существует без веры... Необходимо признать, что религиозное обращение, представляющее собою переход от сомнения к вере, является самым надежным психотерапевтическим методом... Опыт показывает врачам, что нервные больные, искренно верующие, излечиваются скорее, чем другие".

Чрезвычайно интересной представляется с этой точки зрения система бернского профессора Дюбуа, основателя психологического метода рационального убеждения. Основная мысль этого ученого очень проста: он устанавливает прямую связь современного нервного вырождения с потерей нравственного идеала. Для него идеализм есть средство исцедения. Когда читаешь Дюбуа и многих современных мастеров психоанализа, невольно встает в уме простое заключение, что неврозы являются наказанием за грех. Толстой как-то говорил, что склака болезнь есть указание на то, что человек жил греховно. И когда психиатры требуют от больного более суровой и простой жизни, то они требуют того же, что утверждается во всякой аскетике. И, в частности, методы исихоанализа и внушения прекрасно разработаны в религиозной аскетике, как христианской, так и индийской.

СОДЕРЖАНИЕ

OT COCTABUTEAEЙ	
І СЕРДЦЕ И РАЗУМ ПСИХОАНАЛИЗА	
Анри М.	ЗНАЧЕНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО ДЛЯ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
Шашин П.В.	ПУТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО 27
Шерток Л.	СЕРДЦЕ И РАЗУМ В ПСИХОАНАЛИЗЕ
Асмолов А.Г.	НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ПУТЕЙ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА
Симонов П.В.	О ДВУХ РАЗНОВИДНОСТЯХ НЕОСОЗНАВАЕМОГО ПСИХИЧЕСКОГО: ПОД- И СВЕРХСОЗНАНИИ 60
Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.	изучение впф и категория бессознательного $$ 69 $$
и коды и высказывания	
Цапкин В.Н.	СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
Финкельштейн Э.Б.	ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФИЗИКИ
Гамкрелидзе Т.В.	БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПРОБЛЕМА СТРУКТУРНОГО ИЗАМОРФИЗМА МЕЖДУ ГЕНЕТИЧЕСКИМИ И СТРУКТУРНЫМИ КОДАМИ
Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.	КАК ВОЗМОЖНО ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
Шерток Λ .	ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ ВНУШЕНИЯ
Файвишевский В.А.	БИОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ
Ротенберг В.С.	СНОВИДЕНИЕ КАК ОСОБОЕ СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ 148
Мелетинский Е.М.	АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ 159
Иванов В.В.	БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ, ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АССИМЕТРИЯ, ЯЗЫК И ТВОРЧЕСТВО
Добрович А.В.	ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО И ЕЕ СВЯЗИ С ВОПРОСАМИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ 174
Березин Ф.В.	ПСИХИЧЕСКАЯ И ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ
Зенков Л.Р.	БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И СОЗНАНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖПОЛУШАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 201
дкатев йыналашочп ііі	
Элисон Э.	БЕЗУМИЕ И ВЕРА
Вышеславцев В.	РЕЛИГИОЗНО - АСКЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕВРОЗА 218

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. СБОРНИК СТАТЕЙ ТОМ I

© Агентство САГУНА 1994 346430 г. Новочеркасск пр. Ермака 106

Тематическая редакция "Гуманитарная коллекция"

Ведущий редактор - Макогопенко Ю.В. Художественный редактор - Чернявская И.Л. Художник - Белоусова А.Г. Корректоры - Глаз Н.И., Серебряков М.Л.

Компьютерный набор - Бурдужа И.П. Компьютерная верстка - Шкарбицкий М.И.

ISBN 5-7593-0196-9 (серия) ISBN 5-7593-0197-7 УДК 159.964 Б-536 ББК 88.6

AP № 060721 от 14.02.92 Сламо в набор 1.06.93. Подписамо в печать 7.04.94 Издание № 75. Формат 84x108/16 Гарнитура Мисль. Офсствая печать Усл. печ. л. 23,72 Уч.-изд. л. 16,12 Тираж 7000. Заказ № 8

Издательство Агентство "Сагуна" 346430 г. Новочеркасск, пр. Ермака 106

Типография "АУМ". 346421 г. Новочеркасск пр. Баклановский 200

